

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 4

«Филология»

Москва 1998

ББК 81
Я410

Электронная версия сборника, изданного в 1998 году издательством «Филология» совместно с издательством «Диалог-МГУ».

В электронной версии исправлены замеченные опечатки. Расположение текста на некоторых страницах электронной версии по техническим причинам может не совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.

При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: «Филология», 1998. —
Вып. 4. — 128 с.

ISBN 5-7552-01-11-0

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: русистика, англистика, богемистика, социолингвистика, лингвокультурология, идиом, корпусные исследования, лексикография

Language - Mind - Communication. Issue 4 / Eds. Krasnykh, V.V.; Izotov, A.I. - Moscow: Philologia, 1998. - 128 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, Czech studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis, lexicography.

ББК 81
Я410

ISBN 5-7552-01-11-0

© Авторы статей, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В., Вольская Н. П.</i> Феномен прецедентности и прецедентные феномены	5
<i>Сорокин Ю. А.</i> Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия	34
<i>Курбангалиева М. Р.</i> Татарские и русские соматологические портреты	45
<i>Мруэ З. Ш.</i> Реконструкция ливанского соматологического портрета (итоги экспериментального исследования)	70
<i>Гудков Д. Б.</i> Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента)	82
<i>Киреева Е. С.</i> Соотношение «язык и личность»: к вопросу о построении синтезирующей модели	93
<i>Конурбаев М. Э., Менджерцкая Е. О.</i> Функция воздействия в художественной литературе и публицистике	102
<i>Клобуков П. Е.</i> Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке)	109
<i>Изотов А. И.</i> О семантическом картировании поля побудительности чешским и русским языками	124

Феномен прецедентности и прецедентные феномены

Дискуссия состоялась в ИЯ РАН 28.01.98.¹

В дискуссии приняли участие:

*© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин (ИЯ РАН),
кандидаты филологических наук Д. Б. Гудков и В. В. Красных (филологический факультет МГУ),
старший преподаватель ЦМО МГУ Н. П. Вольская, 1998*

- Красных.** Предлагаю, во-первых, обсудить понятие прецедентности. Что это такое? Какие феномены обладают этим качеством? Где проходят границы внутри самих прецедентных феноменов (ПФ), можно ли говорить о некоторой классификации? Соответственно, где граница прецедентности?
- Сорокин.** А вы сами как считаете, существует прецедентность или нет?
- Гудков.** Мы считаем, что существует.
- С.** А что это такое?
- Г.** Некоторые структуры (употребляю это слово не как термин), которые не создаются заново, а воспроизводятся. Из этого следует, что существуют самые разные прецеденты в зависимости от порядка рассмотрения.
- С.** Имеет смысл упомянуть понятие прецедента в юриспруденции. Очень, кстати, близкое тому, которое мы обсуждаем. Что это такое? Факт, поступок и вещь.
- К.** Но мы говорим не о факте.
- С.** Смотря как понимать факт.
- Г.** Не считая себя специалистом в юриспруденции, замечу, что ее интересуется, наверное, не столько сам факт, а то, что можно назвать структурой, т. е. взаимоотношения между определенными элементами, позиции, которые возникают в тех или иных ситуациях.
- С.** Но позиции возникают после того, как вы признали, что существует некоторая вещь, факт.
- Г.** Совершенно верно.

---

¹ Все, заинтересованные в данной проблематике и желающие принять участие в дальнейшем обсуждении феномена прецедентности, могут посылать свои материалы по адресам: 119899 Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1 Гум. корп., филологический факультет, ауд. 836, Гудкову Д.Б. и Красных В.В.; 103009 Москва, Большой Кисловский пер., 1 / 12, Институт языкознания РАН, Сорокину Ю.А.

- С. Первое свойство прецедента, видимо, повторяемость.
- Г. Соглашусь.
- С. Второе свойство, очевидно, маркированность — не каждый день убивают на Кустанайской улице.
- К. Но кошельки крадут каждый день.
- С. Это значит, что внутри маркированности возникает сильная и слабая маркировка. Это в самом общем виде. Мы не касаемся пока той сферы, которая нас интересует. Три признака мы уже наметили. Да?
- Г. Проблему маркированности я хотел бы обсудить позже.
- С. Нет! Лучше сразу.
- Г. Боюсь, что это может далеко нас увести, но вот в чем дело: маркированность для кого и маркированность когда. Ведь какой-нибудь машинный жест... Например, в к/ф “Мертвый сезон” главный герой особым образом ощупывает собственное лицо, т. е. для него и людей, которые близко его знали, жест этот вовсе не воспринимался как знак, не имел значения.
- С. Вы берете очень сложный случай, ведь его наблюдали со стороны.
- Г. Конечно, но для тех наблюдателей, которые пытаются его разоблачить, этот жест является маркированным.
- С. Можно, вероятно, говорить о жестах (знаках) отрефлексированных/неотрефлексированных. В вашем примере мы имеем дело со вторым типом. Значит, еще один признак появился.
- Г. Если же рассматривать эти вещи при межкультурном контакте, то легко заметить: то, что является для одной культуры немаркированным, маркировано в другой.
- С. Стоп, стоп! Вы хотите сейчас прыгнуть в межкультурные контакты и в художественные тексты. Нет! Подождите. Четыре признака мы установили. Вроде, все с ними согласились.
- К. Можно повторить еще раз? Во-первых, факт?
- С. Да, очевидно. Факт, но в широком смысле этого слова.
- К. Второе?
- С. Маркированность.
- Г. Повторяемость и отрефлексированность.
- С. Да. Мера его слабой и сильной рефлексии. Вы, очевидно, судя по вашим анкетам, не занимаетесь прецедентами, которым можно приписать слабую отрефлексированность. Вы говорите о феноменах, которые характеризуются сильной рефлексивностью.
- К. Это та проблема, о которой говорил Митя. Разные уровни прецедентности. Можно говорить о степенях отрефлексированности. Автопрецеденты, какие-либо социумные прецеденты, национальные преце-

денты, универсальные прецеденты. И на самом деле очень многие вещи не поддаются саморефлексии.

С. Безусловно.

К. Но как только сталкивается энное количество предметов, в самом широком смысле этого слова, сразу все становится ясно. Жест, о котором шла речь, для идентификации данного предмета оказывается маркированным. В кругу семьи этот признак оказывается нерелевантным, когда же этого человека нужно найти, этот жест становится дифференциальным признаком. То же самое происходит с “культурными предметами”, если возвратиться к интересующей нас области.

С. Можно, таким образом, сказать, что существуют идиолектные прецеденты, но автопрецедентов, видимо, не существует. Их сфера распространения значительно уже, потому что автопрецедент, наверное, связан будет с проблемой его осознания как такового, но осознать будете только вы. Вы его не передаете другим, как в той сцене... Когда он делает этот жест, он, очевидно, знает, что это такое.

К. Но это, скорее, машинально.

С. Но он знает. Представьте себе, что вы знаете, как подходите к умывальнику, несмотря на весь автоматизм того, что вы делаете...

К. Это вопрос спорный. Когда сороконожку спросили, как она ходит... Словечки любимые... Человек может их не фиксировать, им это не осознается.

С. Но всегда должен быть наблюдатель. Вы же говорите с точки зрения наблюдателя. В любом случае, признаки мы уже выделили.

К. Мы говорим о признаках ПФ. С этой точки зрения слово тоже можно рассматривать как ПФ. Давайте возьмем слово как феномен. Слово — это факт? В широком понимании — факт. Повторяется? Повторяется. Маркировано? Может быть маркировано, а может быть и нет. Поддается рефлексии? Что в данном случае может поддаваться рефлексии? Словоупотребление? Или значение? Или еще что-то? Это получается очень широкое определение. Оно подходит практически для любого феномена, существующего в языке. Но нам надо отграничить собственно ПФ от феноменов unprecedentedных. Мы приняли рабочее понимание ПФ как таких, за которыми стоит некий инвариант восприятия.

С. Это что тогда? Прецедентность?

К. Да. Мы можем определить ПФ. Но что такое прецедентность как феномен, нам не удалось сформулировать. Что такое прецедентность как феномен?

Г. Анкеты показывают, что однозначно существует инвариант, стоящий за прецедентным именем (ПИ). Хочу сказать сейчас, чтобы потом

уже к этому не возвращаться. На данный момент я обработал 88 анкет, интересно, что вне зависимости от региона или социума ситуация не меняется. Картина стала совершенно ясна после обработки 40-50 анкет, последующие ничего нового не добавляют, только дают материал для статистики. Теперь приведу только один пример. Такое ПИ, как *Павка Корчагин*. Можно говорить, что люди, которым больше 30 лет, знают это имя лучше, чем те, которым меньше 20, но и у последних знание этого имени порядка 70%. Оценки очень разные: от резко негативной (*фанатик, идиот, дурачок*) до явно положительных (как было написано в одной из анкет — *отважный герой за Родину*). Но ДП “идейность” включается почти во все ответы, один говорит — фанатик, другой — борец за идею, человек, готовый за идею отдать жизнь. Это ядро выделяется. Оценки же могут быть полярными.

- С. Вышли тогда на еще один вопрос, чего так хотела Красных. Она понимает, что существуют прецеденты, но не понимает, что существует прецедентность как феномен.
- К. Нет. Я понимаю, что она существует, я пока не могу четко сформулировать определение этого феномена. Очень часто меня спрашивают, что это такое. Интуитивно я понимаю, что это, но дать однозначного определения, типа “Прецедентность — это...”, я не могу.
- С. Дима привел пример и ПФ, и прецедентности. Он рассказывал о том, что существует некий образ. В этом образе есть совокупность признаков. Видимо, этот образ, как и любой образ-символ, позволяет проделывать такие операции. С этой точки зрения, прецедентность как феномен есть, очевидно, очень многозначный, мозаичный и диффузный образ.
- Г. Мне пришло в голову, что прецедентность — это такая специфика отношений, когда за А однозначно следует Б.
- С. Следует признать, что это какие-то отношения между знаком А и знаком Б. Но смысл образа не в том, что он употребляется, а в том, что он навязывает или предлагает определенный эталон поведения. Следовательно, феномен прецедентности — это образ с некоторым алгоритмом поведения и некоторым алгоритмом оценок. Все, что обладает этими качествами, можно считать...
- К. Прецедентностью?
- С. Нет.
- Г. Прецедентным феноменом.
- С. На самом деле вы имеете дело с реализацией. За реализацией выделяется каких-нибудь пять классов образов... Всего лишь. Они могут быть описаны очень широко: “Это нечто, это образ, который указывает на то-то, на то-то...” И безотносительно имени или факта.

- Г. Существует же то, что Гаспаров называет коммуникативными фрагментами, если говорить уже не на индивидуальном уровне, всевозможные сращения, фразеологизмы, идиомы. То, чем, например, активно занимается Ирина Захаренко. Она в своих анкетах просит закончить высказывания типа: *А был ли...* ; *Администрация закрыта, все ушли на...* Информантам предлагается дописать эти фразы. И ясно, что для социализированного русского, немаргинала не представляет никого труда закончить подобные предложения. Говорить в данном случае о каком-либо образе вряд ли приходится, здесь важна элементарная последовательность слов. Как задается эта цепочка, ее продолжение следует совершенно однозначно. Это прецеденты.
- С. Безусловно.
- Г. Еще один момент. Возьмем элементарные речевые тактики или ритуализированное речевое поведение, т. е., когда мы с вами встречаемся, для нас обязательны определенные ритуалы: “Добрый День”, “Как дела?” и т. д. Здесь выбор совершенно ничтожен. Здесь я уже обязан выполнять некоторую речевую программу в зависимости от некоторого образца, эталона, т. е. прецедента. Например, речь приветствия комсомола съезду партии.
- С. К чему вы клоните?
- Г. Это то, что классифицируется нами как прецеденты, не потому что за ними стоит образ, а потому что это определенная жестко заданная последовательность. Последовательность развертывания текста, развертывания диалога, построения высказывания. Когда я начал, я должен продолжать только так, а не иначе.
- С. Я соглашусь, что прецеденты являются частью очень широкого класса, к которому относятся традиции и ритуалы. Они могут быть клишированными в очень сильной степени. Кстати, еще один признак — клишированность, можно говорить о сильной и слабой клишированности. Слабую клишированность мы не замечаем, мы к ней привыкли, но когда уровень ее повышается, мы ее начинаем замечать, и это связано с тем, что мы в данном случае имеем дело со специфическим видом прецедентов — с фатическими прецедентами. А это особый класс прецедентов, который в данном случае нас не интересует, который мы не рассматриваем.
- Г. Но они все оказываются очень связанными.
- С. Безусловно. Я бы сказал еще резче: мы живем в сугубо прецедентном мире, и не мной это было сказано. Да, мы их просто не замечаем. Но среди этих больших классов выделяются какие-то специфические, те самые, которыми вы, например, занимаетесь, они очень значимы как сумма и результат некоторых отсылок. Это — итог опыта, оценок

этого опыта, суммации текстового и нетекстового поведения. Мы экономим здесь время. Еще один признак — экономичность. Экономичность, о которой мы все время говорили: “Где экономичность в языке? Почему язык экономен?” Правда, я с этим не согласен. Язык антиэкономен. Но это другой вопрос. В нем существует и параллельная тенденция. Они взаимоуравновешиваются. Так вот, одним из способов экономии является прецедентность как таковая.

- К.** Это да. Меня, правда, смущает тезис о фатическом употреблении. Потому что мне кажется... Мы об этом говорили неоднократно. Прелесть вся в том, что из всех ПФ так могут использоваться, пожалуй, только ПВ. Иначе говоря, если это фатика, то теряется тот стержень, который делает феномен прецедентным.
- С.** Он не теряется. Но он вам в данном случае не нужен.
- К.** Тогда нет смысла употреблять сам термин...
- С.** Дело в том, что, помимо этого, существует сильная и слабая прагматичность у прецедентности. Мы договорились, что прецеденты входят в какой-то класс традиционных ритуалов, привычек, поэтому у них очень слабая прагматичность, мы ею жертвуем, чтобы выиграть на сильной прагматичности. Когда нам нужно... Существуют некоторые достаточно абстрактные понятия и ценности, которыми мы руководствуемся, даже критикуя и отрицая их. Понятия смерти, любви, нежности и т. д. — это, собственно говоря, совокупность образов. Тот феномен прецедентности, который ищет Красных... Они не могут существовать как некоторые явления сами по себе. Мы их должны представить в достаточно наглядном виде. Прецеденты помогают нам наглядно показать, что такое, например, нежность. Что такое “тургеневская женщина”? Что это за феномен?
- Г.** “Тургеневская женщина” — это как раз ПФ, за которым стоит совокупность некоторых сложных образов, которые мы редуцируем до совершенно конкретных.
- С.** Вы можете сказать о Лизе Калитиной, что именно она является реализацией того, о чем мы говорили. Это конкретный прецедент. Нам почему-то понадобился именно он, потому что гордость, нежность, самоотверженность — это абстрактные образы, “тургеневская женщина” — этот образ уже полуабстрактен. Человек, который не владеет в полной мере содержанием этого понятия, в ряде случаев не разбирается, к чему мы его отсылаем, тогда мы это понятие конкретизируем. Следовательно, выходит, что прецедент обязательно существует как некоторая пошаговая операция. Пошаговость прецедента тоже должна присутствовать. Видимо, то, что пошагово, в ряде случаев прецедентно, но не всегда.

- К.** Это алгоритм...
- С.** Но алгоритм в кавычках.
- Г.** Это то, что мы с Викторией активно обсуждали. Безусловно, происходит некоторая редукция. Анкеты демонстрируют весьма любопытные вещи с теми же прецедентными именами (ПИ). Не знаю, в какой степени можно назвать имя *гений* абстрактным, но для меня оно абстрактно. Что такое гений? У каждого человека может быть бесконечное восхождение к этому понятию.
- С.** Мы его конкретизируем и тогда...
- Г.** А мы говорим: Моцарт, например. Мы можем рассмотреть более сложный случай, скажем, *разносторонний гений*.
- С.** Это, конечно, Микеланджело.
- Г.** Вот тут могут начаться расхождения в зависимости от социума. Если говорить в кругу образованных людей, то можно апеллировать к Микеланджело и, наверное, Леонардо. Но если я прихожу к деревенским бабушкам и дедушкам, в сельскую школу и т. д. и мне надо выразить это понятие, я упомяну имя Ломоносова.
- С.** Скорее всего. Дима, это другой вопрос. Красных ведь настаивает на том, чтобы мы сосредоточились на онтологии. Ее тянет в онтологию. Немногих женщин тянет в онтологию, это надо ценить, между прочим...
- К.** Ха-ха-ха... Спасибо.
- Г.** Я с ней согласен.
- С.** Нужно признать, что однородной прецедентности а priori не существует. Чем больше мы будем знать о прецедентности, используемой разными социальными слоями, тем яснее будет становиться картина. Мы должны учитывать, что существуют прецеденты сильной и слабой когнитивной мощности.
- К.** Можно сказать по-другому: те ПФ, которые входят в ядро КБ, и те, которые являются элементами ее периферии.
- С.** Я с этим не соглашусь, потому что для каждого слоя, очевидно, будет свое ядро и своя периферия, отсылки телевидения, прессы это ясно доказывают.
- К.** Это то, о чем говорила И. Захаренко, основываясь на результатах своих наблюдений...
- С.** Периферия имеет свое собственное ядро, а внутри периферии идет свое расслоение, в котором тоже можно увидеть некоторые подклассификации. Я думаю, что существует некоторое общее ядро того, о чем мы говорили. Но оно достаточно абстрактно и связано с этим высоким классом образов. Собственно, не сами прецеденты можно счи-

тать ядрами, а... Ядро — это сам феномен прецедентности как совокупности этих образов.

Г. Последнюю мысль я не очень понял.

С. Мы говорили о нежности, смерти и их образах, существующих именно как образы.

Г. Некоторые ключевые концепты, как сейчас модно говорить.

С. Допустим. Но мне нравится образ. Потому что это не концептуализировано.

Г. Да, они не концептуализированы.

С. Абсолютно. Нет там никаких концептов, там нет когнитивности, есть в лучшем случае когитивность, больше ничего. Может быть, даже этого нет... Дело в том, что, говоря о прецедентах, нужно иметь в виду два вида инвариантности. Я бы выделял инвариантность, которая идет от школы и вообще от систем социализации личности, и другую инвариантность, которая предполагает очень широкий разброс мнений. Мы о второй инвариантности, по сути дела, судить не можем. Когда Красных говорит, что существует инвариант Анны Карениной, я бы из любви к женщинам и уважения к ним согласился. Но она может это говорить, когда будет иметь совокупность интерпретаций этого текста, сведение всех их предполагает, что мы получаем некоторый инвариант, касающийся только одного слоя, одного возраста, одного уровня образования и т. д. Таких инвариантов, следовательно, мы можем насчитать несколько, но тогда ломается само понятие инвариант. Инвариант школьный, навязываемый, носит другой характер. Нужно учитывать, что существует два класса прецедентов. Мы занимаемся прецедентами, которые относятся к научению, обслуживают это научение.

К. Мне кажется, в этом нет противоречия.

Г. Я согласен, что это не противоречие. Но здесь вот какой момент...

Вольская. Все общество прошло через эту школу, образование, т. е. некоторую базу для того, чтоб понять, о чем идет речь, я уже имею. Не может быть иного инварианта этого прецедента.

С. Да, но, например, проиграем такую ситуацию, когда мы имеем дело со школьными прецедентами, назовем их так...

В. Да, например, возьмем Толстого, Достоевского... т. е. то, что знают все...

С. Учтите, что общество в фискально-ментальных целях предлагает некоторую рамку, в которой вы и должны двигаться.

В. Согласна.

Г. Совершенно верно.

- С. Конъюнктура может быть очень разная: от “+” до “-”. Безусловно, происходит смещение. Можно эти школьные прецеденты понимать в том исконно заданном виде, в каком они предлагаются школой и, допустим, вузами. Но важно и другое. Если мы соглашаемся с тем, что не существует инварианта как такового (на мой взгляд, текст многоосмысляем), тогда возникает простая очень вещь: нужно докапываться до строения образа, учитывая, что в нем существует не только тот фрагмент, о котором мы говорим, если мы договорились, что это образ. Почему? Потому что возможно переосмысление, если уж пользоваться близкими примерами *Обломова* и других персонажей. Давайте обсудим, что это такое.
- Г. Сейчас объясню.
- С. Лентяй, да?
- Г. Да.
- К. Конечно.
- С. Нет! Ни в коем случае! Это как раз выученное.
- К. Это неважно, Юрий Александрович.
- С. Важно. Я говорю о том, что это только институализированный фрагмент, который мы пытаемся изучить. Он существует, но возможность существования другого фрагмента должна быть учтена.
- Г. Мы об этом все время говорили и писали. Мы всегда утверждали, что в сознании индивида может существовать минимум два образа, а может, и больше. Обратимся опять к тому, что дают анкеты. Ярким примером является такое имя, как *Стаханов*. Например, информант, имеющий высшее гуманитарное образование, старше 60 лет, в первом пункте анкеты дает такой ответ: *“Жертва режима, фальшивый рекордсмен”*. Следующее задание такое: *“Закончите предложение: У нас все его называли Стахановым, потому что...”* *“Он много работал”*, — пишет тот же информант. Таким образом, можно понять, что существует образ Стаханова — человека, который просто много работает. Трудяга, работяга — все это проходит по анкетам. При этом существует и другой образ. С *Сусаниным* еще более ярко: *“Русский патриот, ценой своей жизни спасший царя от поляков”*, но: *“Он назвал своего друга Сусаниным, потому что... тот завел его в лес и заблудился”*. Мы говорим именно о втором образе.
- К. И это второе называем инвариантом.
- Г. И вопрос этимологии...
- С. Подождите, вы называете инвариантом то, что он завел в лес?
- Г. Да.
- С. В лес?

- К.** Завел в место, откуда выхода нет или он затруднен. Осознанно или нет — нерелевантно, как показывает обработка, которую проводит Митя. Здесь самое главное — завел (себя или другого — неважно, осознанно или неосознанно — неважно) туда, откуда выхода нет или он затруднен. Вот он инвариант. Это то, что Митя изначально назвал национально-детерминированное минимизированное представление.
- С.** Это лучше, чем инвариант. Да, минимизированное, да, представление, это то, что удачно один раз назвали локальными ассоциациями. Безусловно, это фокусированные локальные ассоциации, которые подчеркивают в факте значимые, устойчивые моменты. Думаю, лучше называть это так. Потому что мы договорились, что инвариант предполагает достаточно жесткое следование.
- К.** Правильно. Оно есть.
- С.** Но Дима предложил и другое — по Стаханову. Видите, противоречие наблюдается внутри.
- Г.** Юрий Александрович, я вот о чем. Если говорить только о восприятии... Люди часто начинали при ответе на вопросы анкеты о том или ином ПИ писать длинные эпистолы, высказывать свое отношение. Я говорю: “Представьте, что вы находитесь в трамвае. За вами стоят две женщины, которые обсуждают какого-то мальчика. *“Это будущий Моцарт”*”, — говорит одна из них. О чем вы подумаете? Как она хотела охарактеризовать этого мальчика? И вы ответите: *“Редкое музыкальное дарование”*. Я могу, мы об этом тоже много писали, например, не любить Моцарта, считать его музыку легковесной, бездумной и т. д. Предположим, например, что мы говорим об этом с вами, я вас плохо знаю, у нас нет единого когнитивного пространства, и мне, например, Спиваков тоже очень не нравится, разве я скажу: *“Был я вчера на концерте Спивакова, это, конечно, Моцарт”*?
- К.** Никогда.
- Г.** Никогда не скажу, потому что, если я назову Спивакова Моцартом, то Вы решите, что я характеризую его как гения, выдающегося музыканта. В крайнем случае я дам развернутый комментарий: “Я не люблю Моцарта и поэтому так называю Спивакова”. Без комментария это не пройдет. Это же происходит и с так называемыми этническими стереотипами. Человек приехал из Англии и начинает мне объяснять, какие англичане нехорошие, пьяницы, хулиганы, дерутся постоянно, юмор ужасный... Но потом он говорит: *“У меня есть знакомый по имени Петя, он настоящий англичанин”*. Не скажет он так, желая охарактеризовать этого Петю как пьяницу и хулигана. Здесь та же проблема стереотипа или минимизированного представления, кото-

- рое жестко включает определенные дифференциальные признаки: чопорность, холодность, воспитанность и др.
- С.** Согласен. Но из вашего выступления я уловил мысль о том, что не все так просто обстоит даже с минимизированным представлением. Вы говорите об англичанине с двух разных точек зрения. У меня возник вопрос: а почему бы не принять ту точку зрения, которую предлагает Дима?
- Г.** Потому что это будет моя индивидуальная точка зрения.
- В.** Большинство принято считать, что англичане чопорные и т. д. Не знаю, как сложилось это представление, но оно сложилось.
- С.** Я не думаю, что мы имеем здесь дело с тем, что мы обсуждали. Видимо, следует ввести тогда другие понятия. Если говорить о прецедентах, возникает проблема реальных прецедентов и квази-прецедентов.
- К.** А что такое квази-прецеденты?
- С.** Стереотипные, зачастую ничем не подтвержденные представления.
- Г.** Вы встаем на очень шаткую почву. А что есть подтвержденное? А вы уверены, что это не является подтвержденным?
- К.** Думаю, что стоит развести стереотип и прецедент, как я это делаю, извините. В основе ПФ лежит некий феномен, который существовал или существует. Некий единичный феномен, на основе которого сложилось инвариантное восприятие. С другой стороны, стереотипы, которые при широком понимании прецедентности тоже могут быть отнесены к прецедентам, но, с точки зрения строгой классификации (я понимаю, что это очень грубо и мы отсекаем много живого материала, но пойдем на это, чтобы выделить скелет системы), нужно различать ПФ и стереотипы. За стереотипом не будет стоять конкретный англичанин, который когда-то с кем-то чопорно себя вел. Мы не найдем такого единичного феномена. Можно назвать это квази-прецедентами, я называю это стереотипами.
- С.** Согласен, пожалуй. Тогда выясняется, что мы отделяем прецедентность от всех других явлений...
- К.** По факту.
- С.** Да... Даже еще лучше — по маске некоторой, по лицу. Прецедент — это обязательно персона, хотя так и не нельзя сказать.
- Г.** А Кощей Бессмертный?
- С.** Персона! Тогда это удобно. Тогда мы отходим от того, что должны рассматривать также и стереотипы. Стереотипные представления достаточно расплывчаты, и они указывают на такую широкую область, в которой мы не можем определить, где истина, а где ложь, полупри-стина и полужошь.

- К.** Да.
- С.** Договорились.
- Г.** Хорошо, после обсуждения этого круга проблем я хочу вернуться к тому, о чем мы говорили. Все-таки с текстом, именем нам более или менее понятно, но давайте рассмотрим то, что Прохоров называет прецедентными прагмореклексами. Вопрос об удачности термина сейчас не ставится. Это закономерные реакции. Например, “Пробейте мне талон” и определенная последовательность действий (вербальных и невербальных), которые за этим следует.
- С.** Это не прецедентность, с моей точки зрения.
- К.** Это, я считаю, определенный стереотип, стереотипная ситуация, ее можно по-разному толковать.
- С.** Можно назвать это стереотипом, не более того. Это не имеет отношения к прецедентам.
- Г.** Таким образом, сценарии ван Дейка, всевозможные скрипты, схемы мы...
- С.** Это не прецеденты. С нашей точки зрения, это не прецеденты. Это другой широкий класс ритуальных операций, который мы не учитываем, потому что, если возражать Прохорову, это — да, прецедент, но с нулевой значимостью. Нулевую значимость в данном случае мы не рассматриваем.
- К.** Что значит нулевая значимость? Понимаете, это нулевая значимость при моносоциумном общении.
- С.** Да, безусловно.
- К.** При общении представителей разных социумов сразу появляется значение.
- Г.** Это другой вопрос. Я согласен, это не поступок, это ритуал.
- С.** Это можно назвать автоматизированными прецедентами и прецеденты поставить в кавычки. Ими мы не занимаемся.
- К.** Да.
- С.** Это особый разговор, связанный с фатическими явлениями и т. д., и т. п.
- Г.** Меня эти явления интересуют. Я их все пытаюсь развести или свести, потому что есть определенные ситуации, когда в том же политическом дискурсе они оказываются очень тесно связанными друг с другом. Вопрос о границе “сценарности” или свободы достаточно сложный, и однозначно сказать, что это ритуал, а это поступок...
- С.** Нельзя.
- Г.** ... довольно трудно. Некоторые случаи достаточно понятны, например, речь работника загса перед новобрачными. Это на 100% ритуальное поведение.

- С. Прогноз погоды, например.
- Г. Да. Но... там все-таки есть какая-то информация. В первом случае она вообще отсутствует.
- С. За этими фатическими единицами очень глубокая информация. Участники ощущают ее очень четко. Некоторые с горечью, а некоторые с любовью.
- К. “Неужели это на всю жизнь?”
- С. “Наконец попался!”
- Г. Дело в том, что то, что мы называем ПФ, очень тесно связаны с этими вещами. В прошлом году на совещании о политическом дискурсе я сделал весьма сумбурный доклад на эту тему. Я этим не занимался постоянно, но, рассмотрев несколько номеров газет “Завтра” и “МК”, набрал некоторое количество имен, на которые там ссылаются. В основном я ориентировался на имена в предикативной позиции: метафоры, сравнения... Это два совершенно разных мира.
- С. Хочется надеяться, что когда-нибудь мы сможем описать комплексы ценностных установок, представляя их только через сумму прецедентов. Для характеристики того или иного слоя, тех или иных деятелей мы можем приписать в качестве предикатов некоторые прецеденты. И этого для понимающих людей будет достаточно.
- Г. Этого и сейчас достаточно. Потому что, даже если сейчас любому москвичу я покажу два списка, в одном из которых будут фигурировать, боюсь сказать на память, такие имена, как Фрейд, Ницше, а в другом — Илья Муромец, Суворов... Вот я только по два имени назвал, скажите мне, из какой газеты какие?
- С. Можно судить об ориентации.
- Г. Конечно. И те, и другие имена могут встречаться в каждой из газет, но в моем списке было имен по двадцать, и такие списки дают достаточно четкую картину.
- С. Значит, мы приходим к тому, что мы этим занимаемся не только потому, что хотим обучать. Мы косвенно выходим на изучение того, что называют ментальностью. Прецедент — это знак ментальности, определенным образом аранжированный. Это нужно подчеркивать. Заметьте, что по сравнению со стереотипом этот знак персонифицирован, это тоже показательно.
- Г. С этой точки зрения нужно говорить о национальной специфике прецедентов.
- С. Ой! Я боюсь об этом даже говорить. Лучше всего описать русских, а на новом прыжке выходить на сопоставление прецедентов в других культурах.

- Г.** Дело в том, что в данный момент мы на сопоставление выходить и не можем. Необходима очень широкая картина сопоставления с самыми разными языками. Мы к этому пока не готовы, но можно анализировать отрицательный материал, который у нас есть и который проясняет некоторые вещи в нашей картине мира. Я не хочу сказать, что, скажем, у японцев это так, а у нас так, но я вижу: то, что не замечает русский, на это сразу же обращает внимание японец.
- К.** Я думаю, что одно дело — говорить о национальной специфике, отличающей одну систему от другой, и другое — показать некоторые характерные черты. Мы говорим скорее не о национальной специфике русских ПФ, но о характерных чертах...
- С.** Добавлю, что сейчас есть экспериментальная работа, в которой на основании опросов сопоставляются образы финнов и русских. Там нет прецедентности в нашем понимании, но есть нечто другое, что может служить точкой отсчета для рассуждения на эту тему. Если говорить, что структурные свойства родного языка яснее выступают на фоне сопоставления с другими, я с этим, пожалуй, соглашусь. Но я не согласен, что структурные свойства родного языка и картина мира могут выявляться только в сопоставлении с большим рядом других языков. Компаративистика многие годы только этим и занималась. И что? Каковы результаты? Где они? Почему это не дает ничего для дальнейшего рассуждения? Все уже вроде бы есть. Сколько времени мы уже сравниваем одно с другим! Хорошо. Описали какие-то структурные свойства, но оказывается, что из этого ничего не следует. Получается, что существует нечто, что их различает. И я задаю вопрос: что это? И зачем тогда сравнивать?
- Г.** Это нас уводит далеко в сторону.
- С.** А второй вопрос у нас какой? Дима, кажется выговорился. Слава Богу!
- Г.** Нет, я еще могу долго...
- К.** Второй вопрос связан с первым. Правда, границы прецедентности мы так до конца и не оговорили, но этого, может быть, и не стоит сегодня делать. А второй вопрос уже в нашей сегодняшней дискуссии прозвучал: это проблема когнитивной базы (КБ). Существует ли она? Какова ее структура? Каковы ее границы? Вы сегодня одну идею высказали, и я вскрикнула, что Ира Захаренко это привезла из провинции... Мы начинали в рамках Москвы, апеллировали к своему опыту, и наши наблюдения и размышления привели нас к тому, что надо говорить о каких-то ядерных элементах и периферийных элементах. С этим поехали на окраины. И экспериментальный материал Ирины показал, что то, что мы считаем ядром, в провинции может оказаться перифе-

рией, и наоборот. В глубинке к ядру относится то, что для нас, наверное периферия — фольклор, “преданья старины глубокой”... С домовыми и лешими бабушки в деревнях живут постоянно. Но вопрос остается. Можно ли говорить о существовании единой национальной когнитивной базы? Ее границы, вероятно, будут горизонтальными. Скажем, где проходит граница между русской и украинской КБ? Там будут зоны пересечения, наложения. Но в какой-то момент мы говорим: это русская база, а это украинская база. Где проходит эта граница? С другой стороны, границы вертикальные. Вопрос, который остался открытым, я на него однозначно ответить не могу. Скажем, русская КБ XIX века и современная русская КБ. Это разные базы или одна? Для ответа нужен специалист, который очень хорошо представлял бы себе жизнь XIX века. Какие-то элементы мы можем выделить. Так, читая “Евгения Онегина”, мы находим массу прецедентов, которые не нуждались в комментариях в прошлом веке, а сейчас необходимо должны быть откомментированы. И Лотман и другие ученые создают тома комментариев, которые по объему значительно превосходят сам текст.

- С.** Следовательно, существует однозначный ответ на ваш вопрос.
- К.** Не знаю, насколько он однозначный. Я боюсь так говорить.
- С.** Я не считаю случайным появление комментариев такого типа. Думаю, произошел значительный разрыв, связанный даже с простыми, казалось бы вещами, допустим с ломкой бытовых и других привычек...
- К.** Юрий Александрович, извините, я Вас перебыю. С одной стороны, да, действительно, многое поменялось, но с другой стороны, КБ — это нечто надвременное. Например, представления о добре и зле. Ведь русские сказки — как они тогда существовали, так они существуют и сейчас...
- С.** Не уверен в этом.
- К.** А вот для меня это вопрос.
- С.** А для меня нет вопроса.
- К.** Ну, хорошо, а восприятие *Емели*, *Колобка* или *Бабы Яги* в XIX в. и сейчас — это разные восприятия или нет?
- С.** У меня есть предположение, что это разные вещи. Но я не могу этого доказать. Второй вопрос, который мы сейчас обсуждаем, — это по сути сумма вопросов, и даже не к нам самим, а к проблемам. Отвечая на эти вопросы, мы можем поставить ряд исследовательских задач. Первую из них Вы сформулировали: простенький вопрос — проблема восприятия русских сказок современным читателем (детьми, естественно). Это раз. А второе — если вспоминать Лотмана, то появле-

ние его комментариев, конечно, не случайно. Если Вы начнете читать книгу (она, кажется, не переиздана, к сожалению) «Русские салоны», которая представляет собой сборник выдержек из разных сочинений или воспоминаний, посвященных салонам, то Вы столкнетесь с удивительным чувством: все вроде бы знакомо, но поведенческие соотнесенности, правила, по которым играло то общество, вроде бы понятны, но в то же время абсолютно непонятны. Помимо некоторых житейских вещей, которые не изменились (например, комментарии типа «улыбается, смеется, кашляет» и т. д.).

Г. Ну да, почему Онегин убил Ленского. Это совершенно непонятно с точки зрения современного человека.

С. Абсолютно.

Г. По тексту совершенно непонятно: ведь он не хочет и страдает потом... А чего убил тогда?

С. Пушкин-то был Александр Сергеевич все-таки. И смотрите, как он изящно это сделал: в тексте очень неявно, имплицитно присутствует указание на прецедент, который диктовал ему именно этот поступок. Этот прецедент был зафиксирован в Кодексе и требовался правилами общества. И не известно, на что он ориентировался в большей степени, но в целом это была явная отсылка. Но с нашей точки зрения, конечно, не понятно, почему он не пожалел бедного мальчика. Ведь так может вопрос стоять. И у меня принципиальное несогласие с Красных по вопросу о КБ. Я бы вообще не говорил о КБ. Мы уже выяснили, что тут говорить о когниции достаточно сложно: то, что мы обсуждаем, — это не когниции и не только когниции как таковые, там есть еще многое другое. Я тоже задавал себе вопрос и не могу на него пока ответить, отличаемся ли мы, русские, от украинцев сейчас — это уже вторая исследовательская задача: сравнить восприятие тех же русских сказок не только русскими детьми, но и украинскими. Тогда мы, может быть, сможем ответить. (Кстати, в эксперимент мы можем запустить и другие виды коммуникатов.) У меня складывается впечатление, что мы считаем себя близкими, имеющими нечто общее не только на основании прецедентов (хотя они тоже могут на это указывать), я думаю, что в основе лежат какие-то глубокие идентификационные механизмы, которые не связаны с тем, что мы называем сознательным. Мы ощущаем это родство, или близость, так же, как близость между этносами и друг другом, на основании каких-то бессознательных предпочтений. Это тот идентификационный механизм, который позволяет, несмотря на все различия, считать, что мы не чужие с белорусами, украинцами и еще кем-то. Мы поставили третью задачу — показать, что чувство эмпатии существует и что оно являет-

ся самым главным. Именно оно, на мой взгляд, а не КБ. Последняя тоже присутствует, но она нужна только как система некоторых отсылок, чтобы показать, что я и ты пользуемся одними прецедентами и символами, что подкрепляет наше доверие друг к другу.

- Г. Дело в том, что мы очень долго размышляли над этой темой и обсуждали целый ряд вопросов и проблем, связанных с КБ. Когда мы говорим “КБ”, мы понимаем, что этот термин условен, за ним кроется, грубо говоря, некоторое ядро общих представлений.
- С. Вот как хорошо сформулировано! Ядро общих представлений, не КБ. Потому что если мы включаем термин “представления”, я с ним сразу соглашусь. Не смысл, не значение — представление! Я давно на этом стою.
- К. А чем Вам тогда не нравится термин “КБ”?
- С. Представление — это не когниция.
- Г. Когниция предполагает сознательность, как я понимаю. Дискурсивность.
- К. Ну, хорошо, а представления где существуют?
- С. Это не важно. Может быть, они существуют в голове. А может быть, не в голове. Может быть, они запрограммированы по всему Вашему телу.
- Г. А может быть, вообще мы в это входим. Это существует само по себе, а мы — часть.
- К. Все может быть. Все это очень хорошо. Но я все-таки не считаю, что сам термин “КБ” столь неприемлем. Когнитивная — поскольку связана с сознанием, база — поскольку имеет место некий способ хранения информации и оперирования ею.
- С. Во многом это дело вкуса. Вероятно, Вы хотите придать своим рассуждениям (и это верно, здесь нельзя ничего возразить) некоторую строгость. Но я считаю, что можно за этим не гнаться. Термин “представления” мне лаком потому, что он показывает, что может не быть структурированных более или менее приличным образом знаний. Термин “представления” хорош тем, что указывает на существование некоторых индивидуальных и групповых осознаний и обязывает нас к строгой структуризации. Почему с Сусаниным и Стахановым возникают такие вещи, которые очень трудно объяснить? С точки зрения представления, все логично: оно само по себе должно быть противоречиво.
- Г. Хорошо. Давайте вернемся к началу обсуждения нашей проблемы: есть КБ или ее нет? (Я позволю себе пользоваться нашим термином, хотя, возможно, Вы правы в своих возражениях.) Наши коллеги иногда высказывают сомнения в ее существовании, они считают, что нельзя говорить о каких-то единых знаниях и представлениях, общих

для всех говорящих по-русски (справедливости ради замечу, что мы сами тоже выдвигали некоторые контраргументы существования КБ). Но мы все-таки пришли к выводу и продолжаем считать, что таковые есть. Анкеты, которые мы обработали (их около 100; мы сознательно распространяли их среди людей с не очень высоким уровнем образования), показали, что из 30 выбранных нами имен (ПИ) 22 являются прецедентными — “общими”, понятными, за ними стоит инвариант.

- С.** Думаю, что Ваших коллег смутил термин “КБ”. Если бы Вы сказали, что существует некоторая сумма общих когнитивных или каких-либо иных представлений о событиях, фактах, то они, пожалуй, с Вами согласились. Но КБ должна быть, если мы договорились, что у нас существуют некоторые феномены прецедентности, я бы сказал даже рискованнее: у нас существуют прецедентные архитипы... Попробуйте определить, что такое архетип в его связи с образом, даже читая Юнга... Можно предполагать, что прецедентные архитипы оркестрируются, аранжируются по-разному. Уже можно предполагать, что какие-то этнические единицы (X, Y и до конца алфавита) будут аранжироваться по-своему. У них будет своя, в этом смысле, когнитивная аранжировка.
- Г.** Вероятно, да. Хорошее определение. Правда, не известно, что такое архитип.
- К.** Я бы не стала замахиваться на архитипы.
- С.** Почему не стали бы замахиваться? Вам уже пора замахиваться, а не ждать, пока замахнутся другие. Тем более, что у Вас есть к этому возможность.
- К.** Юрий Александрович, одно дело — просто назвать нечто архитипом, используя это слово как метафору, и другое — вводить его как термин для определения некоторых понятий. Когда мы еще не очень понимаем, что такое архитип, называть не очень понятным термином не очень понятный феномен...
- С.** В этом я всегда буду возражать Красных. По мнению Красных, все должно быть сделано как в ЗАГСе.
- Г.** Красных — структуралист, Юрий Александрович. А Вы живете в эпоху постструктурализма...
- С.** Да, с точки зрения Красных, все должно следовать определенному порядку... Почему Вы боитесь метафор?
- К.** Юрий Александрович, дело не в этом. Я не пойму, что является индивидуальным до тех пор, пока я не пойму, что является “нормой”. Для того, чтобы говорить, что является индивидуальным представлением, я должна знать, что не индивидуально. Сначала я должна вычленить тот “скелет”, который все это держит, на который все это “живое тело”, все эти мышцы, кожа, морщинки “навешаны”. Я не могу начать с морщинок.

- С. На самом деле можно. Раньше, когда Вы говорили об этих проблемах, Вы опирались на интуицию. Теперь у Вас благодать — у Вас появились результаты экспериментов.
- К. Правильно, но наши эксперименты нацелены на выявление именно этого “скелета”.
- С. Да, конечно. Вы его и получите, если Вы этого хотите. Но это уже другой разговор — выяснить именно это или использовать метафоры для объяснения. Я считаю, что они выгоднее в ряде случаев.
- К. Для объяснения — да, но не для определения понятий.
- С. Но я и не определяю понятия таким образом, хотя и не исключаю способ объяснения понятия через метафору.
- К. Объяснения, но не определения. Я выступаю против того, чтобы использовать туманный термин для определения, именованного туманного (даже еще для нас самих) феномена.
- С. Я Вас умоляю, начиная с Ферса и кончая Малиновским или начиная с Малиновского и кончая Ферсом и всеми остальными гигантами, мы имеем дело не с чем иным, как с цепочкой метафор в филологии и в лингвистике. А от нас Красных почему-то требует строгого объяснения.
- Г. Даже Соссюр про листок бумаги...
- С. Кто нам навязал эту метафору с шахматами?
- Г. Как кто? Он же... У него их вообще много...
- К. Это все прекрасно, но я просто объясняю и отстаиваю свою позицию...
- Г. Давайте отвлечемся от проблем методологии... Я думаю, что все мы согласны, что некая единая когнитивная база все-таки есть. Вопрос теперь — что с ней делать?
- С. Я не понял. С чем затруднения?
- Г. Вопрос в следующем: как определить границы КБ, что в нее входит, какие единицы она объединяет, каково пространственное положение этих единиц и их структура? Единицами, которые включает в себя КБ, если следовать нашей логике, являются, очевидно, ПФ.
- К. И определенные знания, например, то, что $2 \times 2 = 4$.
- Г. Да, и элементы знаний...
- С. Я не понимаю, в чем трудность. Человек имеет на руках богатый материал, который надо только описать...
- Г. Юрий Александрович, я могу его описать, выдать такой описательный продукт: я послал анкету, получил результаты, я выявил, что существует 22 имени (может, их будет 21 или 23), которые знает не менее 75% русских (вероятно, больше), можно выявить некое ядро... Но вот я описал эти 22 имени. А дальше возникает вопрос: что еще входит в КБ. Понятно, что не только эти 22 имени.
- С. Конечно. Не только. Но здесь Вы ограничены материалом, и Ваша задача — описать его. И следующий шаг — имея приличную подго-

товку и понимая, что проблема не так проста, как кажется, Вы можете построить очень красивую теорию, выстроить ряд предположений по поводу характера этой КБ.

К. Что мы и пытаемся сделать.

С. Как раз здесь я за любые спекуляции на эту тему. Вы можете предполагать все, что угодно, даже говорить о том, как она устроена, какие компоненты входят в нее, и попытаться реконструировать эту базу, как в свое время делали многие великие люди, имея перед глазами таблицу Менделеева.

Г. Собственно, мы именно это и пытаемся делать, пытаемся ее реконструировать. Но...

С. Но что-то Вас смущает...

Г. Что делать с материалом, мне понятно, не понятно, что делать дальше. Давайте попробуем порассуждать. Например, то, что делает Хирш в Америке и с чем постоянно носятся там и что, благодаря Костомарову и прочим, активно развивается у нас. Отправной точкой теории Хирша о культурной грамотности (cultural literacy) стала некая ситуация в сфере американского бизнеса: руководители крупных фирм на одном из своих совещаний заявили, что их молодые сотрудники совершенно не умеют общаться и не имеют необходимых навыков общения (communication skills). Хирш сделал вывод, что причиной этого является то, что они мало читают и, следовательно, мало знают.

С. Я предполагаю, что Костомаров с удовольствием принял эту точку зрения: она очень богатая...

Г. Костомаров назвал это американской версией лингвострановедения, что меня, признаться, несколько удивило. Так вот, возвращаясь к Хиршу. Основной тезис — знание многих слов означает знание многих вещей. (Не будем вдаваться в подробности того, что есть слово.) Следовательно, делает вывод Хирш, должно быть нечто, что должны знать все американцы, чтобы они могли между собой общаться. Значит, нужно создать словарь. Что он и сделал. Правда, на основе чего он отбирал в него статьи, понять довольно трудно. Некоторые основные теоретические положения он изложил в книжке, вышедшей в 1988 году, “What Every American Needs to Know” (“Что следует знать каждому американцу”). А спустя несколько лет он с несколькими соавторами выпустил сам словарь. Он построен по идеографическому принципу: естественные науки, философия, религия, литература...

С. Почему это так Вас заинтересовало?

Г. Я объясню. Хотя это прямо не формулируется, но совершенно очевидно, что это чисто идеологическая вещь, которая являет собой сознательную попытку (может быть, впервые отрефлексированная, осознанная, т. к. неосознанно это делали еще со времен египетских фараонов) создать национальную когнитивную базу и определенным об-

разом ее структурировать. Самое любопытное в этом — реакция американцев на этот словарь (кстати, есть большая статья Костомарова на эту тему): в панлибералистской Америке он вызвал возмущения у многих, которые объясняли, что выбирать, что знать, а что не знать, — это личное дело каждого.

- С. Между прочим, сама постановка вопроса верная. Это может вызвать возражения не только в либеральной Америке. В принципе ни один человек сейчас не имеет права претендовать на то, что он создает КБ. Ее можно только выявить.
- К. Конечно, но мы-то в более выгодном положении находимся: мы ее именно выявляем и должны ее донести до других. Но словарь, например, Мити (по ПИ) будет носить не только “описательный” характер, выполнять не только презентующе-репрезентативную функцию, но и во многом функцию регламентирующую, поскольку сейчас происходит смена поколений и происходят очень большие сдвиги и изменения. Поэтому такой словарь будет выполнять две функции: с одной стороны, изначально заложенную, а с другой — фактически ту же, что словарь Хирша. Другое дело, что Митя будет не создавать КБ на участке имен, а поддерживать и в какой-то мере регламентируют...
- С. Совершенно, верно. Не знаю, как это лучше назвать. Регламентация — тоже не лучший вариант.
- К. Ну, считайте, что “регламентировать” — в кавычках, своего рода метафора.
- С. Я думаю, что Митя должен описать, скажем, некоторую допустимую норму и некоторую недопустимую “норму”, которую нужно учитывать и знать, что она не допустима, в том смысле, что она не верна как таковая. Но не более того. Только зачем Вам нужен Хирш?
- Г. В этом смысле мне Хирш не нужен. Но что здесь любопытно, хотя опять-таки этого никто прямо не говорит, — здесь речь идет об идеологии общества. И позволю себе в связи с этим высказать метафорически смелую мысль, что КБ сейчас играет ту же роль, которую играли мифы в жизни традиционного общества. То есть это есть некие эталоны, некие образцы, некие прецеденты поступков, есть некий пантеон героев, пантеон злодеев и т. д. Поэтому было бы интересно повторить тот эксперимент, который мы сейчас проводим, через 15 лет, например, когда уже, конечно, вырастет новое поколение.
- С. Вы успеете это сделать.
- Г. Надеемся. Но сегодня говорить о этом несколько трудно. Хотя уже сегодня наша анкета дает некоторые любопытные вещи, например, по тем же *Павлику Морозову* и *Павке Корчагину*. Априорно я предполагал следующие результаты: Павлик Морозов в анкетах ии. старше 30 получит скорее положительную оценку, а в анкетах ии. моложе 30 окажется малоизвестным именем или даст негативную оценку. Ока-

залось, что ничего подобного. Провести границу по возрасту или по региону совершенно невозможно, поскольку и *отважный герой*, и *ябеда и предатель* встречается во всех абсолютно категориях. Единственное, что удалось выявить на сегодняшний день — москвичи с высшим образованием дают значительно больше отрицательных оценок Павлику Морозову.

- В.** Я думаю, что со временем это изменится.
- Г.** Может, но и в среде молодых это еще не умирает. Конечно, у молодых это ниже, чем у старшего поколения, но все равно это порядка 70-80%.
- С.** Очень хорошо, что Митя создает словарь не директивный, а фиксирующий.
- К.** Фиксирующий и поддерживающий...
- С.** Я думаю, что именно это и надо фиксировать — состояние прецедентного имени как такового, и никакой чистки, элиминирования отрицательности или положительности не должно быть.
- Г.** Конечно, нет. Об этом речь и не идет. Но здесь возникает очень интересный вопрос: отомрет имя или не отомрет. Я не могу с какой-либо долей уверенности об этом говорить. И это в эксперимент пока не включалось. Однако по личным наблюдениям я могу сказать, что, например, прецедентные имена для людей моего поколения (35-40 лет), такие, как *Рахметов* или *Вера Павловна* с ее снами, вообще не “идут” среди школьников, хотя сам роман в принципе упоминается в школьной программе: о нем рассказывают и его вроде как даже читают. Но это совершенно ушло. У нас же это было абсолютно прецедентным.
- В.** Конечно, особенно сны Веры Павловны...
- Г.** А вот *Павлик Морозов* остался.
- С.** Ну, не будем гадать. Вы это увидите через 15 лет. Знаете, что я бы еще сделал в Вашем словаре? Помимо Вашего описания имен, я бы попытался описать “человеков” (поскольку они разные, очевидно, эти “человеки”), которые используют эти имена, описать их как некоторую единицу с установками и ценностями. Вы выходите явно на описание каких-то слоев через эти портреты.
- К.** Это очень сложно.
- Г.** Да, как раз слои выделять тяжело.
- С.** Почему? Вы можете описать студенчество сейчас, этого уже достаточно. Потом, москвичи с высшим образованием — что это за фигура такая?
- Г.** Юрий Александрович, это очень условная фигура.
- С.** Я понимаю. О ней можно говорить, конечно, во многом гадая, но выясняется, что почему-то в отношении прецедентов выявляется следующая закономерность: они или сугубо мелиоративны для кого-то, для других сугубо пейоративны. Дальнейший шаг — интеллигенция

вообще пейоративна. Вот такие какие-то ходы, о которых можно не писать в послесловии, но, очевидно, все они будут сопровождаться какими-то пояснениями или вступительными статьями.

- Г. В этом деле вообще много интересных вещей, о которых следует говорить. Во-первых, я с удивлением обнаружил, что я не могу включить в число национально-прецедентных такие имена, как *Малюта Скуратов*, *Тарас Бульба*, *Гришка Отрепьев*, *Манилов*...
- К. Что удивительно...
- Г. Но для москвичей с высшим образованием это, конечно, стопроцентно прецедентные имена.
- С. Ну вот видите. Расслоился... расслоился словарь. Все равно это нужно описать.
- К. Дело в том, что в анкетах и по ПИ, и по прецедентным высказываниям три задания. Последнее носит, так сказать, дискурсивный характер: продолжите фразу “*Он назвал его Малютой Скуратовым, потому что...*” Здесь мы очень условно, но можем говорить о функционировании этих единиц и их употреблении. Интересно, что неожиданно здесь появляются слова очень редкие в обычной речи, например, “прощельга” и т. д.
- Г. Да, действительно, в ряде случаев по какому-то имени начинает идти вдруг высокая частотность в принципе низкочастотного слова, типа “прощельга, пройдоха, скупердяй”. Так, при характеристике Плюшкина “скупой” и “скупердяй” встречается в анкетах приблизительно одинаковое количество раз.
- С. Вот еще один признак прецедента, от которого мы уходили — специфика его употребления. Значит, прецедент помнит о своем употреблении. Автоматическое предъявление прецедента ведет к активации того контекста или смежных лексических групп, на пересечении которых стоит это “слово”. Иными словами, прецедент может характеризоваться большим или меньшим, синхроническим или диахроническим расстоянием.
- К. То есть, если говорить метафорически, это некие узлы АВС (ассоциативно-вербальной сети).
- С. Да. Это узлы, несомненно. Прецедент “помнит” об этом, и поэтому начинают появляться лексические единицы, которых Вы не ожидали. Значит, использование прецедента невольно провоцирует какую-то ассоциативную цепь, которая не реализовывается в ряде случаев в ситуациях (если редко встречаются такие ситуации, в которых используется данный прецедент). И вдруг неожиданное его появление активизирует всю цепочку, которая хранится где-то в запасе.
- К. Прелесть прецедентов именно в том, что они порождают такие ассоциации.
- С. Да. Прецедент — это свернутая, очень обобщенная ассоциация, которая помнит о себе и о своих соседях. И это тоже нужно описать.

- К.** Точнее, наверное, говорить, что это свернутая ассоциативная цепочка.
- С.** Да. Конечно, цепочка. И помните, мы говорили о пошаговости прецедента? Значит, он шагает в синхронию / диахронию, короче / длиннее. Он так и существует. И тогда мы можем описать через эти признаки, что это такое. Если феномен подпадает под какой-либо под этих признаков или под набор этих признаков, то он заведомо прецедент.
- Г.** Но есть и еще одна любопытная вещь — прецедентные имена-синонимы. Так, *Отрепьев* набирает около 50%, поэтому я его как прецедентный не рассматриваю (я для себя принял условный порог в 75%), но он дает интересную картину. Одно из заданий звучало так: “*Вы прочитали название статьи «Гришка Отрепьев на трибуне». О чем эта статья?»* Чуть ли не пять ответов — Жириновский. Ведь это безумно интересно. Весь этот комплекс самозванца, который настолько четко воплощается в этом человеке. Почему? Ведь самозванства в чистом виде, строго терминологически, там нет, но это однозначно увязывается с Жириновским.
- К.** Я думаю, что “работает” еще внутренняя форма — Отрепьев.
- Г.** Ну, тут да...
- С.** Ну, вряд ли...
- В.** Но здесь может быть и внешний образ...
- К.** Но тогда необходимо знать (иметь представление), как именно выглядел Гришка Отрепьев...
- Г.** Я не уверен, что здесь с этим образом связано... Другой пример: в Тверской области, куда я заслал свои анкеты, *Тарас Бульба* вдруг неожиданно “ест лук”. Там было 8 анкет, так вот это отмечено в 3 или 4 анкетах.
- К.** Извини, я тебя перебыю. Мое испорченное цивилизацией сознание сразу выкинуло мне ссылку на телевидение. Незадолго до проведения анкетирования по телевизору шла передача “*Маски-шоу*” с пародией на “9 1/2 недель”.
- Г.** Да, и там был хохол, который кормит девушку... В фильме Мики Рурк кормит Бессинджер, там очень красиво...
- С.** Да-да-да, вспомнил.
- Г.** А здесь хохол кормит любимую: он дает ей лук, сало, яйца вареные... довольно смешно это все сделано...
- К.** Так вот выяснилось, что я была абсолютно права и с передачей это никак не связано.
- Г.** Оказывается, на карельском языке особый вид лука — маленький лучок в супе... я не помню точно, но это как-то похоже звучит... (в принципе это понятно: древний корень, по многим языкам...)
- С.** Это не важно, в принципе они его опознали.

- Г. Да, это так же как у детей, которые не знают, кто такой *Плюшкин* — “булочки любит”, “очень толстый”.
- С. Это все — еще одно доказательство того, насколько некогнитивным, незаконным может быть представление. Собственно говоря, освоение прецедента начинается именно с этого. И если нет представления о нем, допустим, школьного или университетского, то человек обычно будет работать именно в этих категориях.
- К. Но тогда это не прецедентный феномен.
- Г. Вы знаете, в Архангельске была одна замечательная анкета. Задание: “Он назвал своего друга *Плюшкиным*. Что он имел в виду?” Ответ: “Толстый был”. Это понятно — Плюшкин, плюшки. Дальше. Задание: “Вы прочитали название статьи “*Плюшкин с овощной базы*”. О чем эта статья?” Ответ: “Все гноит.” Дальше. Задание: надо закончить фразу “Он назвал своего друга *Плюшкиным*, потому что...” Ответ: “он скупой”. Вот что интересно. Я понимаю, что связи с прецедентным текстом для ии. нет, т. е. знаний о “реальном” Плюшкине в данном случае не существует, т. к. назвать его толстым, если имеешь хотя бы минимальное представление о поэме, невозможно. Но “*Плюшкин — скупой*” — это есть. То есть “скупой”, а дальше идет по форме имени — “толстый”. Следовательно, опять вопрос о прецедентном тексте, поскольку в данном случае ясно, что текста человек не знает, но имя функционирует уже как нарицательное.
- К. Здесь во втором и третьем случае имя *Плюшкин* функционирует как ПИ, в первом случае это имя не прецедентное. ПИ — это имя, за которым стоит инвариант восприятия, представление, образ и т. д., и т. д. Если такой инвариант есть, тогда да, тогда это прецедент. Но когда я говорю: “Герой поэмы Гоголя *Плюшкин* сделал то-то и то-то” — я использую это имя не как прецедентное.
- Г. Денотативное и коннотативное употребление имени.
- К. Вот-вот.
- С. Как Красных жестоко относится к людям! Она ведь их выстраивает по ранжиру: если ты мне, подлый, не скажешь, что это Николай Васильевич Гоголь и что это в небезызвестной поэме, то тогда-тогда-тогда...
- Г. Нет, Юрий Александрович, нет. Мы абсолютно по-другому говорим. Тут опять большой вопрос. Я условно говорю об “опознавании” имени. (Красных считает этот термин не совсем удачным, и я в принципе с ней согласен. Но здесь я его употребляю как условный, рабочий.) Если ответ попадает в инвариант, минимизированное представление, образ, в центр или в периферию... Условно говоря, *Стенька Разин* — здесь однозначно вырисовывается центр: удаль, лихость, явно какие-то бунтарско-разбойничьи наклонности. Утопил жену — это периферия. Но все-таки в инвариант это тоже входит; это может быть “топил

жену”, “убил жену”, “в воду толкнул”, даже “выбросил женщину из машины”, кстати.

С. Нормально.

Г. В одной анкете было написано: “Новый русский бандит, который выбросил женщину из машины”. Тут вообще все есть: и центр, и периферия.

С. Ну, а с Плюшкиным что?

Г. Если ответ в это (в центр или периферию) попадает, то я такой ответ включаю. Я понимаю, что человек знает имя. С другой стороны, в одной анкете, которую заполнял учащийся ПТУ, который всю анкету разрисовал свастикой...

К. Маргинал...

Г. Да, он написал “Плюшкин — зоофил”. В данном случае, я считаю, что человек этого имени в общем не знает.

С. Я согласен.

Г. Для него инварианта нет.

С. Или искажает...

Г. Я вообще достаточно жестко себя вел. Я отбрасывал анкеты, где написано, например, “герой «Ревизора»”. Это не важно, некоторые писали “герой «Мертвых душ»”. Хотя здесь тоже интересно. *Софья Ковалевская*, например, оказалась героиней романа “Молодая армия”. Там много было хороших ответов...

С. Это надо описать в специальном разделе.

Г. Вот эти вещи показывают, знает человек или не знает. Когда человек мне пишет “Колумб — это значит, что он Африку открыл”, это я включаю. Хотя это Африка, и человек явно... Но “открыл”! Транзитивный глагол и есть прямой объект, который он открыл.

С. Важно, что он доказывает: есть прецедент, он существует.

Г. Да. Значит, данный инвариант у данного человека есть. Поэтому, если этот человек прочитает название статьи “Колумбы Сибири”, он поймет, что имеется в виду: он поймет, что что-то открыли в этой Сибири. А если человек считает, что *Плюшкин* только булочки любит и больше ничего, то этого я включить не могу. Или *Обломов* — это тот, который всех “обламывает” (любимый ответ в ПТУ).

С. Вы имеете на это право и должны так поступать, только это надо оговорить специально: существует некий класс ложных прецедентов. Причин их возникновения мы не знаем. (Очевидно, нужно проводить дополнительные опросы.) Они могут быть связаны с личными установками против / на эксперимент, с уровнем знаний и т. д., но эти феномены нужно все равно описать. Поскольку они сами по себе характеристика, характеристика какой-то странной ломки или освоения...

Г. Здесь вот еще что. Однозначно, конечно, что общество сознательно или бессознательно пытается этот ряд, этот пантеон имен и вообще совокупность этих феноменов как-то в человека вкладывать. Кстати,

в том числе путем изменения школьной программы, переименования улиц, станций, снятия памятников и их возведения и т. д. Но, несмотря на то, что в течение последних лет десяти *Павку Корчагина* или *Павлика Морозова* положительно никто не характеризовал (хотя Морозов и до этой ломки для многих существовал со знаком “минус”), оценки дают разброс примерно 50 на 50...

- С. Думаю, что это просто объясняется, потому что одно дело — навязывание истолкования по удобной идеологической схеме, и другое дело, если человек читал хотя бы в отрывках, когда речь идет о самой фактуре непосредственного представления персонажа. Нельзя же в самом деле отрицать талантливости человека (Н. Островского), который делал этот текст. Поэтому влияние фактуры на идеологические установки оказывается сильнее. И современные установки на переакцентуацию ценностного знака просто не срабатывают.
- К. Может быть, здесь есть еще и другое? Ведь предательство в русском народе (во всяком случае, как мне кажется) никогда особенно не приветствовалось. А трудолюбие... нет, наверное, не это... приверженность, если угодно — фанатизм, но со знаком “плюс” никогда не было однозначно отрицательной чертой.
- С. Это так, нужно с этим связать... Это очень хорошо связывается.
- Г. Действительно, классифицировать каким-то образом ответы по *Павке Корчагину* очень сложно. Пара ответов было весьма удачных: “*одержимый ложной идеей, но кристально честный*”. Очевидно, это наиболее точная формулировка. И что из этого я буду актуализировать в той или иной ситуации...
- С. ...это зависит от меня. Совершенно верно.
- К. Это может зависеть от ситуации.
- С. От ситуации и от меня. У меня большой выбор... Кстати, еще один признак прецедента.
- К. Седьмой?
- С. Да. Прецедент — это неявная шкала.
- Г. Да, аксиологичность здесь есть.
- С. Очевидно, это скользящая шкала оценок. Хотя могут быть представлены и полярные точки, как в случаях, которые мы только что обсуждали. Имя зашкалировано.
- Г. Да, при этом набор дифференциальных признаков и атрибутов, стоящих за именем, очень жесток и мало меняется, но знак оценки может меняться достаточно существенно. Иначе говоря, “*одержимый ... идеей*” — эпитет может меняться: “*ложной*” на “*правильной*”, — но структура сама по себе остается.
- С. Когда я говорил о скользящей шкале прецедента... есть три знака. Оценка может двигаться постепенно или оценка бифуркационная, как выразился мэтр Базылев. Было бы интересно выяснить, переход осуществляется рывком или нет. Другими словами, знаки меняются сра-

зу или плавно плывут по шкале. Можно поставить отдельный эксперимент.

К. По-моему, это очень зависит... Согласитесь, что сейчас идет ломка, причем именно на уровне представлений, т. е. оценки, коннотаций... Кардинальные изменения за 10-15 лет — это рывок или нет? Я думаю, что с точки зрения исторической перспективы это рывок, скачок, все, что угодно, поэтому и катаклизмы, и конфликты...

Г. Вопрос в том, как это происходит. С одной стороны, изменение знака, с другой — возможно забвение. Вот в чем дело. Например, “*сокол Дзержинского*”. Я не уверен, что *Дзержинский* поменял знак, скорее он просто забылся... Значит, этот процесс (“забывания”) может идти достаточно быстро. Еще пример, слово *Лубянка* все-таки в течение очень долгого времени было, безусловно, прецедентным. Сейчас это уходит. Я помню свой шок, когда переименовали станцию. Это было очень смешно.

В. Да, пожалуй.

Г. А сейчас я шел и увидел, что в метро (кстати, недалеко отсюда) продавали билеты на вечер юмора, который называется “*Шутки на Лубянке*”.

К. Что-о?!

В. Как?!

Г. Самое главное, что люди покупают, и никому как-то в голову не приходило, что... Хотя я думаю, что организаторы ничего такого не имели в виду, просто вечер должен был состояться в каком-то ДК, а он находится как раз где-то в том районе.

С. Я представляю Вашу реакцию: не нужны мне Ваши шуточки. Да, но мы уже начинаем ставить вопросы на будущее.

К. Тогда, пожалуй, стоит подвести некоторый итог сегодняшней встрече.

С. Да, похоже, мы уже все обсудили и сейчас ничего нового уже не придумаем.

Г. Ну, придумать-то можно, но...

К. Я думаю, что самое главное мы уже проговорили, хотя бы в самых общих чертах, и сделали некоторую заявку на будущее, поставив ряд актуальных, на наш взгляд, вопросов.

Итак, тот или иной феномен, культурный предмет может претендовать на статус прецедентного, если обладает следующим набором признаков:

- 1) является фактом;
- 2) отличается повторяемостью;
- 3) обладает маркированностью;
- 4) обладает рефлексированностью (сильной или слабой);
- 5) отличается клишированностью (сильной или слабой);
- 6) представляет собой свернутую ассоциативную цепочку;

7) обладает шкальностью оценок.

Прецедентность, таким образом, очевидно, представляет собой совокупность данных признаков.

Прецедентные феномены являются ядерными элементами КБ. Говорить о наличии некой национальной КБ, по-видимому, можно, однако структура ее достаточно условна, т. к. центр и периферия КБ, вполне вероятно, будут меняться в зависимости от территории (в прямом смысле) функционирования: центр или периферия, провинция. Следовательно, необходимы дополнительные исследования, которые подтвердили бы или опровергли наши априорные представления. Далее, необходимы исследования по выявлению “горизонтальных” границ национальных КБ и “вертикальных” границ внутри одной КБ (изменения во времени). Ну, и наконец, необходимы исследования по выяснению шкалирования конкретных феноменов.

Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 1998

В настоящее время в рамках антропологической / антропоцентрической лингвистики придается большое значение когнитивным исследованиям (см., например, [8; 14; 15; 19, 20; 39; 47]), в которых рассматривается связь слова с реальной действительностью и связь его с индивидуальным сознанием. Отсюда понятен и повышенный интерес исследователей не только к языку как системе, но языку как деятельности и, в частности, к лексике (к деятельностно-лексическому компоненту), принадлежащей и языку-системе, и языку-деятельности, и индивидуальному сознанию (см. в связи с этим [21]). Выяснение соотношения деятельностно-лексического компонента с сознанием является, в свою очередь, не простой задачей, так как требуется — хотя бы в предварительном порядке — определить суть этих феноменов.

Если учитывать, что значение (и значение слова, в том числе) существует в двух формах — языковой / вербальной и предметной [23], причем вербальное значение лишь отсылает к предметному, базирующемуся, в свою очередь, на перцептивном образе и существующем либо как нечто “внешнее” (в языке, в действительности), либо как нечто “внутреннее” (в сознании), а также тот факт, что основной задачей семантических исследований (и, в частности, лексической семантики) является “изучение сигнификативных значений” [47: 49], то оказывается, что изучение *соматологического поля* (поля названий частей человеческого тела) предполагает совмещение и “внешнего”, и “внутреннего”, рассматриваемых как некоторая лингвокогнитивная (интеллектуально-психическая) данность (см. в связи с этим [5; 27; 30; 40; 51]). Иными словами, мы рискуем утверждать, что эта лингвокогнитивная / интеллектуально-психическая данность является данностью обыденного сознания, для которого если и важны денотатные признаки / денотатное значение (о нем см. [47; 15]), то лишь в качестве фоновых ингредиентов объекта, уточняющихся с помощью других “внешне-внутренних” средств вербального и невербального характера (такowymi в нашем случае являются *компаративные* цепочки — *компаративограммы* / *компаративограммы*). Выражаясь еще точнее, мы — вслед за А. А. Залевской — утверждаем, что слово включено во внутренний кон-

текст, который является и перцептивным, и когнитивным, и аффективным, вербальным и невербальным [15], а процесс идентификации слова является сложным процессом считывания всех этих характеристик носителем языка. Попытки объяснения перехода “внешнего” во “внутреннее” и наоборот, собственно, попытки уяснения взаимосвязей между языковой / речевой и неязыковой / неречевой семантикой, между языком и интеллектом были сделаны еще Н. И. Жинкиным [12] и предпринимаются до сих пор — например, в работах Ю. Н. Караулова [17] и О. Л. Каменской [16].

Рассматривая промежуточный язык (язык мысли), или *интравизо-язык*, Ю. Н. Караулов полагает, что в него могут быть включены образы, гештальты, схемы / фреймы, двигательные представления и пропозиции, картины и символы, формулы, диаграммы и слова [17: 189-209; 18]. По его мнению, экспликация интравизоязыка изотропна, а способы этой экспликации (*интравизуалемы* как ментальная данность) — анизотропны. На наш взгляд, рассматриваемая Ю. Н. Карауловым в качестве первого уровня структуры языковой личности, является рекуррентной сетью, в которой осуществляется челночный переход “внешнего” во “внутреннее” и наоборот. И эта сеть столь же изотропна, сколь и анизотропна. И если тезаурусный (когнитивный, лингвокогнитивный) уровень иерархически-координативен и анизотропен, то не в меньшей мере таковым является и ее третий уровень — мотивационный, управляющий “субъективированной языковой семантикой, т. е. вербально-семантической сетью” [17: 174]. Эта сеть позволяет дешифровать “субъективированные знания о мире, т. е. субъектный тезаурус” [там же], служа указанием на характер интравизуалем (на характер перехода из “внутреннего” во внешнее”) или на то, что Ю. Н. Караулов называет психоглоссами, понимая под ними “некоторый синхронный вариант языкового сознания” и считая, что они существуют в “лексикализованном, органически спаянном со словом факте грамматического строя... или же, наконец, языковом факте, относящемся к потребностно-коммуникативной сфере личности” [17: 160]. Не отрицая целесообразность выделения им трех типов психоглосс (точнее, лингвопсихоглосс) — грамматических, когнитивных и мотивационных [там же], укажем, что психоглоссы существуют, как свидетельствуют результаты наших экспериментов [41], в виде диффузной совокупности, воспринимаемой испытуемыми как нечто целостное и универсально используемое в качестве оценок соматологической карты человеческого тела. Иными словами, и лексикон, и грамматикон, и семантикон, и прагматикон (языковой

личности) являются, прежде всего, расплывчатыми и пересекающимися множествами (см. [17: 91, схема 2]). Их составной частью является и *соматикон* — совокупность соответствующих психоглосс, автообразов, позволяющих личности рассматривать себя, свой витальный и ментальный мир как единое целое. На наш взгляд, именно соматикон и представляет собой такое гиперобразование, на чьи установки “работают” и остальные уровни.

Соображения О. Л. Каменской относительно устройства фрагмента тезауруса личности, согласно которым он может быть представлен в виде номинанта и ассоциатов, составляющих файл [16: 102-105], а также о том, что каждый файл — это сетка отношений, а совокупность всех фрагментов представляет собой гиперфайл, можно также рассматривать как вполне согласующееся с мнением Ю. Н. Караулова о многомерном строении языковой личности. Особенно продуктивным представляется понимание фрагмента тезауруса в виде “запроса” слов, находящихся в некоторой семантической окрестности. Такой “запрос” следует, по-видимому, понимать как процесс перебора психолингвостических признаков, сукцессивно “свидетельствующих” о фрагментах глобального смысла окрестности.

По аналогии с семантической окрестностью можно постулировать и существование *соматологической окрестности*. Точнее говоря, разумно предполагать, что соматологическая окрестность входит в семантическую как одно из ответвлений ассоциативной сети. В то же время нет оснований считать, что соматологические лингвостихоглоссы не представлены и на других уровнях языковой личности (но преимущественно на мотивационном, предполагающем ситуационно-операциональное использование критериев-оценок телесной сферы). Все три вида окрестностей: вербально-семантическая, тезаурусная и мотивационная, — а также соматологическая окрестность (при всей “условности” ее выделения) и когнитивны (когнитивно-когнитивны), и культурологичны, причем есть основания утверждать, что оба качества, присущие окрестностям двух сопоставляемых лингвокультурных общностей, имеют различную мощь (находятся в разных измерениях) в силу различий между этническими / национальными средами, ибо этнос, по словам Л. Н. Гумилева, это “коллектив особей, имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие — динамичны” [9: 66].

Именно динамичность, а следовательно, вариативность внутренней структуры и стереотипа поведения (собственно, “семных” конфигураций

и того, и другого; см. по этому поводу [43]) и обуславливают лингво-когнитивно-культурологическую специфичность окрестностей, маркеры которой (наряду с универсальными единицами) рассматриваются в работах Ш. Балли и Ф. Боаса, В. Гумбольдта и У. Гудинафа, К. Леви-Стросса, Ч. Осгуда, К. Пайка, Д. Хаймса, Б. Л. Уорфа (об этом см., в частности, [4; 46; 49]). В рамки этих исследований хорошо вписываются работы этнопсихолингвистического характера [10; 29; 37; 42], в которых представлены попытки изучения флуктуаций, возникающих в триаде “язык — этнос — культура”.

На наш взгляд, понятия “бикультурализма” и “культурной интерференции” вряд ли целесообразно использовать в работах *антропологической* ориентации, ибо они указывают на процессы, происходящие в рамках одного этноса. Более удачным представляется предложенное Л. А. Шейманом понятие межэтнокультурной интерференции, под которой понимается “воздействие навыков, сформированных в русле родной национальной культуры реципиента, на восприятие и освоение нового для него иноэтнического явления, индуцирующее реакцию, которая способна осложнить или нарушить межкультурный контакт” [50: 330]. Но это определение мы принимаем со следующими ограничениями: во-первых, считая более корректным говорить об интралингвопсихоглосной интерференции, и, во-вторых, судя о ее наличии или отсутствии лишь после анализа материала, позволяющего выявить латентно содержащиеся в нем структуры лингвопсихоглос или, по крайней мере, *показать* возможность их выявления. Выявление лингвопсихоглос и фиксация совпадений и различий между ними и есть, на наш взгляд, тот путь, который позволяет реконструировать языковые / речевые, когнитивные и психологические параметры этнического сознания.

Иными словами, понятие “картина / образ мира” (см. [36: 21]), или понятие субъективного “дубликата” реальности (о возможном и неполном перечне его составляющих см., например, [1; 3; 31; 32; 35; 48], но не [6; 7] В. В. Воробьева, работы которого конъюнктурно ориентированы и по сути, и по иллюстративному материалу: прежнее лингвострановедение, но с обратным знаком) является весьма многослойным и, вопреки мнению Т. В. Цивьян, отнюдь не “сокращенным и упрощенным отображением всей суммы представлений о мире в данной традиции” [48: 5]. Этот образ, скорее всего, лишь фрагмент “суммы знаний”, сложный из-за своей мозаичной противоречивости и турбулентный в силу давления на него вербальных и невербальных инноваций, смещающих (или пытающихся сместить) в нем распределения ядерных и перифери-

ческих компонентов и их оценок. Например, по данным И. В. Рябовой, между русскоязычной и англоязычной бизнеслексикой наблюдаются следующие типы “признаковых” семантических несоответствий: актуализация, акцентуация, аннуляция, глобализация, модификация, новация, пейорация, форсификация, элевация [38: 20-21]. И все-таки, если рассматривать образ мира как оценочность, стремящуюся к тотальности, но варьирующуюся в широких пределах, то он остается, на наш взгляд, стабильными в своих основных параметрах именно за счет того, что можно было бы назвать *соматологическим интегралом (сомоавтообразом)*, являющимся точкой отсчета для всех остальных манифестаций личности.

В то же время такой характер “образа мира” усложняет его изучение за счет того, что он оказывается “размещенным” в сомоавтообразе, причем границы этих двух образов — это градации взаимных переходов, противоречий, совпадений и различий. Именно поэтому наиболее оправданным (доказавшим свою валидность) является использование направленного ассоциативного эксперимента (не исключено использование и других методик, могущих оказаться перспективными; см. о них [33]), позволяющего получить сумму реакций-ответов, хотя и предопределенных в самом общем виде целью опроса, но все-таки в принципе спонтанных и указывающих на узуальные и, по-видимому, глубинные модели вербального поведения носителей языка. Следует учитывать и тот факт, что материалы ассоциативных экспериментов позволяют получать достаточно надежные и нетривиальные выводы (см. [13]), а также наметить пути к решению ряда лингвистических, культурологических и психологических задач (о них см. [18]) и, в частности, к уяснению структуры национального / этнического характера и к описанию личности как противоречивого, но специфически целостного единства (см. [25]).

Особенно важным в этой связи оказывается вопрос о межличностной перцепции (вербальной и невербальной), а именно о том, являются ли ассоциативные портреты авторефлексивными.

Не вдаваясь в обсуждение различий между персонажем / маской / ролью и личностью (я) (см. по этому поводу [26: 260-291]), но учитывая его мнение о том, что представление “об индивидуальной способности, технической ориентации и о типических чертах, биотипологии” [там же: 262] — это “представление о воспитании расы, производящей внутри себя отбор с целью достижения соответствующего эффекта”, “это представление о воспитании того, как смотреть, ходить,

подниматься, спускаться, бегать” [там же], укажем на следующее: в типические черты (в биотипологию) необходимо включать, на наш взгляд, и соматологические маркеры, ибо “то, что мы судим о других по аналогии с собой, подтверждается многочисленными исследованиями, предпринятыми исходя из самых различных методологических установок (см. [Кронбах, 1955; Лири, 1957; Берковец, 1960; Фошбах и Фошбах, 1963; Вернон, 1964; Стотленд, 1964; Стотленд и Кэнон, 1972¹] и др.). Мы не утверждаем, что аналогия с собственной личностью является единственным механизмом познания другого человека. Чем выше умственное развитие и общая культура перципиента, его способность более объективно относиться к другому, отвлекаясь от своих собственных взглядов и оценок, а также чем больше его опыт в познании людей, тем больше, при прочих равных условиях, вероятность того, что он сможет определить не только сходство, но и различия между собой и другим. Но и в этом случае, чтобы лучше понять другого, он вынужден будет неоднократно обращаться для сравнения к собственной личности” [34: 50-51].

Показательно также, что формирование того, что можно было бы назвать “биотипологическим я”, происходит очень рано: «Развитие первого представления о своем “я” связано с овладением ребенком своим телом — возникновением произвольных движений, ходьбой, действием с предметами, приводящими к становлению ребенка как субъекта различных действий. [...] В исследованиях М. М. Лисиной и Н. Авдеевой... показано, что уже в младенчестве, в возрасте 8-12 месяцев, в представлении ребенка о себе на первый план выдвигаются компоненты, связанные с переживаниями себя как субъекта практической деятельности, и на этой основе — субъекта общения со взрослым. По данным А. З. Неверович... и Д. В. Эльконина... при развитии предметных действий происходит их усвоение, отделение действия от предмета, обобщение действия и сравнение его с действиями взрослых. Поощрение самостоятельных действий ребенка и требование все большей самостоятельности приводят к возникновению на третьем году жизни так называемого “личного”, своего действия, что обнаруживается в употреблении личного местоимения “я”» [11: 106].

Отметим также, что предложенное, например, В. А. Лабунской и Н. К. Нитченко разделение вербальных портретов (в них ии. видели такие эмоциональные состояния, как радость, удивление, презрение,

---

¹ Ссылка на указанные работы является частью приводимой цитаты.

страдание, страх, гнев) на «портреты» мимики лица, «портреты» общих моторных изменений, «портреты», характеризующие вокальные реакции» [22: 85] (см. в связи с этим и другие материалы в [45]), становится обоснованнее и убедительнее, если рассматривать их в качестве под-класса класса *соматологических портретов*. Такой подход позволит, по-видимому, подойти в дальнейшем не только к решению вопроса о «механизмах» распознавания лица, но и всей соматологической карты человеческого тела, а при сопоставлении одной соматологической карты с другой истолковывать различия и совпадения между ними как два процесса прочтения: одно — химерическое (вариантное), другое — «нормальное» (инвариантное): «Если различие в признаках лица между половинами было маленькое, то выбиралось лицо на основе левой половины химеры (фотографий, составленных из правых и левых варьирующих частей — Ю. С.)... Если различие между половинами было ярко выраженным (например, в одной половине существовал некий «яркий» признак — открытый рот и т. п.), то в зависимости от положения его в правой или в левой половине химеры этот признак или уменьшал, или увеличивал эффект латерализации» [24: 87]. Но, конечно, более реальным представляется истолкование экспериментальных результатов в качестве свидетельств существования этнической (в нашем случае — *соматологической*) *дистанции*, о которой писал А. К. Байбурин: «... в первом случае при совпадении места основных элементов (комбинаторики опыта — Ю. С.) несовпадающие начинают выражать «специфику чужого»; во втором — при несовпадении места большинства элементов «спецификой чужого» является как раз наличие «своего» на совершенно непривычном месте... чем меньше этническая дистанция (например, русские и украинцы), тем более существенны различия между сопоставляемыми однопорядковыми явлениями, и наоборот, чем больше этническая дистанция (например, поляки и японцы), тем более значимыми оказываются совпадения» [2: 42].

Перед тем, как привести примеры, подтверждающие если не все, то некоторые из наших утверждений, укажем на следующее: мы делим сравнения на *артефактные*, *натуромерные* и *антропомерные* (соответственно: АртС, НатС и АнтС), опираясь на принцип, который можно было бы назвать принципом *прозрачности прототипа* «вещей» (событий, агентов и объектов; см. в связи с этим [28]): артефактные «вещи» создаются в некоторой ноогенной среде (волятся как «вещи»), натуромерные — принадлежат биотопической (биоценотипической) среде, а

антропомерные — отсылают к человеку как к абсолютной экзогенной или эндогенной точке отсчета.

В частности, со словом “*глаза*” русские совмещают двенадцать прилагательных-оценок (против шести японских; индекс конкретизированности / индекс **вербальной аттрактивности** (мера фокуса внимания) русских оценок в два раза выше японских): *большие* (71/91)², *красивые* (25/90), *черные* (72/93), *темные* (71/91), *огромные* (90/117), *круглые* (86/134), *светлые* (72/118), *блестящие* (54/84), *ясные* ((75/96), *ласковые* (36/62), *умные* (79/85), *выразительные* (45/104).

Оценок, совпадающих с японскими, — четыре: *большие*, *красивые*, *черные* и *круглые*. В русском списке наряду с прилагательным “*черные*” представлен и его **мейозотический вариант** “*темные*”.

Эти двенадцать прилагательных-оценок провоцируют появление цепочек сравнений такого характера: *глаза большие*, как *озера* (23 р.³), как у *совы* (9 р.-слаборелевантных), *красивые*, как *цветок*, как у *любимой* (по 5 слаборелевантных реакций; остальные реакции — свехслаборелевантны), *черные*, как у *цыгана* (19 р.), как *ночь*, *уголь* (по 18 р.), *темные*, как *ночь* (34 р.), *омут* (10 р.), *вишни* (6 р. — слаборелевантных), *огромные*, как *озера* (13 р.), как у *совы*, у *коровы* (по 13 р.), как *блюдец* (12 р.), *круглые*, как *блюдец* (11 р.), как у *совы* (10 р.), как *пуговицы* (9 р. — слаборелевантных), *светлые*, как *небо* (16 р.), *вода*, *озера* (по 5 слаборелевантных реакций), *блестящие*, как *звезды* (9 р. слаборелевантных), как у *наркомана* (8 р. — слаборелевантных), как *огонь* (7 р. — слаборелевантных), *ясные*, как *небо* (28 р.), *озеро* (10 р.), *день* (8 р. — слаборелевантных), *ласковые*, как у *мамы* (13 р.), у *матери* (56 р. — слаборелевантных), *умные*, как у *собаки* (53 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *выразительные*, как у *актера* (7 р. — слаборелевантных; остальные — сверхслаборелевантны).

Русская **компарациограмма / компаративограмма**: 1. НатС (23); 2. НатС и АнтС (слаборелевантные и сверхслаборелевантные); 3. АнтС (18) и НатС (36 р.); 4. НатС (44); 5. НатС (39) и АртС (12); 6. АртС (11) и НатС (10); 7. НатС (16); 8. НатС и АнтС (слаборелевантные); 9. НатС (38); 10. АнтС (13); 11. НатС (53); 12. АнтС (слаборелевантные и сверхслаборелевантные).

Японская **компарациограмма / компаративограмма**: 1. АртС и НатС (слаборелевантные); 2. НатС (31); 3. НатС (13); 4. АртС (30) и

² В числителе указано число конкретных реакций на слово (в данном случае “*глаза*”), в знаменателе — общее количество реакций на это слово.

³ Обозначение “р.” кодирует слово “реации”, например: 23 р. = 23 реакции.

НатС (16); 5. АртС (22) и НатС (11); 6. АртС (19) и НатС (слаборелевантные).

Таким образом, русские ориентируются преимущественно на *натуромерную* сопоставительную тактику (259). Две другие тактики — *артефактная* (33 р.) и *антропомерная* (31 р.) — являются для них фоновыми. Японцы также используют *натуромерную* тактику (71 р.), сочетая ее с *артефактной* (71 р.), но отказываясь от *антропомерной*. В целом тактика русских является натуромерно-артефактно-антропомерной, а японцев — натуромерно-артефактной, причем сила ориентации на натуромерность значительно выше (почти в четыре раза) у русских.

Со словом-стимулом “зубы” русские соотносят двенадцать прилагательных-оценок (против четырех японских; индекс конкретизированности русских оценок в три раза выше японских): *красные* (76/122), *толстые* (52/82), *тонкие* (54/72), *мягкие* (64/83), *большие* (32/60), *маленькие* (40/65), *широкие* (45/62), *узкие* (68/124), *полные* (50/70), *красивые* (37/90), *нежные* (56/71), *выразительные* (20/51). Общими для русских и японцев являются первые четыре оценки. К вышеуказанным прилагательным русские подбирают следующие оценки: *зубы красные, как мак* (13 р.), *малина* (9 р. — слаборелевантных), *толстые, как у негра* (13 р.; остальные реакции слаборелевантны), *тонкие, как нить* (14 р.), *ниточки* (9 р. — слаборелевантных), *мягкие, как вата* (18 р.), *подушка* (12 р.), *большие, как у негра* (20 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *маленькие, как у ребенка* (11 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *широкие, как у негра* (31 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *узкие, как полоска* (11 р.), *нитка* (10 р.), *полные, как у негра* (30 р.; остальные реакции сверхслаборелевантны), *красивые, как роза* (6 р.), *цветок* (5 р. сверхслаборелевантных), *нежные, как у любимого* (9 р.), *у девушки* (8 р.), *как лепестки роз* (8 р.; все эти реакции слаборелевантны), *выразительные, как картина* (5 р.), *как у актрисы* (3 р.; все эти реакции сверхслаборелевантны).

Русская *компарациограмма / компаративограмма*: 1. НатС (13); 2. АнтС (31); 3. АртС (14); 4. АртС (30); 5. АнтС (20); 6. АнтС (11); 7. АнтС (31); 8. АртС (21); 9. АнтС (30); 10. НатС (сверхслаборелевантные); 11. АнтС (слаборелевантные); 12. АнтС (слаборелевантные).

Японская *компарациограмма / компаративограмма*: 1. АнтС (но возможно их истолкование и как НатС, что позволяет считать их *амбиориентированными*) (48) и НатС (53); 2. НатС (80); 3. АртС (29); 4. АртС (46).

Таким образом, русские используют для характеристики “зуб” 65 артефактных сравнений, 13 — натуромерных и 123 антропомерных сравнения. Японцы используют 123 артефактных сравнения, 133 — натуромерных и не используют антропомерных. Русская сопоставительная тактика является преимущественно *антропомерной*, а японская — преимущественно *натуромерно-артефактной*.

Иными словами, каждая из двух приведенных выше *компаративграмм / компаративозграмм* указывает на *соматологическую идиому* (см. в связи с этим [44]), структурированную специфическим образом.

Л и т е р а т у р а

- [1] Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992.
- [2] Байбурич А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. 1985. № 2.
- [3] Базылев В. П. Язык — ритуал — миф. М., 1994.
- [4] Брутян Г. А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. 1973. № 1.
- [5] Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
- [6] Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1996.
- [7] Воробьев В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Автореф. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- [8] Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // НЗЛ. Вып. XXIII. М., 1988.
- [9] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Звено между природной средой и обществом. Вып. 1. М., 1979.
- [10] Дмитриук Н. В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- [11] Есенина Е. И. Семантические особенности средств дословной коммуникации глухих детей раннего возраста в сравнении со слышащими // Психолингвистические проблемы семантики. Калинин, 1990.
- [12] Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- [13] Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихолингвистика. М., 1988.
- [14] Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
- [15] Залевская А. А. Индивидуальное знание. Специфика и функционирование. Тверь, 1992.
- [16] Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
- [17] Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [18] Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. М., 1994.
- [19] Касевич В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность. // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
- [20] Касевич В. Б. Язык и знания // Язык и структуры знания. М., 1990.
- [21] Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. М., 1992.
- [22] Лабунская В. А., Нитченко А. К. Вербальный анализ экспрессии как один из уровней распознавания // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975.

- [23] *Леонтьев А. А.* Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- [24] *Лестсепт Х., Вальсенер Я.* О взаимовлиянии гемисферической латерализации и признаков лица в распознавании выражений лица // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975.
- [25] *Лурия А. Р.* Романтическое эссе. М., 1996.
- [26] *Мосс М.* Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- [27] *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981.
- [28] *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М., 1996.
- [29] *Пацева М. А.* К проблеме национально-культурной специфики значения слова (на материале русского и болгарского языков): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- [30] *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1983.
- [31] Понимание менталитета и текста. Тверь, 1983.
- [32] Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- [33] *Растов Ю. В., Трофимова Р. А.* Конфликтология. Барнаул, 1995.
- [34] *Розен Г. Я.* Влияние представления о себе на формирование представления о личности другого // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975.
- [35] *Романов В. Н.* Историческое развитие культуры. М., 1991.
- [36] Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- [37] *Рыжков В. Н.* Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- [38] *Рябова В. И.* Национально-культурная специфика заимствований лексики (на материале экономической лексики русского языка): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- [39] *Сильдмяэ И.* Знания (когнитология). Таллин, 1987.
- [40] *Солсо Р. Л.* Когнитивная психология. М., 1996.
- [41] *Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- [42] *Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- [43] *Стернин И. А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
- [44] *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- [45] Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга (тезисы докладов). Краснодар, 1975.
- [46] *Фрумкина Р. М.* Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в современной лингвистике). М., 1980.
- [47] *Фрумкина Р. М.* Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- [48] *Цивьян Т. В.* Лингвистическая модель балканской модели мира. М., 1990.
- [49] *Швейцер А. Д.* Некоторые аспекты проблемы "язык — культура" в освещении зарубежных лингвистов и социологов // Национальный язык и национальная культура. М., 1978. С. 143-161.
- [50] *Шейман Л. А.* К проблеме межэтнокультурной интерференции // X Всесоюз. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991. С. 330-331.
- [51] *Шмелев А. Г.* Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.

Татарские и русские соматологические портреты

© М. Р. Курбангалиева, 1998

Язык и сознание мы рассматриваем как два соотносящихся вида рефлексивного бытия человека: первый из них является способом опредмечивания второго, стабильным механизмом интерпретации ментальной текучести бессознательного. Другими словами, мы анализируем язык как интерпретирующее, а сознание – как интерпретируемое.

Сознание, на наш взгляд, характеризуется различной степенью фокусировки интенциональности: сознание гуманитарное и технократическое, обыденное и научное, конфессиональное и “безразличное” и т. д.

Своей целью мы выбрали описание одного из фрагментов обыденного сознания, а именно: тех способов и форм восприятия и оценки человеческого тела, которые характерны для представителей двух лингвокультурных общностей (русские и татары). Для этого мы использовали предварительные итоги экспериментального исследования, в которых просили испытуемых охарактеризовать 27 частей человеческого тела (**голова, шея, волосы, губы, руки, рот, брови, нос, лоб, зубы, глаза, тело, уши, ноги, живот, грудь, фигура, пальцы, щеки, плечи, подбородок, скулы, лицо, ногти, колени, спина, зад**).

В эксперименте участвовало 200 человек. Группа испытуемых неоднородна по социальному статусу (рабочие, служащие, студенты, домохозяйки, временно не работающие) и возрасту (от 18 до 50 лет). Все участники эксперимента проживают в городе Набережные Челны республики Татарстан.

Рассмотрим результаты, полученные в четырех группах испытуемых по 50 человек, которые работали по следующему принципу:

- 1) русские женщины описывают мужчину-татарина;
- 2) мужчины-татары описывают русскую женщину;
- 3) татарские женщины описывают русского мужчину;
- 4) русские мужчины описывают женщину-татарку.

В первой группе испытуемых на слово-стимул **голова** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 29 оценок (50,9% от общего количества оценок);
- 2) размер – 13 оценок (22,8%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 15 (26,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большая, средняя круглая, умная.*

На слово-стимул **шея** было получено 56 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – отсутствие оценок;
- 2) *размер* – 42 оценки (75%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 14 (25%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинная, короткая, средняя, крепкая.*

На слово-стимул **волосы** было получено 65 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 6 оценок (9,2%);
- 2) *размер* – 4 оценки (6,2%);
- 3) *цвет* – 43 оценки (66,2%);
- 4) *симбиотических оценок* – 12 (18,5%).

Наиболее частотными являются следующие оценки: *черные, темные, густые.*

На слово-стимул **губы** было получено 55 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 6 оценок (10,9%);
- 2) *размер* – 38 оценок (69%);
- 3) *цвет* – 6 оценок (10,9%);
- 4) *симбиотических оценок* – 5 (9%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *полные, пухлые, тонкие.*

На слово-стимул **руки** было получено 60 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – отсутствие оценок;
- 2) *размер* – 29 оценок (48,3%);
- 3) *цвет* – 2 оценки (3,3%);
- 4) *симбиотических оценок* – 29 (48,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большие, длинные, сильные.*

На слово-стимул **рот** было получено 50 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 1 оценка (2%);
- 2) *размер* – 34 оценки (68%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 15 (30%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большой, маленький, средний.*

На слово-стимул **брови** было получено 60 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 12 оценок (20%);
- 2) размер – 14 оценок (23,3%);
- 3) цвет – 18 оценок (30%);
- 4) симбиотических оценок – 16 (26,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *черные, дугообразные, широкие, густые.*

На слово-стимул **нос** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 33 оценки (61,1%);
- 2) размер – 19 оценок (35,2%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 2 (3,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *маленький, картошкой, прямой.*

На слово-стимул **лоб** была получена 51 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 2 оценки (3,9%);
- 2) размер – 41 оценка (80,4%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 8 (15,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *высокий, низкий, широкий, узкий.*

На слово-стимул **зубы** было получено 64 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 25 оценок (39%);
- 2) размер – 8 оценок (12,5%);
- 3) цвет – 25 оценок (39%);
- 4) симбиотических оценок – 6 (9,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *белые, ровные.*

На слово-стимул **глаза** была получена 61 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 3 оценки (4,9%);
- 2) размер – 10 оценок (16,4%);
- 3) цвет – 39 оценок (64%);
- 4) симбиотических оценок – 9 (14,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *карие, черные, голубые, узкие.*

На слово-стимул **тело** было получено 53 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 10 оценок (18,9%);
- 2) размер – 12 оценок (22,6%);
- 3) цвет – 1 оценка (1,9%);
- 4) симбиотических оценок – 30 (56,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *пропорциональное, крепкое.*

На слово-стимул **уши** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 10 оценок (17,5%);
- 2) размер – 33 оценки (57,9%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 14 (24,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большие, маленькие, нормальные.*

На слово-стимул **ноги** было получено 60 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 21 оценка (35%);
- 2) размер – 29 реакций (48,3%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 10 (16,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные, короткие, прямые, кривые.*

На слово-стимул **живот** было получено 52 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 40 оценок (76,9%);
- 2) размер – 6 оценок (11,5%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 6 (11,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *впалый, подтянутый, плоский, нет живота.*

На слово-стимул **грудь** было получено 52 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 12 оценок (23%);
- 2) размер – 24 оценки (46%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 16 (30,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкая, волосатая.*

На слово-стимул **фигура** было получено 55 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 26 оценок (47,3%);
- 2) размер – 10 оценок (18,2%);

- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 19 (34,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *стройная*.

На слово-стимул **пальцы** было получено 46 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 3 оценки (6,5%);
- 2) размер – 31 оценка (67,4%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 12 (26,1%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *толстые, длинные*.

На слово-стимул **щеки** было получено 53 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 18 оценок (34%);
- 2) размер – 17 оценок (32%);
- 3) цвет – 11 оценок (20,7%);
- 4) симбиотических оценок – 7 (13,2%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглые, впалые, пухлые*.

На слово-стимул **плечи** было получено 53 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 10 оценок (18,9%);
- 2) размер – 38 оценок (71,1%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 5 (9,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкие, узкие*.

На слово-стимул **подбородок** было получено 49 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 27 оценок (55,1%);
- 2) размер – 8 оценок (16,3%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 14 (28,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *острый, круглый, волевой*.

На слово-стимул **скулы** было получено 47 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 5 оценок (10,6%);
- 2) размер – 31 оценка (66%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 11 (23,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкие, выступающие*.

На слово-стимул **лицо** было получено 56 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 31 оценка (55,4%);
- 2) *размер* – 2 оценки (3,6%);
- 3) *цвет* – 2 оценки (3,6%);
- 4) *симбиотических оценок* – 21 (37,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглое, овальное, красивое*.

На слово-стимул **ногти** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 9 оценок (16,7%);
- 2) *размер* – 21 оценка (38,9%);
- 3) *цвет* – 2 оценки (3,7%);
- 4) *симбиотических оценок* – 22 (40,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные, короткие, чистые, стриженные*.

На слово-стимул **колени** было получено 46 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 35 оценок (76,1%);
- 2) *размер* – 1 оценка (2,2%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 10 (21,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглые, острые*.

На слово-стимул **спина** было получено 53 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 33 оценки (62,3%);
- 2) *размер* – 16 оценок (30,2%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 4 (7,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкая, прямая*.

На слово-стимул **зад** была получена 51 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 9 оценок (17,6%);
- 2) *размер* – 33 оценки (64,7%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 9 (17,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *небольшой, широкий, узкий*.

На просьбу назвать несколько характерных для мужчины-татарина внутренних качеств человека было получено 86 реакций. Если условно разделить эти реакции на положительные и отрицательные, то они распределяются таким образом:

- 1) положительные качества – 56 реакций (65,1%);
- 2) отрицательные качества – 30 реакций (34,9%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *хитрый, добрый, честный, умный, порядочный*.

Во второй группе испытуемых на слово-стимул **голова** было получено 78 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 38 оценок (48,7%);
- 2) *размер* – 24 оценки (30,8%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 16 (20,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглая (т Үзгйрик), продолговатая (озынча), овальная (оваль), большая (зур), средняя (уртача), умная (акыллы)*.

На слово-стимул **шея** было получено 76 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 3 оценки (3,8%);
- 2) *размер* – 63 (82,9%);
- 3) *цвет* – 2 оценки (2,6%);
- 4) *симбиотических оценок* – 8 (10,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинная (озын), короткая (кыска), тонкая (нечки), средняя (уртача)*.

На слово-стимул **волосы** было получено 92 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 5 оценок (5,4%);
- 2) *размер* – 26 оценок (28,3%);
- 3) *цвет* – 49 оценок (53,3%);
- 4) *симбиотических оценок* – 12 (13%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные (озын), черные (кара), белые (ак), желтые (сары), крашеные (буялган)*.

На слово-стимул **губы** было получено 74 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – отсутствие оценок;
- 2) *размер* – 45 оценок (60,8%);
- 3) *цвет* – 13 оценок (17,6%);
- 4) *симбиотических оценок* – 16 (21,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *розовые (алсу), толстые (калын), полные (тулы), тонкие (нечкі), средние (уртача), красивые (матур)*.

На слово-стимул **руки** было получено 77 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 2 оценки (2,6%);
- 2) *размер* – 43 оценки (55,8%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 29 (37,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные (озын), изящные (ніфіс), красивые (матур)*.

На слово-стимул **рот** было получено 75 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 1 оценка (1,3%);
- 2) *размер* – 56 оценок (74,7%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 18 (24%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большой (зур, олы), средний (уртача), красивый (матур)*.

На слово-стимул **брови** была получена 81 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 15 оценок (18,5%);
- 2) *размер* – 25 оценок (30,9%);
- 3) *цвет* – 26 оценок (32,1%);
- 4) *симбиотических оценок* – 15 (18,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *дугой (дугалы, кыйгач), узкие (тар), тонкие (нечкі), черные (кара)*.

На слово-стимул **нос** была получена 81 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 39 оценок (48,1%);
- 2) *размер* – 35 оценок (43,2%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 7 (8,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *прямой (туры), курносый (почык), длинный (озынча), большой (зур), маленький (білікій), средний (уртача), красивый (матур)*.

На слово-стимул **лоб** было получено 72 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 6 оценок (8,3%);
- 2) *размер* – 54 оценки (75%);
- 3) *цвет* – 2 оценки (2,8%);
- 4) *симбиотических оценок* – 10 (13,9%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *высокий (биек), широкий (кин), узкий (тар), средний (уртача)*.

На слово-стимул **зубы** было получено 95 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 24 оценки (25,3%);
- 2) *размер* – 7 оценок (7,4%);
- 3) *цвет* – 45 оценок (47,3%);
- 4) *симбиотических оценок* – 19 (20%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *белые (ак), ровные (тигез), редкие (сирйк)*.

На слово-стимул **глаза** было получено 76 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – отсутствие оценок;
- 2) *размер* – 10 оценок (13,5%);
- 3) *цвет* – 53 оценки (71,6%);
- 4) *симбиотических оценок* – 11 (14,9%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *черные (кара), голубые (зи нгйр), зеленые (яшел), большие (зур)*.

На слово-стимул **тело** было получено 76 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 7 оценок (9,2%);
- 2) *размер* – 7 оценок (9,2%);
- 3) *цвет* – 24 оценки (31,6%);
- 4) *симбиотических оценок* – 38 (50%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *белое (ак), мягкое (йомиак), красивое (матур)*.

На слово-стимул **уши** было получено 73 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 8 оценок (10,9%);
- 2) *размер* – 58 оценок (79,5%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 7 (9,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большие (зур), маленькие (би́лйкйй, кечкени́), средние (уртача)*.

На слово-стимул **ноги** было получено 88 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 36 оценок (40,9%);
- 2) *размер* – 42 оценки (47,7%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 10 (11,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *прямые (туры), стройные (тθз), длинные (озын)*.

На слово-стимул **живот** было получено 73 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 30 оценок (41,1%);
- 2) размер – 30 оценок (41,1%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 13 (17,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большой (зур), маленький (б'ілі́кий, кечкені), круглый (т Уьгі́рік), ровный (ти-гез)*.

На слово-стимул **грудь** была получена 81 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 2 оценки (2,5%);
- 2) размер – 57 оценок (70,4%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 22 (27,1%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большая (зур), средняя (уртача), полная (тулы), красивая (матур)*.

На слово-стимул **фигура** было получено 78 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 24 оценки (30,8%);
- 2) размер – 40 оценок (51,3%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 14 (17,9%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *стройная (тθз), длинная (озынча), толстая (юан), красивая (матур, ніфис)*.

На слово-стимул **пальцы** было получено 76 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 8 оценок (10,5%);
- 2) размер – 63 оценки (82,9%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 5 (6,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные (озын), короткие (кыска), тонкие (нечкі), кривые (кікре)*.

На слово-стимул **щеки** было получено 74 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 25 оценок (33,8%);
- 2) размер – 11 оценок (14,9%);
- 3) цвет – 18 оценок (24,3%);
- 4) симбиотических оценок – 20 (27%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглые (т Уьгі́рік), продолговатые (озынча), розовые (алсу), красивые (матур)*.

На слово-стимул **плечи** было получено 72 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 7 оценок (9,7%);
- 2) размер – 58 оценок (80,6%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 7 (9,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкие (кин), узкие (тар), средние (уртача)*.

На слово-стимул **подбородок** была получена 71 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 47 оценок (66,2%);
- 2) размер – 15 оценок (21,1%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 9 (12,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *острый (очлы), круглый (тҮрйгйк, йомры), средний (уртача)*.

На слово-стимул **скулы** было получено 66 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 16 оценок (24,2%);
- 2) размер – 28 оценок (42,4%);
- 3) цвет – 15 оценок (22,7%);
- 4) симбиотических оценок – 7 (10,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *продолговатые (озынча), широкие (кин), средние (уртача), розовые (алсу), красные (кызыл)*.

На слово-стимул **лицо** было получено 75 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 16 оценок (21,3%);
- 2) размер – отсутствие оценок;
- 3) цвет – 12 оценок (16%);
- 4) симбиотических оценок – 44 (58,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *белое (ак), овальное (оваль), продолговатое (озынча), красивое (матур), симпатичное (ягымлы), приятное (сйкемле)*.

На слово-стимул **ногти** была получена 81 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 7 оценок (8,6%);
- 2) размер – 49 оценок (60,5%);
- 3) цвет – 2 оценки (2,5%);
- 4) симбиотических оценок – 23 (28,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные (озын), короткие (кыска), чистые (чиста), покрашенные (буялган)*.

На слово-стимул **колени** было получено 73 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 50 оценок (68,5%);
- 2) размер – 13 оценок (17,8%);
- 3) цвет – 1 оценка (1,4%);
- 4) симбиотических оценок – 9 (12,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглые (т Уэгірік, йомры), острые (очлы)*.

На слово-стимул **спина** было получено 72 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 42 оценки (58,3%);
- 2) размер – 24 оценки (33,3%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 6 (8,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *прямая (туры, т0з), ровная (тигез), средняя (уртача), широкая (кин), узкая (тар)*.

На слово-стимул **зад** было получено 79 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 16 оценок (20,3%);
- 2) размер – 54 оценки (68,4%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 9 (11,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглый (т Уэгірік), широкий (кин), выступающий (чыгып торган), толстый (юан), большой (зур), средний (уртача)*.

На просьбу назвать несколько характерных для русской женщины внутренних качеств человека было получено 57 реакций. Все реакции являются положительными. Наиболее частотные – *добрая (игелекле), веселая (шат к Уьелле), щедрая (юмарт), открытая (ачык)*.

В третьей группе испытуемых на слово-стимул **голова** было получено 56 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 27 оценок (48,2%);
- 2) размер – 16 оценок (28,6%);
- 3) цвет – 3 оценки (5,3%);
- 4) симбиотических оценок – 10 (17,9%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглая (т Уэгірік), продолговатая (озынча), большая (зур)*.

На слово-стимул **шея** было получено 58 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – отсутствие оценок;
- 2) *размер* – 52 оценки (89,6%);
- 3) *цвет* – 2 оценки (3,4%);
- 4) *симбиотических оценок* – 4 (6,9%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинная (озын), короткая (кыска), полная (юан), толстая (калын), средняя (уртача)*.

На слово-стимул **волосы** было получено 72 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 7 оценок (9,7%);
- 2) *размер* – 9 оценок (12,5%);
- 3) *цвет* – 49 оценок (68%);
- 4) *симбиотических оценок* – 7 (9,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *черные (кара), желтые (сары), соломенного цвета (салам твсле), короткие (кыска)*.

На слово-стимул **губы** было получено 60 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – отсутствие оценок;
- 2) *размер* – 47 оценок (87,3%);
- 3) *цвет* – 5 оценок (8,3%);
- 4) *симбиотических оценок* – 8 (13,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *толстые (калын), средние (уртача)*.

На слово-стимул **руки** было получено 60 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – отсутствие оценок;
- 2) *размер* – 34 оценки (56,7%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 26 (43,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные (озын), большие (зур), сильные (квчле), средние (уртача)*.

На слово-стимул **рот** было получено 53 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 1 оценка (1,9%);
- 2) *размер* – 44 оценки (83%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 8 (15%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *маленький (бўлўкўй, кечкенў), большой (зур), средний (уртача)*.

На слово-стимул **брови** была получена 61 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 6 оценок (9,8%);
- 2) размер – 18 оценок (29,5%);
- 3) цвет – 25 оценок (40,9%);
- 4) симбиотических оценок – 12 (19,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *черные (кара), желтые (сары), широкие (калын, кин), густые (калын)*.

На слово-стимул **нос** было получено 62 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 29 оценок (46,8%);
- 2) размер – 28 оценок (45,2%);
- 3) цвет – 1 оценка (1,6%);
- 4) симбиотических оценок – 4 (6,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинный (озын), прямой (туры), средний (уртача)*.

На слово-стимул **лоб** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 1 оценка (1,9%);
- 2) размер – 49 оценок (90,7%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 4 (7,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкий (кин), высокий (биек)*.

На слово-стимул **зубы** было получено 65 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 20 оценок (30,7%);
- 2) размер – 10 оценок (15,4%);
- 3) цвет – 31 оценка (47,7%);
- 4) симбиотических оценок – 4 (6,2%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *белые (ак), желтые (сары), ровные (тигез)*.

На слово-стимул **глаза** была получена 61 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – отсутствие оценок;
- 2) размер – 5 оценок (8,2%);
- 3) цвет – 48 оценок (78,7%);
- 4) симбиотических оценок – 8 (13,1%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *голубые (зіңгір), зеленые (яшел), черные (кара)*.

На слово-стимул **тело** было получено 55 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – отсутствие оценок;
- 2) размер – 2 оценки (3,6%);

- 3) цвет – 19 оценок (34,5%);
- 4) симбиотических оценок – 34 (61,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *белое (ак), плотное (тыгыз), гладкое (шома)*.

На слово-стимул **уши** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 12 оценок (21%);
- 2) размер – 40 оценок (70,2%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 5 (8,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *маленькие (бiлiкiй, кечкeнi), большие (зур), средние (уртача)*.

На слово-стимул **ноги** было получено 63 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 22 оценки (34,9%);
- 2) размер – 38 оценок (60,3%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 3 (4,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные (озын), большие (зур), прямые (туры), кривые (кiк ре)*.

На слово-стимул **живот** была получена 51 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 12 оценок (23,5%);
- 2) размер – 34 оценки (66,7%);
- 3) цвет – 1 оценка (2%);
- 4) симбиотических оценок – 4 (7,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большой (зур), маленький (бiлiкiй)*.

На слово-стимул **грудь** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 7 оценок (12,9%);
- 2) размер – 38 оценок (70,3%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 9 (16,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкая (кин), волосатая (йонлы)*.

На слово-стимул **фигура** было получено 60 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 2 оценки (3,3%);
- 2) размер – 49 оценок (81,7%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 9 (15%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинная (озын, т0з), большая (зур)*.

На слово-стимул **пальцы** была получена 61 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 1 оценка (1,6%);
- 2) *размер* – 50 оценок (82%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 10 (16,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные (озын), короткие (кыска)*.

На слово-стимул **щеки** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 25 оценок (43,9%);
- 2) *размер* – 7 оценок (12,3%);
- 3) *цвет* – 8 оценок (14%);
- 4) *симбиотических оценок* – 17 (29,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *продолговатые (озынча), круглые (т Үгiрiк), красивые (матур)*.

На слово-стимул **плечи** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 4 оценки (7%);
- 2) *размер* – 50 оценок (87,7%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 3 (5,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкие (кин)*.

На слово-стимул **подбородок** было получено 56 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 31 оценка (55,3%);
- 2) *размер* – 22 оценки (39,3 %);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 3 (5,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглый (т Үгiрiк), острый (очлы)*.

На слово-стимул **скулы** была получена 51 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 18 оценок (35,3%);
- 2) *размер* – 23 оценки (45%);
- 3) *цвет* – 6 оценок (11,8%);
- 4) *симбиотических оценок* – 4 (7,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *худые (ябык), полные (тулы)*.

На слово-стимул **лицо** было получено 53 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 9 оценок (17%);
- 2) размер – 4 оценки (7,5%);
- 3) цвет – 8 оценок (15,1%);
- 4) симбиотических оценок – 32 (60,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглое (т Ўзгйрйк), красивое (матур), открытое (ачык), белое (ак).*

На слово-стимул **ногти** было получено 55 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 3 оценки (5,5%);
- 2) размер – 34 оценки (61,8%);
- 3) цвет – 3 оценки (5,5%);
- 4) симбиотических оценок – 15 (27,2%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные (озын), короткие (кыска), чистые (чиста), стриженные (киселгйн).*

На слово-стимул **колени** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 41 оценка (75,9%);
- 2) размер – 4 оценки (7,4%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 9 (16,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглые (т Ўзгйрйк, йомры), острые (очлы), выпуклые (калку).*

На слово-стимул **спина** была получена 61 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 30 оценок (49,2%);
- 2) размер – 30 оценок (49,2%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 1 (1,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкая (кин), прямая (туры), ровная (тигез).*

На слово-стимул **зад** было получено 52 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 7 оценок (13,5%);
- 2) размер – 36 оценок (69,2%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 9 (17,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкий (кин), узкий (тар), большой (зур), маленький (кечкенй).*

На просьбу назвать несколько характерных для русского мужчины внутренних качеств человека было получено 105 реакций. Если условно разделить эти реакции на положительные и отрицательные, то они распределяются так образом:

- 1) положительные качества – 84 реакции (80%);
- 2) отрицательные качества – 21 реакция (20%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *веселый (шаян), порядочный (намуслы), умный (акыллы), открытый (ачык), ленивый (ялкау), добрый (игелекле).*

В четвертой группе испытуемых на слово-стимул **голова** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 25 оценок (43,9%);
- 2) *размер* – 10 оценок (17,5%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 22 (38,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглая, овальная, маленькая, нормальная, красивая.*

На слово-стимул **шея** было получено 56 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – отсутствие оценок;
- 2) *размер* – 45 оценок (80,4%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 11 (19,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинная, короткая, средняя, тонкая.*

На слово-стимул **губы** было получено 55 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 2 оценки (3,6%);
- 2) *размер* – 30 оценок (54,5%);
- 3) *цвет* – 11 оценок (20%);
- 4) *симбиотических оценок* – 12 (21,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *алые, маленькие, тонкие.*

На слово-стимул **волосы** было получено 76 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 4 оценки (5,2%);
- 2) *размер* – 25 оценок (32,9%);
- 3) *цвет* – 37 оценок (48,7%);
- 4) *симбиотических оценок* – 10 (13,2%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *черные, длинные*.

На слово-стимул **руки** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 2 оценки (3,7%);
- 2) *размер* – 26 оценок (48,1%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 26 (48,1%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *маленькие, короткие, нежные*.

На слово-стимул **рот** было получено 49 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 1 оценка (2%);
- 2) *размер* – 33 оценки (67,3%);
- 3) *цвет* – 3 оценки (6,1%);
- 4) *симбиотических оценок* – 12 (24,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большой, маленький, средний*.

На слово-стимул **брови** было получено 65 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 9 оценок (13,8%);
- 2) *размер* – 16 оценок (24,6%);
- 3) *цвет* – 20 оценок (30,8%);
- 4) *симбиотических оценок* – 20 (30,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *черные, дугой, густые, тонкие*.

На слово-стимул **нос** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 29 оценок (50,9%);
- 2) *размер* – 20 оценок (35,1%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 8 (14%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *небольшой, маленький, прямой, курносый*.

На слово-стимул **лоб** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 4 оценки (7,4%);
- 2) *размер* – 37 оценок (68,5%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 13 (24,1%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *средний, широкий, узкий, низкий*.

На слово-стимул **зубы** было получено 63 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 20 реакций (31,7%);
- 2) размер – 5 оценок (7,9%);
- 3) цвет – 31 оценка (49,2%);
- 4) симбиотических оценок – 7 (11,1%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *белые, ровные*.

На слово-стимул **глаза** было получено 77 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 8 оценок (10,4%);
- 2) размер – 14 оценок (18,2%);
- 3) цвет – 44 оценки (57,1%);
- 4) симбиотических оценок – 11 (14,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *карие, черные, зеленые, большие*.

На слово-стимул **тело** было получено 58 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 14 оценок (24,1%);
- 2) размер – 18 оценок (31%);
- 3) цвет – 3 оценки (5,2%);
- 4) симбиотических оценок – 23 (39,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *маленькое, среднее, полное, стройное, нежное*.

На слово-стимул **уши** было получено 55 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 15 оценок (27,3%);
- 2) размер – 27 оценок (49%);
- 3) цвет – 1 оценка (1,8%);
- 4) симбиотических оценок – 12 (21,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *прижатые, маленькие, средние*.

На слово-стимул **ноги** было получено 58 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 16 оценок (27,6%);
- 2) размер – 25 оценок (43,1%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 17 (29,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные, короткие, стройные*.

На слово-стимул **живот** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 20 оценок (35,1%);
- 2) размер – 19 оценок (33,3%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 18 (31,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большой, маленький, подтянутый*.

На слово-стимул **грудь** было получено 56 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 5 оценок (8,9%);
- 2) размер – 38 оценок (67,8%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 13 (23,2%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большая, маленькая, средняя, высокая, красивая*.

На слово-стимул **фигура** было получено 56 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 23 оценки (41,1%);
- 2) размер – 7 оценок (12,5%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 26 (46,4%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *полная, стройная, красивая*.

На слово-стимул **пальцы** была получена 61 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – отсутствие оценок;
- 2) размер – 41 оценка (67,2%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 20 (32,8%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные, короткие, тонкие*.

На слово-стимул **щеки** было получено 53 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 21 оценка (39,6%);
- 2) размер – 10 оценок (18,9%);
- 3) цвет – 19 оценок (35,8%);
- 4) симбиотических оценок – 3 (5,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *румяные, розовые, пухлые, круглые*.

На слово-стимул **плечи** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 12 оценок (22,2%);
- 2) размер – 32 оценки (59,3%);

- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 10 (18,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкие, узкие*.

На слово-стимул **подбородок** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 23 оценки (42,6%);
- 2) размер – 15 оценок (27,8%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 16 (29,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *острый, круглый, маленький, обычный*.

На слово-стимул **скулы** была получена 51 реакция. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 11 оценок (21,5%);
- 2) размер – 21 оценка (41,2%);
- 3) цвет – отсутствие оценки;
- 4) симбиотических оценок – 19 (37,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *широкие, нормальные*.

На слово-стимул **лицо** было получено 58 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 21 оценка (36,2%);
- 2) размер – 1 оценка (1,7%);
- 3) цвет – 9 оценок (15,5%);
- 4) симбиотических оценок – 27 (46,5%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглое, овальное, смуглое, красивое*.

На слово-стимул **ногти** было получено 57 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 9 оценок (15,8%);
- 2) размер – 22 оценки (38,6%);
- 3) цвет – 3 оценки (5,3%);
- 4) симбиотических оценок – 23 (40,3%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *длинные, короткие, ухоженные*.

На слово-стимул **колени** было получено 53 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) форма – 32 оценки (60,4%);
- 2) размер – 5 оценок (9,4%);
- 3) цвет – отсутствие оценок;
- 4) симбиотических оценок – 16 (30,2%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *круглые, острые, нормальные*.

На слово-стимул **спина** было получено 55 реакций. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 39 оценок (70,9%);
- 2) *размер* – 9 оценок (16,4%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 7 (12,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *прямая, сутулая, узкая, ровная*.

На слово-стимул **зад** было получено 54 реакции. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

- 1) *форма* – 12 оценок (22,2%);
- 2) *размер* – 26 оценок (48,1%);
- 3) *цвет* – отсутствие оценок;
- 4) *симбиотических оценок* – 16 (29,6%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *большой, широкий, круглый, средний*.

На просьбу назвать несколько характерных для женщины-татарки внутренних качеств человека было получено 92 реакции. Если условно разделить эти реакции на положительные и отрицательные, то они распределяются таким образом:

- 1) положительные качества – 61 реакция (66,3%);
- 2) отрицательные качества – 31 реакция (33,7%).

Наиболее частотными являются следующие определения: *добрая, хитрая*.

Портрет русского мужчины для женщины-татарки оказывается таковым:

голова – круглая, большая, желтая, пустая; **волосы** – кудрявые, короткие, желтые, густые; **лоб** – прямой, широкий, морщинистый; **брови** – прямые, широкие, черные, густые; **глаза** – большие, голубые, грустные; **нос** – прямой, средний; **щеки** – продолговатые, худые, белые, красивые; **рот** – круглый, большой, беспричинно и много смеющийся; **губы** – толстые, красные, красивые; **зубы** – ровные, крупные, белые, красивые; **подбородок** – острый, большой, красивый; **скулы** – продолговатые, худые, гладкие; **лицо** – круглое, полное, белое, красивое; **шея** – длинная, грязная, красная; **уши** – оттопыренные, большие, нормальные; **плечи** – прямые, широкие, мускулистые; **руки** – длинные, сильные; **пальцы** – ровные, длинные, мягкие; **ногти** – круглые, длинные, белые, чистые; **тело** – худое, белое, гладкое; **грудь** – ровная, широкая, волосатая; **живот** – выпирающий, большой, белый, мускулистый; **ноги** – пря-

мые, длинные, здоровые; **колени** – круглые, большие, крепкие; **фигура** – ровная, длинная, красивая; **спина** – ровная, широкая, крепкая; **зад** – ровный, небольшой, узкий, плотный.

Портрет русской женщины для татарского мужчины может быть представлен в следующем виде:

голова – круглая, средняя, умная; **волосы** – кудрявые, длинные, желтые, крашенные; **лоб** – прямой, широкий, белый, гладкий; **брови** – дугой, тонкие, черные, густые; **глаза** – большие, голубые, загадочные; **нос** – прямой, средний, красивый; **щеки** – круглые, пухлые, розовые, красивые; **рот** – круглый, большой, красивый; **губы** – толстые, розовые, красивые; **зубы** – ровные, мелкие, белые, редкие; **подбородок** – острый, средний, красивый; **скулы** – продолговатые, широкие, розовые, здоровые; **лицо** – продолговатое, полное, белое, красивое; **уши** – оттопыренные, маленькие, красивые; **шея** – прямая, длинная, белая, красивая; **плечи** – прямые, узкие, сильные; **руки** – прямые, длинные, белые, изящные; **пальцы** – кривые, длинные, красивые; **ногти** – овальные, длинные, красные, покрашенные; **тело** – стройное, полное, белое, мягкое; **грудь** – круглая, большая, красивая; **живот** – ровный, маленький, красивый; **ноги** – прямые, длинные, красивые; **колени** – круглые, толстые, белые, красивые; **фигура** – стройная, длинная, красивая; **спина** – прямая, узкая, красивая; **зад** – круглый, большой, красивый.

В свою очередь, *портрет мужчины-татарина для русской женщины* таков:

голова – круглая, большая, умная; **волосы** – волнистые, короткие, черные, густые; **лоб** – прямой, высокий, открытый; **брови** – дугообразные, широкие, черные, густые; **глаза** – миндалевидные, узкие, карие, хитрые; **нос** – прямой, маленький, нормальный; **щеки** – впалые, пухлые, розовые, обыкновенные; **рот** – круглый, большой, обычный; **губы** – бантиком, полные, алые, нормальные; **зубы** – ровные, мелкие, белые, красивые; **подбородок** – круглый, узкий, обычный; **скулы** – выступающие, широкие, обыкновенные; **лицо** – овальное, маленькое, черное, красивое; **уши** – лопухие, маленькие, нормальные; **шея** – короткая, крепкая; **плечи** – покатые, широкие, развернутые; **руки** – длинные, белые, сильные; **пальцы** – прямые, толстые, крепкие; **ногти** – круглые, короткие, розовые, чистые; **тело** – пропорциональное, небольшое, крепкое; **грудь** – колесом, широкая, волосатая; **живот** – плоский, небольшой, упругий; **ноги** – кривые, короткие, сильные; **колени** – круглые, узкие, обыкновенные; **фигура** – стройная, маленькая, атлетическая; **спина** – прямая, широкая, сильная; **зад** – круглый, узкий, обычный.

Портрет женщины-татарки для русского мужчины может быть представлен в следующем виде:

голова – круглая, маленькая, нормальная; **волосы** – прямые, длинные, черные, пышные; **лоб** – прямой, узкий, умный; **брови** – дугой, тонкие, черные, густые; **глаза** – миндалевидные, большие, карие, хитрые; **нос** – курносый, маленький, нормальный; **щеки** – впалые, пухлые, розовые, обычные; **рот** – маленький, алый, красивый; **губы** – бантиком, тонкие, алые, нежные; **зубы** – ровные, мелкие, белые, здоровые; **скулы** – выступающие, широкие, нормальные; **лицо** – овальное, широкое, смуглое, красивое; **шея** – длинная, обыкновенная; **подбородок** – острый, маленький, обычный; **плечи** – покатые, узкие, нормальные; **руки** – пропорциональные, маленькие, изящные; **пальцы** – короткие, нежные; **ногти** – круглые, длинные, розовые, ухоженные; **тело** – стройное, полное, смуглое, нежное; **грудь** – плоская, маленькая, красивая; **живот** – подтянутый, большой, упругий; **ноги** – стройные, длинные, нормальные; **колени** – круглые, полные, нормальные; **фигура** – стройная, полная, красивая; **спина** – прямая, узкая, красивая; **зад** – круглый, большой, нормальный.

Л и т е р а т у р а

1. *Ганиев Ф. А.* Татарско-русский словарь. Казань, 1995.
2. *Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.

Реконструкция ливанского соматологического портрета (итоги экспериментального исследования)

© З. Ш. Мруз, 1998

Своей целью мы выбрали описание способов и форм восприятия и оценки человеческого тела, характерных как для ливанцев — носителей арабского языка, так и для русских — носителей русского языка.

В качестве рабочего инструмента выявления этих способов и форм мы избрали метод направленного ассоциативного эксперимента (26 слов-стимулов, обозначающих части человеческого тела), поскольку полагали, что именно такой инструмент окажется полезным для описания элементов вербального сознания, неизбежно сопровождающих этнокультурный процесс восприятия и оценки человека человеком (см. по этому поводу: [1; 2; 3; 4; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 19; 20]), а также для выяснения возможных точек сбоев или деструкций в процессе межкультурного общения, в котором "... реализуется одна из главнейших закономерностей, установленных психологией: внешние влияния связаны со своим психологическим эффектом опосредованно, через личность, через посредство ее внутренних условий. Это значит, что внутренние условия субъекта общения сказываются на восприятии информации и выдаче ответной информации. Иначе, субъективное для передающего информацию, становясь объективным для принимающего ее, снова становится субъективным, личностным" [21: 24].

Эксперимент был организован стандартным образом: каждый участник получал анкету с 26 словами-стимулами, обозначающими части человеческого тела, и, согласно инструкции, в течение 7-10 минут должен был заполнить ее, написав против каждого стимула первое, пришедшее ему на ум определение, вызванное в его сознании данным стимулом.

От 150 ливанских испытуемых¹ в возрасте от 18 до 60 лет, принадлежащих к разным социальным группам, было получено 4178 реакций; среди них — 475 единичных реакций (12% от общего числа всех реакций), включая 49 отказов. Мы разделили их, исходя из следующих характеристик: *форма, размер, физические и социальные характеристики*. (Укажем, что признаки, представленные в последней группе, могут быть

---

¹ В связи с ограниченным объемом статьи русский материал не приводится.

в равной мере и физическими, и социальными; далее они будут называться симбиотическими.)

Ниже мы приводим некоторые результаты²:

I. Слово-стимул **“голова”** спровоцировало появление 162 р., из них — 22 ед. р. (14% от общего количества реакций). Эта часть тела характеризуется, прежде всего, по форме, затем оценивается с физической и социальной точек зрения и, наконец, получает характеристики по размеру.

На форму **“головы”** было получено 72 р. (44%), среди которых отмечено всего 3 ед. р.³ (2% от всех единичных реакций). Наибольший вес имеет определение-реакция *“круглая”* (*“мустадир”*⁴) — 50 р., затем *“яйцевидная”* (*“байдавия”*) — 7 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Физические и социальные характеристики — получено 54 р. (33%), среди них — 17 ед. р. (11%). **“Голова”** характеризуется ии., прежде всего, как *“красивая”* (*“жамил”*) — 10 р., затем следует реакция *“мышление”* (*“тафкир”*) — 7 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Размер **“головы”** — 34 р. (21%). Среди них — 1 ед. р. (1%). **“Голова”** характеризуется, прежде всего, как *“большая”* (*“кабир”*) — 16 р., затем как *“маленькая”* (*“сагир”*) — 11 р. и *“средняя”* (*“мутавасит”*) — 6 р.

Цвет **“головы”** — получено только 2 р. (1%). Эти реакции сверхслаборелевантны.

II. Слово-стимул **“волосы”** спровоцировало появление 174 р., из них — 13 ед. р. (8%). **“Волосы”**, в первую очередь, оцениваются по цвету, затем по форме, размеру и, наконец, с физической и социальной точек зрения.

Цвет **“волос”** — 93 р. (55%), среди них — 3 ед. р. (2%). **“Волосы”** характеризуются, прежде всего, как *“черные”* (*“асвад”*) — 47 р., далее — как *“светлые”* (*“ашкар”*) — 27 р., затем — как *“каштановые”* (*“кас-*

---

² Слово-стимул выделено жирным шрифтом, реакции — курсивом. Реакции обозначаются как “р.”, единичные реакции — как “ед. р.”, а испытуемые — как “и.”. В скобках рядом с общим количеством реакций будет приводиться процент от общего количества реакций, а в скобках рядом с единичными реакциями — процент от их общего количества.

³ В дальнейшем такие реакции не учитываются, ибо мы принимаем в качестве допустимой нижней границы 5 реакций.

⁴ В скобках приводится арабский перевод в русской транслитерации.

тана'йя") — 5 р. и "чернее ночи" ("асвад Халик") — 5 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Форма — 32 р. (18%), среди них — 1 ед. р. (1%). "Волосы" характеризуются как "прямые" ("амлас") — 9 р., "кудрявые" ("аж'ад") — 8 р. и "гладкие" ("на'им") — 8 р. Все остальные реакции сверхслаборелевантны.

Размер "волос" — 29 р. (17%), среди них — 2 ед. р. (1%). "Волосы" характеризуются, в первую очередь, как "длинные" ("тавил") — 18 р., а затем — как "короткие" ("касир") — 9 р.

Физические и социальные характеристики — 18 р. (10%), среди них — 7 ед. р. (4%). В этом отношении "волосы" оцениваются, прежде всего, как "красивые" ("жамил") — 7 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

III. На слово-стимул "лицо" было получено 166 р., из них — 28 ед. р. (17%). "Лицо" характеризуется, прежде всего, исходя из физических и социальных характеристик, затем оценивается по форме, затем — по цвету и, наконец, по размеру. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

Физические и социальные характеристики — получено 86 р. (52%), из них — 22 ед. р. (13%). Первое место занимает определение "красивое" ("жамил") — 37 р., затем "привлекательное" ("жаддаб") — 6 р. и "миловидное" ("на'им") — 5 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Форма — 62 р. (37%), из них — 4 ед. р. (2%). "Лицо" характеризуется, прежде всего, как "круглое" ("мустадир") — 41 р., затем — как "яйцевидное" ("мустатил") — 6 р., "удлиненное" ("мутатавил") — 6 р. и "длинное" ("тавил") — 5 р.

Цвет — 12 р. (12%), из них — 2 ед. р. (1%). "Лицо" характеризуется, в первую очередь, как "смуглое" ("асмар") — 5 р. и как "белое" ("аби-ад") — 5 р.

Размер — 6 р. (4%). Все эти реакции сверхслаборелевантны.

IV. На слово-стимул "глаза" получено 163 р., из них — 17 ед. р. (10,4%). По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

Цвет "глаз" — 91 р. (56%), из них — 2 ед. р. (1%). Наибольший вес имеет характеристики "карие" ("асалиятан") — 28 р., затем следует определение "черные" ("саудаван") — 24 р., а за ним — "зеленые"

(“хадраван”) — 17 р. и “голубые” (“заркаван”) — 18 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Физические и социальные характеристики — 31 р. (19%), из них — 10 ед. р. (6%). Наибольший вес у характеристик “блестящие” (“ла-ми’атан”) — 6 р. и “красивые” (“жамилатан”) — 6 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Форма — 22 р. (14%), среди них — 3 ед. р. (2%). Наибольший вес имеет определение “широкие” [“большие”⁵] (“васи’а”) — 17 р. Все остальные реакции сверхслаборелевантны.

Размер — 19 р. (12%), среди которых — 2 ед. р. (1%). По размеру “глаза” преимущественно характеризуются как “большие” (“кабиратан”) — 14 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

V. Слово-стимул “губы” спровоцировало появление 153 р. среди них отмечено 14 ед. р. (9%), два ии. отказались от ответа.

“Губы” характеризуются, прежде всего, по размеру, затем — с точки зрения формы, физических и социальных параметров и, наконец, по цвету.

По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

Размер — 56 р. (37%). Наибольший вес — у оценки “большие” (“кабиратан”) — 18 р., затем “губы” характеризуются как “маленькие” (“сагиратан”) — 17 р., “средние” (“мутавацитатан”) — 6 р. и “широкие” (“васи’атан”) — 5 р.

Форма — 45 р. (29%), из них — 1 ед. р. (1%). “Губы” оцениваются, прежде всего, как “толстые” (“самикатан”) — 19 р., затем — “тонкие” (“ракикатан”) — 16 р. и “оттопыренные” (“дали’ан”) — 5 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Физические и социальные характеристики — 37 р. (24%), среди них отмечено 10 ед. р. (6%). “Губы” воспринимаются, в первую очередь, как “красивые” (“жамилатан”) — 8 р., затем — как “нежные” (“на’им”) — 5 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Цвет — 15 р. (10%), из них — 3 ед. р. (2%). В этом отношении “губы” воспринимаются преимущественно как “алые” (“хамраватан”) — 8 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

VI. На слово-стимул “грудь” получено 162 р., среди них — 5 отказов и 28 ед. р. (17%). Все полученные оценки градуируются таким образом:

⁵ Перевод в квадратных скобках — это скорее истолкование соответствующей арабской лексемы.

размер — форма — физическая и социальная характеристика — цвет.

По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

Размер — 73 р. (45%), из них — 1 ед. р. (1%). Среди оценок наибольший вес имеет определение “большая” (“кабиран”) — 30 р., затем идут реакции “средняя” (“мутаваасситан”) — 20 р., “маленькая” (“сагиран”) — 19 р. и, наконец, “объемная” (“кабиран”) — 3 р.

Форма — 40 р. (25%), среди них — 4 ед. р. (3%). “Грудь” характеризуется, прежде всего, как “выступающая” (“баризан”) — 20 р., затем оценивается как “круглая” (“мустадиран”) — 5 р., “приподнятая” (“’алиян”) — 5 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Физические и социальные характеристики — 38 р. (25%), среди них — 21 ед. р. (13%). “Грудь” характеризуется, в первую очередь, как “нормальная” (“’адиян”) — 6 р. и “полная” (“малаан”) — 5 р. Остальные реакции сверхслаборелевантны.

Цвет — 2 ед. р. (1%). Эти реакции сверхслаборелевантны.

VII. Слово-стимул “спина” спровоцировало появление 158 р., сред которых — 21 ед. р. (13%). Четыре ии. отказались от ответа. “Спина” оценивается, прежде всего, по форме, затем — исходя из физических и социальных характеристик, далее — по цвету и, наконец, по размеру. По модусам оценки эти реакции распределились следующим образом:

Форма — 114 р. (72%), среди них — 6 ед. р. (4%). Наибольший вес имеет определение “прямая” (“жалес”) — 77 р., затем даются оценки “сутулая” (“мунхани”) — 11 р., “широкая” (“’арид”) — 9 р. и “длинная” (“тавил”) — 6 р. Все остальные реакции сверхслаборелевантны.

Физические и социальные характеристики — 39 р. (25%), среди них — 12 ед. р. (8%). Доминируют определения “крепкая” (“каси”) — 6 р., “гладкая” (“амлас”) — 6 р., затем следует оценка “чистая” (“надиф”) — 5 р. Все остальные реакции сверхслаборелевантны.

Цвет — 3 р. (2%), среди которых — 1 ед. р. (1%). Эти реакции сверхслаборелевантны.

Размер — 2 ед. р. (1%). Этот признак сверхслаборелевантен для ии.

VIII. На слово-стимул “колени” было получено 155 р., среди которых отмечено 29 ед. р. (19%). Тринадцать ии. отказались от ответа. “Колени” характеризуются, прежде всего, с физической и социальной точек зрения, затем — по форме, размеру и цвету.

В физическом и социальном отношениях “колени” были охарактеризованы 94 р. (60%), среди которых — 19 ед. р. (12%). “Колени” характеризуются, прежде всего, как “красивые” (“жамилатан”) — 14 р., за-

тем — как “*сильные*” (“*кавиятан*”) — 12 р., “*гладкие*” (“*малисата*”) — 8 р. и “*пропорциональные*” (“*мутанасикатан*”) — 5 р. Все остальные реакции сверхслаборелевантны.

Относительно *формы* “**колен**” получено 44 р. (28%), среди них — 8 ед. р. (5%). Наибольший вес имеет определение “*круглые*” (“*мустадиратан*”) — 18 р., далее следуют определения “*торчащие*” (“*нафиратан*”) — 5 р. и “*широкие*” (“*аридатан*”) — 5 р. Все остальные реакции сверхслаборелевантны.

Размер “**колен**” — 16 р. (10%), среди которых — 1 ед. р. (1%). “**Колени**” оцениваются, в первую очередь, как “*маленькие*” (“*сагиратан*”) — 7 р. и “*средние*” (“*мутаваситатан*”) — 5 р. Все остальные реакции сверхслаборелевантны.

Цвет “**колен**” — получена 1 ед. р. (1%), являющаяся срехслаборелевантной.

Исходя из вышеуказанных данных, внешность ливанца / ливанки можно представить следующим образом:

У ливанца / ливанки *круглая* или *яйцевидная голова*. Она может быть *большой, средней* или *маленькой, красивой, мыслящей*. **Волосы** — *черные, чернее ночи*, но бывают и *каштановые*, и даже *светлые, длинные* или *короткие, кудрявые, красивые*.

Лицо может быть и *круглым*, и *яйцевидным*, а также *удлиненным* или *длинным, смуглым* или *белым, красивым, привлекательным* и *гладким*.

У ливанца / ливанки *широкий* или *маленький, высокий* или *средний лоб*.

Брови — *густые, толстые* или *тонкие, черного цвета, длинные*, часто *сросшиеся, соболиные*.

Нос обычно *маленький* или *короткий*, бывает и *тонкий*, и *вздернутый, красивый* и *гладкий*. Ливанец / ливанка бывает и *курносый / курносой*.

Глаза у ливанцев / ливанок бывают разных цветов: *карие, черные, зеленые, голубые*; они могут быть *большие, широкие, блестящие, красивые*.

У ливанца / ливанки *маленький, средний* или *большой рот*, но встречается и *широкий*, и *круглый, красного* или *густорозового цвета*.

Губы у ливанца / ливанки могут быть *широкими, красными, красивыми* и *гладкими, толстыми, тонкими* или *оттопыренными, большими, маленькими* или *средними*.

Лицо — *белоснежное, симметричное*, а **зубы** — *жемчужные, чистые, плотные, красивые, маленькие* и *ровные*.

Подбородок — *круглый или острый, длинный или с ямочкой, а также удлинённый, средний или широкий.*

У ливанца / ливанки *красные или розовые, а также смуглые или румяные щеки*; они могут быть также *цветущими, красивыми, толстыми и круглыми.*

Скулы у ливанца / ливанки *красные, алые или румяные, пухлые, бывают и толстые, и гладкие.*

Уши — *большие или маленькие, средние или длинные.*

Шея — *длинная, короткая или средняя, красивая, покоится она на широких или на узких, средних, высоких плечах.*

Грудь может быть *большой, выступающей, приподнятой, полной или круглой, нормальной или, наоборот, маленькой и, конечно, средней.*

У ливанца / ливанки *прямая, крепкая, гладкая и чистая спина*, но встречаются и *сутулые* спины, а также *широкие и длинные.*

Живот обычно *плоский, впалый, незаметный*, но он может быть также *ровным, худым и маленьким, большим или пухлым.*

Руки могут быть *гладкими, красивыми, длинными, толстыми, большими, маленькими и средними, с длинными, тонкими, худыми, гладкими, красивыми, толстыми, маленькими или средними пальцами.*

У ливанца / ливанки *ухажённые, чистые, маленькие и белые, подстриженные ногти*, хотя встречаются и *длинные, и сломанные, и короткие.* У него / нее *длинные, большие и сильные, чаще — средние, худые, красивые ноги.*

Колени — *сильные, гладкие и красивые, пропорциональные*, но есть и *круглые, торчащие, широкие.* Среди ливанцев / ливанок встречаются также люди с *маленькими и средними* коленями.

Тело бывает *полным и изящным, стройным и худощавым, крепким, сильным, пропорциональным, небольшим, длинным.*

Фигура у ливанца / ливанки *длинная, прямая, стройная, гордая, красивая и так себе.*

Таблица. Ливанский соматологический портрет⁶

Слово-стимул	Общее число реакций	Форма	Размер	Цвет	Физические и социальные характеристики
голова	162 р. 23 ед. р. (14%)	72 р. (44%) 3 ед. р. (2%)	34 р. (21%) 1 ед. р. (1%)	2 р. (1%) -	54 р. (33%) 17 ед. р. (10%)
волосы	174 р. 13 ед. р. (8%)	32 р. (18%) 1 ед. р. (1%)	29 р. (17%) 2 ед. р. (1%)	95 р. (55%) 3 ед. р. (2%)	18 р. (10%) 7 ед. р. (4%)
лицо	166 р. 28 ед. р. (17%)	62 р. (37%) 4 ед. р. (2%)	6 р. (4%) -	12 р. (12%) 2 ед. р. (1%)	86 р. (52%) 22 ед. р. (13%)
лоб	151 р. 9 ед. р. (6%)	113 р. (75%) 2 ед. р. (1%)	19 р. (13%) 1 ед. р. (1%)	3 р. (2%) 1 ед. р. (1%)	16 р. (11%) 5 ед. р. (3%)
нос	186 р. 14 ед. р. (8%)	43 р. (23%) 4 ед. р. (2%)	110 р. (59%) 1 ед. р. (1%)	- -	33 р. (18%) 9 ед. р. (5%)
брови	157 р. 15 ед. р. (10%)	24 р. (15%) 5 ед. р. (3%)	79 р. (50%) 1 ед. р. (1%)	4 р. (3%) -	50 р. (32%) 9 ед. р. (6%)
глаза	163 р. 17 ед. р. (10%)	22 р. (14%) 3 ед. р. (2%)	19 р. (12%) 2 ед. р. (1%)	91 р. (56%) 2 ед. р. (1%)	31 р. (19%) 10 ед. р. (6%)
рот	157 р. 20 ед. р. (13%)	21 р. (13%) 5 ед. р. (3%)	88 р. (56%) -	5 р. (3%) 1 ед. р. (1%)	43 р. (27%) 14 ед. р. (9%)

⁶ Подсчет реакций на форму соматологического элемента проводился исходя из общего количества реакций; подсчет ед. р. на форму, размер, цвет проводился исходя из общего количества единичных реакций.

Слово-стимул	Общее число реакций	Форма	Размер	Цвет	Физические и социальные характеристики
губы	153 р. 14 ед. р. (9%)	45 р. (29%) 1 ед. р. (1%)	56 р. (37%) -	15 р. (10%) 3 ед. р. (2%)	37 р. (24%) 10 ед. р. (6%)
зубы	180 р. 14 ед. р. (8%)	11 р. (6%) 1 ед. р. (1%)	23 р. (13%) -	81 р. (45%) 4 ед. р. (2%)	65 р. (36%) 9 ед. р. (5%)
подбородок	156 р. 20 ед. р. (13%)	67 р. (42%) 4 ед. р. (3%)	31 р. (19%) 2 ед. р. (1%)	- -	58 р. (37%) 14 ед. р. (9%)
щеки	164 р. 14 ед. р. (9%)	21 р. (13%) 2 ед. р. (1%)	4 р. (2%) -	93 р. (57%) 2 ед. р. (1%)	46 р. (28%) 10 ед. р. (6%)
скулы	156 р. 24 ед. р. (15%)	13 р. (8%) 3 ед. р. (2%)	4 р. (3%) -	78 р. (50%) 4 ед. р. (3%)	61 р. (39%) 17 ед. р. (11%)
уши	155 р. 18 ед. р. (12%)	10 р. (7%) 1 ед. р. (1%)	114 р. (74%) -	- 1 ед. р. (1%)	30 р. (19%) 16 ед. р. (11%)
шея	160 р. 21 ед. р. (13%)	19 р. (12%) 7 ед. р. (4%)	113 р. (71%) 1 ед. р. (1%)	4 р. (3%) 1 ед. р. (1%)	24 р. (15%) 12 ед. р. (7%)

Слово-стимул	Общее число реакций	Форма	Размер	Цвет	Физические и социальные характеристики
плечи	150 р.	12 р. (8%)	117 р. (78%)	-	21 р. (14%)
	11 ед. р. (7%)	2 ед. р. (1%)	2 ед. р. (1%)	-	7 ед. р. (5%)
грудь	162 р.	40 р. (25%)	73 р. (45%)	-	47 р. (29%)
	28 ед. р. (17%)	4 ед. р. (3%)	1 ед. р. (1%)	2 ед. р. (1%)	21 ед. р. (13%)
спина	158 р.	114 р. (72%)	-	3 р. (2%)	39 р. (25%)
	21 ед. р. (13%)	6 ед. р. (4%)	2 ед. р. (1%)	1 ед. р. (1%)	12 ед. р. (8%)
живот	151 р.	59 р. (39%)	38 р. (25%)	3 р. (2%)	51 р. (34%)
	15 ед. р. (10%)	3 ед. р. (2%)	-	1 ед. р. (1%)	11 ед. р. (7%)
руки	164 р.	18 р. (11%)	62 р. (37%)	-	83 р. (51%)
	11 ед. р. (7%)	2 ед. р. (1%)	-	1 ед. р. (1%)	8 ед. р. (5%)
пальцы	158 р.	90 р. (57%)	15 р. (10%)	-	51 р. (32%)
	16 ед. р. (10%)	4 ед. р. (3%)	1 ед. р. (1%)	2 ед. р. (1%)	9 ед. р. (6%)
ногти	148 р.	64 р. (43%)	6 р. (4%)	8 р. (5%)	70 р. (47%)
	16 ед. р. (11%)	3 ед. р. (2%)	1 ед. р. (1%)	3 ед. р. (2%)	9 ед. р. (6%)

Слово-стимул	Общее число реакций	Форма	Размер	Цвет	Физические и социальные характеристики
ноги	158 р.	4 р. (3%)	88 р. (56%)	-	64 р. (41%)
	22 ед. р. (14%)	1 ед. р. (1%)	1 ед. р. (1%)	2 ед. р. (1%)	18 ед. р. (11%)
колени	155 р.	44 р. (28%)	16 р. (10%)	-	94 р. (61%)
	29 ед. р. (19%)	8 ед. р. (5%)	1 ед. р. (1%)	1 ед. р. (1%)	19 ед. р. (12%)
тело	180 р.	49 р. (27%)	44 р. (24%)	6 р. (3%)	81 р. (45%)
	31 ед. р. (17%)	5 ед. р. (3%)	4 ед. р. (2%)	-	22 ед. р. (12%)
фигура	154 р.	72 р. (47%)	21 р. (14%)	-	61 р. (40%)
	12 ед. р. (8%)	-	2 ед. р. (1%)	-	10 ед. р. (7%)

Литература

- [1] Арутюнов С. А. Народные механизмы языковой традиции // Язык, сознание, этнос, культура. X Всерос. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации «Язык, сознание, культура, этнос: Теория и прагматика». М., 1994.
- [2] Богин Г. И. Уровни и компоненты речевой способности человека: Учеб. пособие. Калинин, 1975.
- [3] Богин Г. И. Концепция языковой личности: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1982.
- [4] Богин Г. И. Понимание и интерпретация текста: Сб. науч. трудов. Тверь, 1994.
- [5] Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как о личности. Л., 1970.
- [6] Бодалев А. А. Психология межличностных отношений. Вып. 2 (12). НИИ ОП АПН СССР. М., 1979.
- [7] Дмитриук Н. В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- [8] Залевская А. А. К экспериментальному исследованию лексического компонента речевой способности человека. Предварительные публикации. М., 1975. Вып. 68.
- [9] Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: Учеб. пособие. Калинин, 1977.
- [10] Залевская А. А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях: Учеб. пособие. Калинин, 1978.
- [11] Залевская А. А. Межязыковое сопоставление в психолингвистике. Калинин, 1979.

- [12] *Залевская А. А.* Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (На материале межязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): Автореф. ... д-ра филол. наук. Л., 1980.
- [13] *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
- [14] *Залевская А. А., Сорокин Ю. А.* Функционирование текста в лингвокультурной общности. М., 1978.
- [15] *Караулов Ю. Н.* На уровне языковой личности // Караулов Ю. Н., Федотов А. Л. Между семантикой и гносеологией. М., 1985. Вып. 164.
- [16] *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [17] *Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А. и др.* Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. Книги 1 и 2. М., 1994.
- [18] Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- [19] *Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- [20] *Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- [21] *Баев Б. Ф.* Психология общения и проблемы внутренней речи // Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми. (Тез. Всесоюз. симпозиума. 1-3 декабря 1970). Л., 1970. С. 24.

Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента)

© кандидат филологических наук Д. Б. Гудков, 1998

0. Вводные замечания.

0.1. Настоящая статья представляет собой результат предварительной обработки экспериментальных данных, полученных в ходе исследований, проводимых семинаром “Текст и коммуникация”. Анкета была составлена нами совместно с В. В. Красных и И. В. Захаренко, при проведении анкетирования неоценимую помощь оказали И. В. Захаренко, Э. Е. Каминская и Е. А. Родионов, которым автор выражает глубокую благодарность.

0.2. Анкетирование должно было: а) подтвердить или опровергнуть те теоретические положения, которые участники упомянутого семинара подробно останавливались в различных своих работах¹ и которые коротко излагаются ниже; б) выявить особенности бытования в сознании и функционирования в языке прецедентных имен (ПИ); в) дать материал для словаря прецедентных феноменов (ПФ); г) помочь выявить тенденции в динамике русской когнитивной базы (КБ).

1. Теоретические положения

1.1. Культурным пространством мы называем форму существования культуры в сознании. Те или иные феномены культуры при восприятии их человеком отражаются в сознании последнего, где происходит определенное структурирование отражаемого и устанавливаются некоторые системные отношения отраженных феноменов (их взаимоположение,

---

¹ См, напр., Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация. Доклад на Ломоносовских чтениях. Филологический факультет МГУ, 1996. В печати; Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 3; Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 4; Гудков Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. В дальнейшем мы приводим положения из настоящих работ без специальных ссылок.

иерархия и т. п.). “Вещами”, задающими и формирующими культурное пространство выступают представления о “культурных предметах”, существующие в индивидуальном сознании.

1.2. Культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого национально-культурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений. Мы называем эту совокупность индивидуальным когнитивным пространством.

1.3. Существует некоторая совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального, генерационного и т. д.), которую мы определяем как коллективное когнитивное пространство.

1.4. Когнитивной базой (КБ) мы называем определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингво-культурного сообщества. КБ формируют инварианты представлений об определенных феноменах, хранящихся в ней в минимизированном, редуцированном виде.

1.5. Индивидуальное когнитивное пространство включает в себя минимум два представления каждого из феноменов, находящихся отражение в КБ: инвариант, хранящийся в последней, и собственное представление индивида. Инвариант и индивидуальное представление могут практически совпадать, но могут и существенно отличаться. В речи, как правило, актуализируется именно инвариант.

1.6. Единицами, формирующими КБ, являются прецедентные феномены (ПФ), среди которых мы выделяем прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентную ситуацию. Все указанные феномены находятся в тесной взаимосвязи. В дальнейшем мы будем говорить прежде всего о прецедентном имени (ПИ), под которым понимается индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Обломов, Илья Муромец*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин, Павлик Морозов*). За каждым ПИ стоит инвариант восприятия того “культурного предмета”, на который указывает данное имя. При вхождении в КБ представления о том или ином феномене из множества диалектических

и часто противоречивых черт последнего вычленяется лишь ограниченный набор характеристик, формирующих национально детерминированное минимизированное представление (НДМП). Таким образом, означаемым ПИ является НДМП “культурного предмета”, включающее 1) его дифференциальные признаки, 2) атрибуты и 3) оценку. ПИ могут употребляться денотативно (*Ломоносов основал Московский университет*) и коннотативно² (*Этот мальчик будет новым Ломоносовым*).

2. Структура анкеты и принципы анкетирования

2.1. Анкета включала в себя 31 имя, каждое из которых, по мнению ее составителей, могло квалифицироваться как прецедентное. При выборе конкретных имен мы не руководствовались какими-либо жесткими критериями, так как задача состояла не в том, чтобы определить список единиц, являющихся прецедентными для русских, но в том, чтобы показать, что существует корпус имен, означаемыми которых являются НДМП и которые знакомы подавляющему большинству членов русского лингво-культурного сообщества, что, в свою очередь, подтверждает существование национальной КБ. При этом составители анкеты стремились к тому, чтобы в ней относительно пропорционально были представлены имена героев фольклора и детской литературы, классической литературы, реальных лиц.

2.2. При опросе мы стремились охватить информантов разного возраста, образования (незаконченное среднее, среднее, незаконченное высшее, высшее — гуманитарное и техническое), живущих в разных регионах страны (Москва, Подмосковье, Новгород, Тверская область, Архангельская область), горожан и сельских жителей. Нижней возрастной границей опрошенных мы положили 16 — 17 лет (ученики последних классов школы и ПТУ) как возраста относительно полной социализации. Всего было опрошено 90 человек, относительно невысок процент прошедших анкетирование сельских жителей (15 человек), несколько превышен процент лиц моложе 25 лет (39 человек), так как в этой возрастной группе, по нашему мнению, наиболее ярко проявляются тенденции в динамике КБ.

2.3. Анкета состояла из трех разделов. Задание к первому из них было сформулировано следующим образом: *“Представляя своего(-ю) знакомого (-ую) Николай сказал, что он (она)... Что Николай имел в виду?”* После этого следовал список из 31 имени. Эти же имена

---

² Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 116.

фигурировали и во втором разделе анкеты. В нем предлагалось высказать свое предположение о содержании газетной статьи, озаглавленной, например, так: “Колумбы Сибири”, “Рацион для Кащея”, “Остатки молодеют” и т. п. В третьем разделе информантам предлагалось закончить предложение с теми же ПИ (например: *Ее называли Софьей Ковалевской, потому что она... ; Он назвал своего друга Сусаниным, потому что тот...*) Таким образом, каждое из ПИ было трижды употреблено коннотативно, что позволяет составить впечатление о его восприятии и определить то НДМП, на которое это имя указывает.

2.4. С точки зрения строгой социологии, возможно, к валидности результатов наших опросов могут быть предъявлены серьезные претензии. Однако полученные данные вполне удовлетворяют тем задачам, которые мы ставили перед собой при проведении настоящей работы и дают ценный материал, на основании которого могут планироваться и проводиться дальнейшие исследования.

3. Общие результаты

3.1. В число прецедентных мы включали те имена, с инвариантом восприятия которых знакомо не менее 70% респондентов в целом, при этом не менее 50% в каждом отдельном регионе и в каждой возрастной группе. Число 70 выбрано нами достаточно условно, но оно, на наш взгляд, свидетельствует, что подавляющее большинство русских знакомо с НДМП, стоящим за данным ПИ, и последнее относится к ядерным элементам русской КБ. Ядро это, как свидетельствуют полученные результаты, является практически неизменным вне зависимости от уровня образования, возраста и региона. Ниже приводится список этих 23 имен, в скобках указан процент “опознаваемости”³.

Иван Сусанин (93,5 %), Моцарт (100%), Колумб (97%), Стаханов (87%), дядя Степа (95%), Кащей Бессмертный (95%), Ломоносов (98%), Колобок (95%), Золушка (93%), Софья Ковалевская (71%), Павлик Морозов (91%), Дюймовочка (93%), Шапокляк (92%), Суворов (90%), Илья Муромец (99%), Остап Бендер (91%), Павлик Корчагин (77%), Хлестаков (74%), Стенька Разин (79%), Макаренко (75%), Плюшкин (74%), Обломов (77%), Кулибин (78%).

---

³ Термин “опознаваемость” является весьма условным, мы говорим не столько о знакомстве с самим именем, сколько о знании стоящего за ним НДМП, последнее часто далеко отстоит от “энциклопедического” представления. Иными словами, ответ *Обломов* — герой романа не учитывался нами при подсчете процента “опознаваемости”, а *Обломов* — лентяй — учитывался.

3.2. Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что КБ лингво-культурного сообщества не является плодом воображения, но существует в реальности, есть некие знания и представления, которые известны подавляющему большинству тех, для кого русский язык является родным. Проведенное анкетирование позволяет выявить часть ядра этой КБ.

3.3. “Культурные предметы”, на которые указывают ПИ, содержатся в КБ в виде минимизированных представлений, включающих лишь весьма ограниченный набор признаков соответствующего феномена. Так, *Кащей Бессмертный* в русских сказках обладает такими качествами, как сила, жестокость, богатство, властность, преклонный возраст, бессмертие, коварство и др. В ответах же респондентов такое качество, как худоба (периферийное в фольклорном образе) фигурирует в 86% ответов, злоба в 23%, уродливость — 10%, богатство — 5% (в некоторых анкетах указывалось несколько качеств). Таким образом, к ядру представления относится только один признак — худоба, остальные же оказываются периферийными. Еще более характерно минимизированное представление о таком сложном и противоречивом образе, как *Обломов*. Лень и бездеятельность фигурируют в 100% ответов, количество ответов, в которых это качество встречается в сочетании с другими (добродушный, честный, мечтатель и др.), составляет лишь 15%.

3.4. В индивидуальном когнитивном пространстве могут присутствовать несколько представлений одного феномена, например, собственное представление индивида и то НДМП, которое содержится в КБ. Особо интересны для нас те случаи, когда эти представления резко различны. Как и предполагалось нами ранее, в своем вербальном поведении языковая личность опирается именно на НДМП. Так, в одной из анкет респондент (менее 20 лет, нез. средн. образование, Москва) в первом разделе (видимо, не до конца поняв задание) напротив имени *Иван Сусанин* пишет: “*Русский герой эпохи Смутного времени, ценой своей жизни спасший царя*”. В третьем разделе, где предлагается закончить предложение, тот же респондент пишет: “*Он назвал своего друга Сусаниным, потому что тот завел его в лес, где они заблудились*”. Приведем еще один пример. Респондент (старше 60 лет, выс. гуманитарное образование, Москва) в 1-ом разделе напротив имени *Стаханов* пишет: “*Дутый рекордсмен, игрушка в руках властей*”. В других же разделах той же анкеты *Стаханов* характеризуется как “*трудыга*”, “*человек, который много работает*”. Приведенные примеры достаточно ярко свидетель-

ствуют, что энциклопедическая информация о феномене и индивидуальное представление о нем могут существенно отличаться от того инварианта восприятия, который содержится в КБ.

3.5. ПИ находится в тесной связи с прецедентным текстом и прецедентной ситуацией. Например, респондент (40 — 60 лет, ср. образование, Тверская область) в одном из разделов анкеты называет *Обломова* “героем романа *Тургенева*”, в других же разделах характеризует его как “лентяя”, т. е., не зная, с каким текстом связано это имя, осознает, что оно пришло из текста, который (в соответствии с нашими критериями) может быть отнесен к разряду прецедентных. Достаточно ярко представлена и связь некоторых ПИ с прецедентными ситуациями. Так, например, при описании представления, возникающего при коннотативном употреблении имени *Иван Сусанин*, 69% информантов описывали конкретную ситуацию (*завел не туда, ведет неправильной дорогой, заблудившийся в лесу москвич* т. д.). Сходная картина с ПИ *Колумб*. 70% опрошенных говорят о человеке, который открыл что-либо новое, неизведанное. Один ответ — “открыл Африку” (менее 20 лет, нез. ср., Новгород) — весьма характерен в этом отношении. Инвариант восприятия *Колумба* как человека, открывающего что-либо, прокладывающего новые пути, сохраняется даже при отсутствии энциклопедической информации о данном лице⁴.

3.6. Анкеты показывают, что некоторые имена не обладают жесткой связью с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией, выступают “абсолютивно”, выражая некоторые “вечные” качества, не обусловленные какими-либо конкретными обстоятельствами. Яркими примерами таких ПИ являются *Моцарт* (64% ответов содержат такие характеристики, как *гениальный, талантливый, одаренный*), *Макаренко* (100% ответов — *учитель, педагог, воспитатель*), *Кулибин* (77% ответов — *изобретатель*).

Можно также разделить ПИ на такие, за которыми стоит “цельное” представление, и такие, которые указывают на “диффузное” представление. “Цельными” мы называем такие представления, в которых одно качество явно преобладает над остальными, например: *дядя Степа* (83% — *высокий рост*), *Колобок* (90% — *полнота*), *Дюймовочка* (*маленький рост, миниатюрность* — 83%), а также уже указанные выше *Кащей*,

---

⁴ Заметим, что приведенные в этом параграфе ответы могут быть отнесены к числу маргинальных, но они, на наш взгляд, ярко свидетельствуют о явлениях, характерных для представления в целом.

Обломов, Моцарт, Макаренко, Кулибин. “Диффузные” представления имеют гораздо более сложную структуру, обладают большим набором качеств, часто весьма противоречивых. Ярким примером ПИ, за которым стоит подобное представление является *Степан Разин*: 13% ответивших указывают на связь с прецедентной ситуацией (жену утопил, женщину в воду бросил и т. п.; 21% — *бандит, разбойник, хулиган*; 34% — *бунтовщик*; 22% — *лидер, предводитель*; 24% — *широкий, удалой характер*; 11% — *защитник слабых и обиженных*. Еще сложнее “портрет” *Остапа Бендера*: *жулик, аферист, прохиндей* — 29%; *умница* — 14%; *носит длинный шарф* — 11%; *романтик, мечтатель* — 10%; *найдет выход из любого положения* — 8,5%; несколько “оксюморонных” определений — *прелестный жулик, милый аферист, симпатичный прохиндей*. При коннотативном употреблении ПИ, за которым стоит “цельное” представление, в подавляющем большинстве контекстов и ситуаций актуализируется “ядерное” качество (*Его называли Колобком (дядей Степой), потому что он был толстый(высокий)* — наиболее частые ответы). При употреблении ПИ, за которым стоит “диффузное” представление, могут актуализироваться самые разные качества, например: *“Его называли Степаном Разиным, потому что он... организовал выступление против директора; ... выбросил невесту из машины; ...защищал слабых; ... ни в чем не знал удержу”*.

3.7. “Цельные” представления достаточно четко укладываются в предложенную выше схему (дифференциальные признаки (ДП), атрибуты, оценка). Например: *Шапокляк* — ДП — *вредная, пакостница* (68%), атрибут — *крыса* (11%), резко отрицательная оценка; *Обломов* — ДП — *лень, бездеятельность* (100%), атрибуты — *диван* (32%), *халат* (7%), положительно-снисходительная оценка. Надо заметить, что одним из наиболее ярких признаков ПИ является его аксиологичность, явно выраженная оценка присутствует в подавляющем большинстве ответов.

Но полностью указанная схема реализуется далеко не всегда даже в “цельных” представлениях. Так, *Плюшкин* оказывается лишен атрибутов, налицо только ДП — *скупость, жадность* (45%), *бессмысленное накопительство* (43%). Если же говорить о “диффузных” представлениях, то картина оказывается достаточно сложной, без всяких оговорок в схему укладывается, пожалуй, лишь *Остап Бендер*, атрибутами которого являются *кепка и шарф*, оценка при этом оказывается неоднозначной (“скорее “+”, чем “-”). Впрочем, заметим, что структура НДМП может быть именно такой, как мы полагали, но анкеты не во всех случаях позволяют ее выявить.

3.8. Анализ полученных результатов позволяет высказать несколько осторожных предположений о динамике КБ, изменениях, происходящих в ней. Очевидно, что наблюдается тенденция к “выпадению” из нее специфических феноменов советской действительности. Однако тенденция это выражена гораздо слабее, чем можно было предположить: такие имена, как *Стаханов*, *Павка Корчагин*, *Павлик Морозов* однозначно принадлежат к числу ядерных элементов КБ, с НДМП, на которое указывают данные имена знакомо подавляющее большинство респондентов (соответственно, 87%, 77% и 91%). О тенденции к “выпадению” говорит то, что эти имена “знакомы” всем без исключения респондентам старше 30 лет; среди тех же, кому меньше 20, *Стаханов* “набирает” 68%, *Морозов* — 85%, *Корчагин* — 61%, т. е. даже в этой возрастной группе большинство знакомо с указанными НДМП.

Достаточно удивительным представляется то, что менее 60% “набрали” имена героев классической литературы (*Дон Кихот*, *Манилов*, *Тарас Бульба*), а также имена некоторых исторических деятелей (*Гр. Отрепьев*, *Малюта Скуратов*); если при этом учесть, что не очень высок процент “опознавания” таких ПИ, как *Хлестаков*, *Обломов*, *Плюшкин*, то можно говорить об определенной тенденции, особенно принимая во внимание то, что знакомство с представлениями, стоящими за данными именами у людей старше 30 лет выше, чем у учащихся последних классов школ и ПТУ. Последнее наблюдение позволяет выразить сомнение в жесткой связи феноменов, формирующих КБ, с теми, которые представлены в школьной программе.

Заметим, что это только предварительные замечания, более серьезные выводы можно делать, если повторить подобное анкетирование через, скажем, 5 и 10 лет.

3.9. Анкета наглядно демонстрирует идеологический раскол современного русского лингво-культурного сообщества, что приводит к тому, что за некоторыми ПИ (из включенных в анкету, например, *Павка Корчагин* и *Павлик Морозов*) не стоит некое единое представление. Определенный инвариант восприятия сохраняется, но оценки оказываются диаметрально противоположными, не допускающими какого-либо компромисса. Так, основным ДП *Павки Корчагина*, встречающимся в большинстве ответов, является “идейность”, “готовность жертвовать собой за идею”, но характеризуется это качество совершенно по-разному: “трудолюбивый и мужественный борец за идею”, “отважный герой за Родину”, с одной стороны, и “тупой фанатик”, “дурачок прямолинейный” — с другой. Эксплицитно выраженная положительная

оценка присутствует в 43% анкет, отрицательная — в 24%, в остальных оценка прямо не выражена. Основным ДП ПИ Павлик Морозов является “совершение некоторого действия против отца (близкого человека)”, оценки же вновь резко расходятся: “предатель”, “стукач”, “ябеда” и “честный и смелый мальчик”, “готов погибнуть за справедливость”. Интересно, что нейтральная оценка при этом совершенно отсутствует. Положительная же присутствует в 36% ответов, отрицательная в 64%.

Достаточно неожиданным для нас явилось то, что практически невозможно оказалось “привязать” положительные и отрицательные оценки к какой-либо возрастной, социальной группе или региону. Нами предполагалось, что отрицательные оценки будут явно преобладать у респондентов моложе 20 лет, положительные же — у тех, кто старше сорока, но это не подтвердилось: 42% лиц моложе 20 лет охарактеризовали Морозова как *героя* и *борца за правду*; среди же, например, сельских жителей старше 30 лет отрицательную оценку дали 60% (9 из 15). Можно выделить лишь одну группу, в которой явно преобладают отрицательные оценки Морозова — москвичи с высшим образованием — 86% (12 из 14). Сходная картина и с *Корчагиным*. Можно лишь осторожно заметить, что в сельских районах преобладает положительная оценка (эксплицитно выражена в 53% ответов — 8 из 15), отрицательная же — у москвичей с высшим образованием (57% — 8 из 14)).

4. Дополнительные замечания

4.0. Выше нами были описаны результаты, которые могут быть отнесены к числу ожидаемых (в той или иной степени). Но, вероятно, любой эксперимент ценен тем, что не только подтверждает или опровергает те или иные догадки, но и приносит новые данные требующие осмысления. Именно на подобных фактах мы хотели бы остановиться в последнем разделе настоящей статьи. Выдвигаемые ниже тезисы являются лишь гипотезами, требующими дальнейшей тщательной проработки и соответствующих исследований.

4.1. ПИ оказываются достаточно тесно связанными с абстрактными именами. Ключевые концепты национальной культуры, во многом формирующие ценностную шкалу этой культуры и специфику социального поведения членов лингво-культурного сообщества, находят свое отражение в абстрактных именах (таких, как судьба, грех, порядочность и др.). При всей сложности структуры означаемого каждого из этих имен, оно, как нам кажется, вряд ли существует в дискурсивном виде, но представляет собой многомерный образ, именно образ, а не понятие, которое

является лишь следствием философского и лингвистического анализа, но не присутствует в сознании рядового носителя языка, пользующегося подобным именем. Операции со столь сложными и абстрактными образами весьма трудны. Эти образы нуждаются в конкретизации и редукции, тут на помощь приходят стоящие за ПИ представления, которые выступают как эталонное воплощение тех или иных абстракций (*Мощарт* — одаренность, гениальность, *Обломов* — лень, *Плюшкин* — скупость). Именно это позволяет нам говорить о том, что пантеон ПИ, с одной стороны, отражает ценностные ориентации лингво-культурного сообщества, а с другой — во многом формирует и определяет эти ориентации, влияя тем самым на модели социального поведения членов этого сообщества.

4.2. Бросается в глаза актуализация лексики, которую можно признать низкочастотной при употреблении некоторых ПИ. Например: *Шапокляк* — *накостница* (11 ответов из 81 — 13,5%); *Суворов* — *стратег* (7 из 81 — 8%); *Бендер* — *проньера* (4 из 82), *пройдоха* (3), *прохиндей* (3), *процельга* (1); *Плюшкин* — *скопидом* (4 из 66), *скупердяй* (3); *Кулибин* — *самоучка* (9 из 70). Сходную картину можно наблюдать и со *Стахановым*, данное ПИ актуализирует лексику, которая ушла из современного русского дискурса и вряд ли может находиться в активном запасе современных школьников, но в ответах респондентов моложе 20 лет постоянно встречаются такие слова и обороты, как *ударник*, *передовик*, *перевыполнение плана* (7 ответов из 28 — 25%). Представляется, что во всех этих случаях можно говорить, следуя за Ю. А. Сорокиным, о “памяти” имени, о том, что представление, на которое указывает ПИ, хранит ассоциативные связи с определенными лексическими и фразеологическими единицами⁵, образуя определенную фрейм-структуру (в понимании В. В. Красных), т. е. “совокупность (пучок) векторов валентностей (предсказуемых ассоциативных связей)”⁶.

4.3. При употреблении ПИ (и, возможно, прецедентного феномена вообще) мы достаточно часто сталкиваемся с таким явлением, как энантиосемия. Так, *Макаренко* характеризуется как “*зануда, любящий всех поучать*”, “*плохой учитель*”; *Дюймовочка* — “*женщина огромного роста*”; *Ломоносов* — “*двоечник*”, “*второгодник*”; *Колумб* — “*изобрета-*

⁵ См. коллективную статью (запись дискуссии) в настоящем сборнике.

⁶ *Красных В. В.* О чем не говорит “человек говорящий”? (к вопросу о некоторых лингво-когнитивных аспектах коммуникации) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 87.

тель велосипеда”, “открыл то, что всем давно известно”. Анализ подобных ответов показывает, что об энантиосемии можно говорить в том случае, если представление сопровождается знаком “+”. При отрицательной оценке энантиосемия, вероятно, невозможна (так, вряд ли имя *Шапокляк* будет употреблено для характеристики милой и отзывчивой старушки, а *Плюшкин* — щедрого человека)⁷.

5. Выводы

- Можно с уверенностью говорить о существовании национальной когнитивной базы, одной из составляющих которой являются прецедентные феномены, в частности — прецедентные имена.

- За каждым прецедентным именем стоит инвариант его восприятия членами лингво-культурного сообщества, национально детерминированное минимизированное представление.

- Это представление (НДМП) может отличаться как от индивидуальных представлений о соответствующем феномене, так и от “реального” феномена. Это позволяет нам выдвинуть чисто практическое положение: при создании словаря прецедентных феноменов для иностранцев, изучающих русский язык (необходимость которого, на наш взгляд, очевидна), явно недостаточным (хотя и необходимым) является включение в него энциклопедической информации, поскольку нужно также описывать существующие национально детерминированные минимизированные представления.

---

⁷ Заметим, что энантиосемия, вероятно, возможна именно тогда, когда существует некий устойчивый инвариант восприятия, стереотипный образ, переосмысление которого, перемена знака которого является основой различных языковых игр. Энантиосемия является одной из этих игр, используемых для создания различных эффектов и прежде всего комического эффекта. Так, можно вспомнить хрестоматийную фразу, связанную с прецедентной ситуацией и, следовательно, с соответствующим ПИ: “...Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...” Комический эффект создается в данном случае включением в описание прецедентной ситуации дефиниции (*белогвардеец*), резко выламывающейся, с одной стороны, из этой ситуации, а с другой — включающей ее в совершенно иной ряд, при этом ассоциативный ряд (офицер, мундир = белогвардеец (знак “-”)) является для воспринимающего текст читателя (обладающего русской КБ) абсолютно прозрачным.

Соотношение «язык и личность»: к вопросу о построении синтезирующей модели

© Е. С. Киреева, 1998

Будущий историк языкознания, обращаясь к периоду конца XX века, вероятно, отметит особый интерес исследователей к проблеме изучения личностно-субъектного фактора в общении или соотношения «языка и личности», подметив не столько возрастающий интерес к характеристикам, особенностям, структуре языковой личности, сколько стремление охватить и осмыслить языковую личность как особый феномен.

Опору для построения интегративного рассмотрения вышеуказанного соотношения можно усмотреть в идее субъективности человека, в свойстве самодетерминации его бытия в мире (в философии, как известно, для обозначения этого рода причинности используется термин «*causa sui*» — «причина себя»).

Языковая личность не является гомогенным образованием, но представляет собой многоуровневое явление. Ее структура коррелирует со множественной структурой личности (с субъектным модусом бытия личности). Из этого следует, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987: 7]. И наоборот, не зная базовых установок самого «творца»/«пользователя», нельзя в полной мере оценить его речевое поведение. Таким образом, структура языковой личности взаимосвязана с неязыковой структурой личности, а исследование речевого поведения индивида является вместе с тем исследованием его и как личности.

Проблема соотношения «языка и личности» сложна и многоаспектна. В ее рассмотрении заинтересованы различные науки: философия, психология, социология, этнография, антропология и др. Современное языкознание также не остается в стороне: «Языковая личность — вот та сквозная идея, которая... пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов, 1987: 3]. Правда, возможность такого подхода предвидел еще Ф. де Соссюр, не отрицавший использования «принципа дополнительности»: «... с какой бы стороны ни подходить к вопросу, нигде объ-

ект не дан нам во всей целостности... Если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем не связанных между собой явлений. Поступая так, мы распахиваем двери перед целым рядом наук: психологией, антропологией...» [Соссюр, 1977: 47].

Необходимость поворота современного языкознания к исследованию взаимосвязи «языка и личности» обусловлена состоянием изысканий в этой области знания, ориентирующихся на изучение языка и мышления, внутренней речи, специфики структуры дискурса, его восприятия, понимания и воздействия. Эти тенденции еще раз подтверждают тот факт, что языкознание вступило в новую полосу своего развития, когда наряду со «смыслом языкового выражения», т. е. «чистой» семантикой, рассматривается «смысл извне», «смысл говорящего», «смысл слушающего». Если система языка «локализована» в мозгу говорящих и если мы представляем структуру самой системы, то можно, очевидно, исследовать и предпосылки ее становления, и способы ее функционирования. Можно также предположить, что аналогичная, но невербальная структура характерна и для человека, использующего язык.

Взгляд на языковую личность как на соотношение «ролевого» и «субъектного» вполне правомерен для соотнесения ролевого аспекта бытия и поведения человека (социокультурные роли) и его субъектного опыта (психологические роли / эго-состояния, по Э. Берну), представленного внутренними / психологическими характеристиками человека, присущими ему изначально.

В своей совокупности оба этих модуса определяют речевое поведение личности, а реализация целостного описания речевого поведения зависит от построения синтезирующей модели, позволяющей классифицировать языковые средства, служащие средствами экспликации ролевого и субъектного модусов в межличностной коммуникации.

В ходе наших исследований мы пришли к следующему выводу: уровни организации языковой личности коррелируют с ее трехуровневой неязыковой структурой, которую мы рассматриваем как субъектный модус, соотносящийся с ролевым модусом (при описании и классификации уровней субъектного модуса личности [психологических ролей] возможно использование трансактного анализа Э. Берна).

Языковую личность можно исследовать с трех позиций: (1) с позиций лингводидактики (закономерности научения языку), (2) с теоретико-лингвистических позиций (изучение языка художественной лите-

ратуры) и (3) с психолингвистических позиций (изучение психологии языка и речи).

С лингводидактических позиций языковая личность [Богин, 1984] рассматривается как обладающая «готовностью» к осуществлению речевых поступков разной степени сложности. Выделяется три уровня владения языком: нулевой (владение обыденным языком), первый (позволяющий строить «картину мира») и второй (позволяющий осознавать систему мотивов и ценностей в языковой модели мира). В структуре языковой личности также выделяются три уровня: (0) — вербально-семантический, (I) — тезаурусный, (II) — мотивационный.

Границы между уровнями условны и зависимость между ними не однозначная. Для перехода от одного уровня к другому необходима экстралингвистическая информация, «поставляемая социальной составляющей языка и связанная с «историей» языковой социализации данной личности, «историей» ее приобщения к принятым в данном обществе стереотипам в отношении жизненно важных понятий, идей, представлений, «историей» их усвоения и присвоения в процессе социализации» [Караулов, 1987: 45]. Переход от одного уровня к другому может осуществляться с помощью субъектного модуса, поскольку обмен содержанием осуществляется коммуникантами, являющимися «носителями определенных характеристик (среди них важное место занимают социальные, физические, психологические, интеллектуальные и речемыслительные) и которые ставят перед собой в акте общения те или иные цели, а также применяют для их достижения те или иные речевые средства» [Тарасова, 1992: 11].

На сегодняшний день, благодаря работам в области социальной психологии, социолингвистики, социальные роли (ролевые модусы) изучены вполне достаточно, тогда как к описанию субъектных модусов лишь только подходят. Исследователи отмечают, что многие люди, осознавая наличие социальных ролей, определяющих их вербальное и невербальное поведение, не учитывают, что их поведение обусловлено и фактором субъектным.

С теоретико-лингвистической позиции языковая личность также трехмерна [Караулов, 1987: 91], а ее структура корректирует с представленными в лингводидактической модели уровнями: вербально-семантический — ассоциативно-семантический, тезаурусный — лингво-когнитивный, мотивационный — мотивационно-прагматический.

На каждом из трех уровней языковая личность использует соответствующие языковые стереотипы. На I (ассоциативно-семантическом)

уровне стереотипами являются стандартные словосочетания, безэквивалентная и фоновая лексика. К стереотипам II (лингво-когнитивного) уровня относят понятия, отражающие особенности индивидуальной и социальной «картины мира» (базовое стереотипное ядро знаний). Такими, в частности, являются фразеологизмы. На III (мотивационно-прагматическом) уровне стереотипы выступают в качестве прецедентных текстов («культуросфера»).

К невербализованной части ассоциативно-семантической сети (I уровень) относят пассивный словарь, единицы которого, конечно, могут активизироваться. Такая семантическая «конвекция» характеризует и обыденное состояние лексикона личности, в котором одни слова переходят из потенциального словаря — в активный запас, а другие — в пассивный. К невербализованной части тезауруса (II уровень) относят единицы «промежуточного языка», реализующиеся в образах и схемах действий, сопровождающих дискурс. В невербализованную часть «коммуникативной сети» (III уровень) входят «типовые ситуации общения» и коммуникативные социальные роли, овладение которыми происходит в процессе социализации [Караулов, 1987: 92-93]. Иными словами, в нее входит то, что мы называем ролевым модусом.

Субъектный модус определяется в категориях транзактного анализа. Из концепции транзактного анализа [Берн, 1992] следует, что личность является многоуровневым образованием, состоящим из трех эго-состояний / психологических ролей: Ребенка, Взрослого, Родителя, — соотносимых с тремя уровнями в структуре языковой личности: (I) ассоциативно-семантический уровень коррелирует с эго-состоянием Ребенок, (II) лингво-когнитивный — с эго-состоянием Взрослый и (III) мотивационно-прагматический — с эго-состоянием Родитель.

Учитывая такое соотношение, мы можем интерпретировать незавершенность («обрыв» сфер) ассоциативно-семантической (I) и коммуникативной (III) сетей как «входы» языковой личности, через которые на нее оказывают влияние: а) с одной стороны, внутренний, интериоризованный ею языковой опыт, накопленные языковые впечатления или импульсивное эмотивное начало (Ребенок) и б) с другой стороны, внешнее, экстериоризованное начало (овладение социальными нормами и правилами / социокультурными ролями): эго-состояние Родитель. А «медиатором» между I и III сферами выступает Взрослый (соответствующий II зоне).

Заполнение «картины мира» языковой личности может осуществляться через (а) коммуникативную сеть, т. е. через реализацию комму-

никативных потребностей (социальные стереотипы, понятия, социальные роли и др.) и (б) через тексты (межпоколенный опыт, или «коллективное бессознательное»). Тезаурус личности как способ организации знаний о мире «стремится» к стандартизации структуры, к выравниванию ее у носителей конкретного языка.

Феномен «промежуточного языка» — это феномен, указывающий на структурное несоответствие мысленного содержания его речевому выражению: «То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно» [Выготский, 1981: 174]. А У. Мак-Каллок [McCulloch, 1964] пришел — на основе результатов нейрофизиологических исследований — к следующему выводу: «Язык, с помощью которого передается информация (в мозге) ... не соответствует и не должен соответствовать тому языку, которым люди пользуются в общении друг с другом» [цит. по: Прибрам, 1975: 15].

Термин «промежуточный язык» был введен в научный обиход Н. И. Жинкиным [Жинкин, 1960] для обозначения языка переходной ступени — между языком мозга и естественным (словесным) языком. Н. И. Жинкиным использовались и такие понятия: «смешанный код», внутренняя речь, универсальный предметный код (УПК), «язык внутренней речи», внутренний, субъективный язык, «изобразительный язык внутренней речи». В работах других авторов используются иные термины: предметно-схемный код, предметно-изобразительный код, внутриречевой смысловой код, УПК мышления, нейтральный язык, язык-посредник. (Ср. также: «внутреннее программирование не зависит от языка, по крайней мере, в плане самих «смыслов», а не кода, который используется для их закрепления» [Леонтьев, 1967: 12].)

Развивая мысли Н. И. Жинкина, Ю. Н. Караулов указывает, что ключевым является оценка промежуточного кода как смешанного: в нем есть и то, что называют «внутренней речью», и то, что можно назвать «языком мысли». Другими словами, внутренняя речь и интеллект (по Н. И. Жинкину) должны быть соединены таким образом, чтобы одна сторона («язык мысли») была «ориентирована» на интеллект, а другая сторона («внутренняя речь») — на реальный звуковой поток. Иными словами, промежуточный язык занимает «прослоечную позицию», выполняя посредническую функцию и допуская трактовку с двух противостоящих одна другой позиций — от текста, с позиций внешней речи, и от интеллекта, с позиций коррелированных с наблюдаемой речью интеллектуальных (когнитивных) структур и процессов [Караулов, 1987: 186].

В отечественных философско-психологических работах признается, что личность представляет собой сложный комплекс разнообразных свойств, находящихся между собой в тесном взаимодействии и являющихся целостным образованием. В них обсуждаются попытки нахождения «посредников» (медиаторов), которые обладали бы свойствами гетерогенных, но по необходимости объединяющихся признаков. Например, для П. А. Флоренского [Флоренский, 1995] в качестве посредника выступал культовый символ, обладающий свойствами как реального (практически используемого объекта), так и богатой смыслом идеи. Г. Г. Шпет [Шпет, 1989] отмечая разнородность мышления и практики, рассматривал в качестве медиатора слово, являющееся одновременно и реализующимся на практике действием, и средством мышления. Для М. М. Бахтина возрождение целостности человека возможно через событийный поступок. Понятие поступка, как считает М. М. Бахтин, выражает важнейшую онтологическую категорию: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству» [Бахтин, 1986: 83].

Л. С. Выготский, анализируя единицы психического и наделяя этой ролью знак-значение, продолжил традиции поиска посредника, обладающего двойственными свойствами. Л. С. Выготский указывал на предикативность слов, составляющих внутреннюю речь (поток мысли, или промежуточный язык): «В виде общего закона мы могли бы сказать, что внутренняя речь по мере своего развития обнаруживает не простую тенденцию к сокращению и опусканию слов, не простой переход к телеграфному стилю, но совершенно своеобразную тенденцию к сокращению фразы и предложения за счет опускания подлежащего и относящихся к нему слов. Пользуясь методом интерполяции, мы должны предположить чистую и абсолютную предикативность как основную синтаксическую форму внутренней речи» [Выготский, 1981: 166]. Обратный процесс, «т. е. процесс понимания и запоминания речи или текста, сопровождающийся компрессией... не может быть предикативным, поскольку тезаурус... а предикативен, и поток промежуточного языка в процессе понимания должен быть, следовательно, по преимуществу номинативным» [Караулов, 1987: 205-206].

Следует выделить два уровня посреднических функций поступка (в том числе и речевого). На первом, экстрасубъектном уровне, действие

(или поступок) обеспечивает взаимодействие человека с внешним миром (на схеме структуры языковой личности это обозначено обрывом «входа» в коммуникативную сеть). На втором уровне, который может быть назван интрасубъектным, обеспечивается взаимодействие между личностью и образующими рефлексивного слоя сознания (эта составляющая тоже открыта для «входа»). Именно таким образом речевой поступок, или речевой акт, становится посредником в соотношениях с образующими сознания и внешним миром, становится «двуликим», выполняя функцию посредника между ассоциативно-семантическим и мотивационно-прагматическим уровнями. Считается, что «... интериоризованный ряд элементов промежуточного языка связан одновременно сложными отношениями не только с внешним речевым потоком (через ассоциативно-вербальную сеть), но также с тезаурусом языковой личности и системой ее коммуникативно-деятельностных потребностей. Иными словами, даже в элементарном речевом акте всегда проявляется взаимодействие всех трех уровней организации языковой личности — семантического (ассоциативно-вербальная сеть), лингво-когнитивного (тезаурус) и прагматического» [Караулов, 1987: 189].

Особенностями слова (как одного из элементов промежуточного языка) являются: (а) детерминизм связи означающего и означаемого, (б) знаковый характер этой связи и (в) расширение значения при переходе внешнего слова во внутреннее.

Коррелируя с другими единицами промежуточного языка (образами, фреймами, гештальтами), внутреннее слово приобретает «заголовочный» характер, символическую функцию, соотносится с единицами тезауруса личности. Но, приобретая статус единицы промежуточного языка, внутреннее слово «теряет свой грамматический облик, сокращается до нескольких букв (звуков), превращается в отрывок слова, в намек, но намек уже не на слово внешнего языка, а на целый семантический комплекс, блок знания» (Там же: 207).

Исходя из вышеизложенных положений о специфике промежуточного языка, отметим следующее.

Во-первых, промежуточный язык и вербален, и невербален, т. е. «кентаврчен» (ср.: М. М. Бахтин, П. А. Флоренский, Л. С. Выготский).

Во-вторых, исходя из слов М. М. Бахтина о том, что сознание может «приютиться» в слове, а вне этого «... остается голый физиологический акт, не освещенный сознанием, не освещенный, не истолкованный знаками» [Бахтин, 1986: 14], можно сказать, что знак становится знаком,

только выйдя из промежуточного языка во внешнюю речь (на III уровень). А без такой связи (II и III уровней) единицы промежуточного языка оказываются необратимыми. Таким образом, знания могут быть зафиксированы лишь с помощью знаков (но не обязательно слов). Но все же, как отмечает Ю. Н. Караулов, «... вербализация, языковое оформление выступает как важнейшее знаковое средство материализации знаний, причем для осуществления акта передачи, акта коммуникации знания должны быть трансформированы в значения, должны быть переданы средствами языковой семантики. Знание само по себе внеграмматично, амодально и синкретично по отношению к предмету и действию, значение же всегда опосредовано грамматикой, отягощено... категориальными, модальными ограничениями... Процесс понимания есть — процесс перехода от значений к знаниям, тогда как обратный процесс — речепроизводства — направлен противоположным образом — от знаний к значениям» [Караулов, 1987: 209-210]. Кроме этого, при переходе на III уровень знание личностно (прагматически) окрашивается: иллюквативный потенциал языкового выражения становится зависим от контекста его употребления.

Возвращаясь к вопросу о возможности целостного описания бытия человека, а также речевого поведения как одного из важнейших его проявлений (ср. М. М. Бахтин), следует указать на следующее. Идея целостности отсылает к пониманию человека как части более широкого поля, включающего и внутренний мир, и среду его бытования. В этом единстве существует «контактная граница» (соответствующая II уровню и коррелирующая с «двуянусовым» Взрослым) между индивидом (I уровень — Ребенок) и средой (III уровень — Родитель). Функция II уровня — двулика: она допускает и контакт со средой, и уход из нее (ср. процесс «развертывания» и «компрессии»).

Соотношение «языка и личности» может быть представлено следующим образом:

(I)	(II)	(III)		
ассоциативно-семантический уровень	лингво-когнитивный уровень	мотивационно-прагматический уровень	Р	М
СУБЪЕКТНЫЙ МОДУС			Л	О
Ребенок	Взрослый	Родитель	Е	Д
			В	У
			О	С
			Й	

Л и т е р а т у р а

1. *Бахтин М. М.* К философии поступка. Философия и социология науки и техники // Ежегодник философского общества (1984-1985). М.: Наука, 1986. С. 7-94.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Л.: Лениздат, 1992. — 400 с.
3. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. — 44 с.
4. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 400 с.
5. *Жинкин Н. И.* Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех // Известия АПН РСФСР. 1960. № 113.
6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. — 263 с.
7. *Леонтьев А. А.* Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967. С. 7-32.
8. *Прибрам К.* Языки мозга: эксперименты, парадоксы и принципы. М.: Прогресс, 1975. — 464 с.
9. *Соссюр Ф. де* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
10. *Тарасова И. П.* Смысл предложения-высказывания и коммуникация: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1992. — 44 с.
11. *Флоренский П. А.* Иконостас. М.: Искусство, 1995. — 252 с.
12. *Шпет Г. Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989. — 601 с.
13. *McCulloch W. S.* Embodiments of mind. Cambridge: Massachussets Inst. of Technology Press, 1964. — 402 p.

Функция воздействия в художественной литературе и публицистике

© кандидат филологических наук М. Э. Конурбаев,
кандидат филологических наук Е. О. Менджеричкая, 1998

Предметом обсуждения в данной статье является функция воздействия — понятие, введенное в свое время академиком В. В. Виноградовым (наряду с функциями общения и сообщения) и прочно устоявшееся в современной филологической терминологии [4].

Однако нам представляется необходимым вновь вернуться к его рассмотрению. Для этого есть как минимум две причины: во-первых, с тех пор, как оно вошло в обиход, оно начало использоваться лингвистами очень широко и часто применялось ко всем текстам, так или иначе выходящим за рамки нейтральности. Вторая причина — увеличение числа исследований в области лингвопоэтики [2: 249-259]. Во многих работах, посвященных этой проблеме, неоднократно подчеркивалось, что основой данного уровня анализа является способность исследователя выделить в художественном тексте различные типы эстетически значимых элементов, которые и составляют основу литературы¹.

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: а как быть с многочисленными примерами творческого использования языковых единиц в жанре научной прозы, мемуарах и других текстах, основанных на реальных фактах, когда автор, дабы придать вес, важность и выразительность своим аргументам, использует ингерентно коннотативные слова? Безусловно, именно факт существования широкого спектра такого рода текстов и послужил причиной того, что термин «функция воздействия» стал применяться исследователями без разбора, как по отношению к текстам художественной литературы, так и к указанным здесь типам информационных текстов².

---

¹ Под словом «литература» мы понимаем разновидность текстов, объединенных глобальным эстетическим заданием, в которых вымысел составляет необходимую основу языкового функционирования. В этом смысле данные произведения речи (fiction) будут противопоставлены информационным текстам — фактическому материалу, каким бы разнообразным и экспрессивным он ни был.

² Во избежание возможных противоречий сразу оговоримся, что при анализе различных функциональных стилей мы говорим только о преобладающих тенденциях и не исключаем возможность реализации других языковых функций в рамках данного текста.

Приведем несколько примеров подобного рода материала. Прекрасным образцом так называемого “фактического” текста, изобилующего всевозможными эмоционально-экспрессивно-оценочными коннотациями является одно из старейших английских изданий — журнал «The Economist». Хотя официально он называется газетой (the newspaper), то есть изданием, по определению предназначенным для публикации новостей, он не только дает анализ различных событий в мире, но и пытается убедить людей принять свою точку зрения, навязать им свой взгляд на вещи. Достаточно полистать журнал и бросить беглый взгляд на названия статей, чтобы убедиться в правоте этого утверждения:

«Whistling while they work»;
«City of glitter and ghosts»;
«Gloom to boom»;
«Whose noose»;
«Can Ken and Eddie do it?».

Конечно, можно было бы сказать, что приведенные примеры лишь демонстрируют случаи звукового символизма, омофонии и рифмовки, часто используемые в газетных публикациях для привлечения внимания читателей и не более того. Встречаются и более замысловатые приемы, опять же имеющие целью привлечь внимание потенциальных читателей. Вот пример гипертрофированного словообразования, которое практически невозможно даже произнести: **«Supercalifragilisticexpialidocious»**. Оно было использовано в качестве названия статьи, посвященной изучению каллиграфии. По-видимому, все приведенные здесь языковые факты можно рассматривать просто как приемы, используемые автором для привлечения внимания и лишенные какой-то особой экспрессивности.

На страницах журнала можно, однако, встретить заголовки, представляющие гораздо больший интерес для лингвистического анализа. Например, **«Gray area»** (статья посвящена проблемам пожилых людей). Данная фраза допускает целый ряд различных интерпретаций. Так, с одной стороны, «gray area» — это устойчивое английское словосочетание, обозначающее некоторый неясный, трудноразрешимый вопрос. С другой стороны, эта фраза наверняка вызовет ассоциации с седыми волосами и пожилым возрастом.

Приведем другие примеры, также требующие наличия фоновых знаний у читателя и способные произвести на него определенное впечатление:

«*The French lender's woman*» (статья посвящена взаимоотношениям между французским банком и Голливудом). Это прямая аллюзия на роман Джона Фаулза «*The French Lieutenant's Woman*» («Женщина французского лейтенанта»).

Заголовок «*Who would true valour see...*» — цитата из книги Джона Баньяна «*The Pilgrim's Progress*», хорошо известной не только каждому англичанину, но и любому знатоку английской литературы, ибо Джон Баньян, хотя и не стоит в одном ряду с Шекспиром, Мильтоном или Библией Короля Иакова, все же традиционно принадлежит к числу классиков английской аллегорической литературы. Упомянутая статья посвящена Джону Мейджору и его неутомимой жажде популярности, которая для него дороже всех сокровищ мира, подобно мечте обретения «небесного города» («*celestial city*») евангелистом — главным героем романа Джона Баньяна. Этот и другие аналогичные примеры заставляют нас проводить некоторые функциональные параллели с художественными текстами.

Еще одним примером аллюзии в названии может служить статья с заголовком, в котором используется известное библейское изречение «*Let there be light*». Речь в ней идет о лазерах.

Эти и другие примеры хорошо иллюстрируют то, как литературная аллюзия может быть использована для привнесения в статью экспрессивности или для выделения в ней какого-либо момента. Выбирая в качестве заглавия широко известную цитату или популярное высказывание, журналист как бы пытается предсказать, какого рода воздействие оно может произвести на читателя. Ярким примером тому может служить статья с несколько таинственным названием «*Not so Grimm*».

По замыслу автора, аллюзия в названии на знаменитых немецких братьев-сказочников должна подготовить читателя к традиционному сказочному зачину «*Once upon a time...*» («Жили-были»), которым действительно и открывается эта статья. Вся она представляет собой своего рода развернутую метафору — сказку о бывших странах коммунистического лагеря. И в этом контексте ключевой образ, используемый автором, вполне предсказуем: поскольку речь идет о крушении коммунистических режимов и его последствиях, это относящийся еще ко временам маккартизма образ ведьмы — «*the wicked witch*».

Однако особенностью данной статьи является то, что читателю сообщается очень мало информации. Формально «*Not so Grimm*» является сказкой, начинающейся со знаменитого «*Once upon a time...*» и заканчивающейся моралью, с характерным развитием сюжета, характерными

персонажами (принцами, древними мудрецами) и т. д. Но в обычной сказке предполагается, что читатель или слушатель уяснит для себя некие вечные истины через узнавание известных героев, ассоциирующихся с определенными нормами поведения (так, например, в русских сказках волк часто бывает злым и не очень умным, лиса хитрая, заяц хвастлив и трусоват). В данном же случае читатель будет скорее раздражен, не будучи способным правильно воспринимать некоторые персонажи, которые, очевидно, по мнению автора, должны быть легко узнаваемы: «**the villagers who smelled of paprica**» или «**the owners of gingerbread houses**» или принц Вальдемар и т. д. Кроме того, мораль, завершающая эту сказку — «*Governments do not have much room for manouvre in changing the course of reform in Eastern Europe. But they have plenty of room to make life worse for themselves*» — вовсе не выглядит вечной истиной, достойной увековечивания в известном иносказательном жанре.

Конечно, на это легко возразить, сказав, что как раз банальные идеи и требуют более замысловатой формы. Кроме того, журналу «The Economist» очень свойственно представлять на своих страницах если не явно узнаваемые *образы*, то очень явно выраженное *отношение* — пренебрежительное, ироничное, снисходительное. Достаточно взглянуть на подписи к фотографиям, опубликованным в нем, чтобы укрепиться в этой мысли:

“Large earthquake in America, one president hurt”;

“Meciar goes forward to the past”;

“Berisha’ political-suicide vote”.

По прочтении статьи «Not so Grimm» читателя все же не покидает ощущение, что все это несколько «чересчур». Хотя, возможно, использование образов, не связанных непосредственно с конкретными национальными характерами, и способствует тому, чтобы быть понятным в глобальном, а не в местном масштабе.

Здесь, правда, следует оговориться, разъяснив, что мы понимаем под «глобальностью» в данном контексте. Известно, что, согласно исследованиям ведущих специалистов в области лингвопоэтики, одной из основных категорий, лежащих в основе произведения художественной литературы, является глобальность. Едва ли можно говорить о каком-либо адекватном восприятии литературного произведения до тех пор, пока не рассмотрен текст в целом как одна неделимая эстетическая единица. Как неоднократно подчеркивала в своих лекциях профессор

О. С. Ахманова, окончив чтение рассказа, романа или стихотворения, необходимо вернуться к началу и перечитать его вновь. Можно читать книгу и думать, что понимаешь ее, но самое последнее слово в ней способно перевернуть все «вверх дном», совершенно меняя смысл прочитанного. Это целый комплекс различных лингвистических приемов, который дает то, ради чего, собственно, мы и обращаемся к чтению художественной литературы — **эстетическое наслаждение**. А это значит, что читатель газеты или журнала просто не может позволить себе роскошь вчитываться в каждое слово в поисках некоего «глобального» контекста. Ведь периодика нередко лишь просматривается читателем.

Приведем пример художественного текста, иллюстрирующего важность глобального восприятия. Без сомнения, каждое литературное произведение может в той или иной мере служить подтверждением даного положения. Но мы решили остановить свой выбор на наиболее, как нам показалось, ярких примерах из современной английской литературы.

В известном романе Аниты Брукнер *«Hotel du Lac»* речь идет о писательнице Эдит Хоуп, которая уезжает в отдаленный отель, чтобы закончить свою книгу в спокойном уединенном месте, вдали от своих проблем. Здесь она предпринимает попытку изменить свою жизнь, но в конце концов понимает, что это не для нее. Столь незамысловатая информация, которая легко может быть сведена к паре строк в письме или газете, излагается в целой книге. Но, безусловно, не она составляет суть произведения. В центре внимания автора чувства героини, ее переживания, ее внутренний мир. Ситуация достигает своего апогея в самом последнем предложении, переданном очень простыми, но крайне выразительными в данном контексте словами. Героиня посылает телеграмму друзьям, сообщая о своем возвращении: *«Coming home, she wrote. But, after a moment, she thought it was not entirely accurate and, crossing out the words “Coming home”, wrote simply “Returning”»*. В контексте всего произведения это означает возвращение к самой себе.

Говоря о так называемой глобальности выражения и восприятия, нельзя не вспомнить еще один пример. В данном случае речь идет о выборе конкретного лингвистического приема, регулярно используемого на протяжении всего текста. Идея, которую хочет донести до читателя автор, может быть воспринята только на фоне всего художественного произведения, поскольку излагается исключительно через использование избранного автором приема. Мы имеем в виду рассказ Мэлколма Брэдбери «Composition», в котором некий англичанин приезжает в один из американских университетов, чтобы учить студентов писать сочине-

ние. Идея, прослеживаемая на протяжении всего рассказа, на самом деле очень стара и банальна — как плохо воспитаны и косноязычны американцы по сравнению с англичанами.

Бесспорно, нелегко быть оригинальным в наши дни, если все сводится только к этому. С самых первых слов этой истории читателя поражает то, как наряду с вербальным выражением своего неприятия всего американского (как, например, в тех случаях, когда преподаватель исправляет водителя такси, употребившего американское слово «trunk» вместо английского «boot», или говорит презрительно об «американской ночи» или «американском поезде») на протяжении всего рассказа М. Брэдбери заставляет своих американских персонажей произносить некий звук, как бы заменяющий то, что они реально говорят, но что остается совершенно непонятным для Вильяма, главного героя рассказа. Этот звук — «*Ting*». Но еще более поразительно то, что это речевое образование, заменяющее речь американцев, употребляется наряду с различного рода звукоподражаниями, имитирующими поезда, машины, пишущие машинки и т. д. Например: «*There is a knock at the door. “Ting”, says a voice. “Cling, cling”, says the train*». Или: «*“Ring”, goes the telephone. “Ting”, says a voice down the wire. The typewriter reaches the end of a line: “Ping”, it says*».

Этот пример кажется достаточно убедительным для того, чтобы показать, как велика разница между эстетическим воздействием текста художественной литературы, с одной стороны, и воздействием психологическим или информационным, которое мы обнаруживаем в газете или журнале, с другой. Однако вопрос, заданный в начале статьи, все же остается без ответа — как быть с публицистическими текстами, в которых используются самые разнообразные виды коннотативных слов и выражений? Какова их функция?

Анализ показывает, что необходимо быть более точными при определении функциональной направленности различных произведений речи, выполняющих функцию воздействия. Возвращаясь к триаде В. В. Виноградова, упомянутой ранее, **функцию сообщения** необходимо приписать текстам, которые имеют целью передать какую-либо информацию или изложить факты, **функцию общения** — внутритекстовым связующим языковым образованиям, имеющим коммуникативную направленность, а **функцию воздействия** разделить на две больших сферы языкового выражения. С одной стороны, необходимо обособленно изучать тексты, нацеленные не просто на передачу информации, а на изменение точки зрения читателя при помощи использования коннота-

тивных слов и выражений. Эти тексты, согласно предлагаемой нами терминологии выполняют **функцию воздействия**. С другой стороны, мы говорим о художественных текстах в собственном смысле этого слова, где употребляемые автором языковые единицы соединяются в единое целое для передачи некоего общего эстетического смысла — метасодержания. Данные тексты выполняют **функцию эстетического воздействия**. Тем самым преодолевается, на наш взгляд, неоднозначность, которая ранее наблюдалась в использовании данного термина в современных филологических исследованиях.

Л и т е р а т у р а

1. *Ахманова О. С.* Будагов Р.А. Человек и его язык // Вопросы языкознания. М.: АН СССР, 1977. № 5. С.137-139.
2. *Akhmanova O., Zadornova V.* Ощ en est la linguopoétique? // Estudios ofrecidos a Emilio Alarcos Leorach. Oviedo: Universidad de Oviedo, 1977. Vol. 1. P. 249-259.
3. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. — 653 с.
4. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. — 254 с.
5. *Bradbery M.* Who Do You Think You Are? Stories and Parodies. Penguin Books, 1993.
6. *Brookner A.* Hotel du Lac. Triad Grafton Books, 1988.

Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке)

© П. Е. Клобуков, 1998

Изучение отражения эмоций в языке до последнего времени не часто становилось предметом исследований лингвистов. Существовал корпус литературоведческих работ по языку эмоций в поэзии и драме, а также специальная психологическая литература, освещавшая связь языка, эмоции и сознания, однако анализ лексического значения слов, отражающих эмоции, проводился лишь спорадически и часто без должной методологической основы [9; 13].

Традиционно эмоции рассматривались наукой исключительно как чистые чувства, лишённые какой бы то ни было концептуальной структуры, значение же лексики эмоций считалось «размытым» или неразложимым, однако исследования последних десятилетий заставляют признать, что слова, принадлежащие к семантическому полю эмоций, напротив, обладают сложным, комплексным значением, требующим особого подхода и знаний не только о законах языка, но и о природе денотата [19].

Таким образом, чтобы узнать, каким образом эмоция как явление объективной действительности отражается в языке, мы должны в первую очередь исследовать основу существования и строения эмоции как внеязыкового феномена.

По своей природе эмоции — объект исследования многих дисциплин (психологии, психиатрии, антропологии, философии, лингвистики и др.), однако ни одна из них не может обойтись в исследованиях в данной области своими внутринаучными методами и так или иначе вынуждена прибегать к материалам и заключениям других наук. Эмоции являются, таким образом, своего рода точкой пересечения самых разных направлений научной мысли [15], где каждая из наук оказывается бессильна поступательно развиваться в одиночку и где интеграция знаний разной природы не только желательна, но фактически обязательна. Характерно, что необходимость объединения усилий и плодотворность взаимовлияния различных отраслей научного знания подчеркивал еще в начале века Леонард Блумфильд [8], и это было в то время, когда процесс разделения наук о человеке, к которым относится и лингвистика, еще не

привел к современной узкодисциплинарной специализации, а научные знания отличались достаточным синкретизмом.

Перед исследователем эмоций с неизбежностью встает ряд вопросов. Во-первых, необходимо определить, участвует ли сознание в “строительстве” эмоции или же это явление бессознательное; и если в создании эмоции есть место когниции, то в какой мере наш разум принимает участие в процессе воспроизведения переживания. Во-вторых, нужно ответить на вопрос о том, формируются ли эмоции в культуре отдельного народа или они универсальны и свойственны в равной мере каждому индивидууму независимо от среды его обитания. В-третьих, если мы принимаем эмоции в контексте явлений культуры, а не биологии, то мы должны определить, насколько верно мы можем понимать и интерпретировать другие культуры, или, говоря более узко, способны ли мы предложить правильную, научно обоснованную интерпретацию эмоций в другой культуре.

Относительно возможности понимания и интерпретации чужих культур существует несколько принципиально различных мнений. В соответствии с универсалистской позицией, биологическое и психическое сходство людей в разных культурах фактически нивелирует существующие частные различия и позволяет говорить об универсальности концептов. Релятивистская позиция (см. исследования представителей американской лингвистической антропологии Э. Сепира и Б. Уорфа) зиждется на том, что когнитивная категоризация в различных культурах происходит не на основе объективного осмысления естественного мира и не на базе универсальных возможностей сознания, а, напротив, вытекает из организации грамматического (а также лексического) строя отдельного языка. В соответствии с релятивистской позицией, таким образом, утверждается, что языки (а значит, и культуры) несопоставимы, не имеют никакой общей системы измерений, и поэтому не могут быть сравниваемы и интерпретируемы.

Сторонниками ограниченной релятивистской позиции, принятой в современной когнитивной антропологии, также высказывается утверждение о принципиальной разности культур, однако подчеркивается общность различных языков и культур во многих аспектах и универсальная основа психики человека. Таким образом, фокус исследования переносится на поиск первичных концептов — фундаментальных, универсальных основ, предшествующих разнообразным поверхностным проявлениям лингвистических и культурных систем, а также на изучение частных культурно обусловленных явлений [11].

При ответе на второй вопрос относительно универсальности / обусловленности эмоций можно выделить два основных подхода. Древнейший, которого придерживался еще Аристотель, зиждется на допущении, что эмоции универсальны, т. е. в равной мере присущи всем людям и вытекают из общей и единой природы человека, его неконтролируемой психики. Позднее такой подход, основанный на философских и естественно эмпирических наблюдениях, получил и сугубо научное подтверждение в исследованиях Ч. Дарвина [12], который изучал эмоции человека и животных, а также эмоциональную мимику и пришел к выводу, что эмоции «innate and derived through evolution from the lower animals» [9: 166].

Существует ряд аргументов в поддержку врожденной биологической природы эмоций. В частности, доказательство по методу исключения: поскольку мы часто не можем проследить обучение тому или иному эмоциональному поведению, мы предполагаем биологию как единственный мотиватор эмоции. Кроме того, многие эмоциональные состояния переживаются в разных обществах сходным образом, несмотря на различия культурного контекста и физических обстоятельств [9: 162].

Изучение эмоциональных переживаний в клинических условиях выявляет сходную физиологию, сопутствующую определенным эмоциям (температурные изменения кожного покрова, пульс, реакции глаза и т. д.) вне зависимости от этнической принадлежности участников эксперимента, что подтверждает биологическое, физиологическое начало эмоций.

Универсальность определенных эмоций прослеживается также и через характерное мимическое выражение у представителей разных народов и культур, что позволяет считать их запрограммированными на генетическом уровне, как врожденные рефлексy [16: 185].

На основании кросс-культурных исследований выражения лица, сопутствующего различным эмоциям, ученые констатировали набор шести базовых эмоций — эти эмоции считаются пан-культурными, по крайней мере с точки зрения «мимического выражения» (facial expressions). К ним относятся *anger* (гнев / злость / раздражение), *disgust* (отвращение / неприятие), *fear* (страх / ужас), *happiness* (счастье / радость), *sadness* (грусть / печаль), *surprise* (удивление) [9: 171]. Иногда к разряду базовых относят и эмоцию *contempt* (презрение / высокомерие), также имеющую специфическое выражение, узнаваемое в различных культурах.

На первый вопрос, поставленный нами (присущ ли эмоции когнитивный компонент), классические универсалисты отвечают отрицательно,

полностью исключая элемент сознания из эмоции. По мнению классической психологии, эмоциональная система обособлена от когнитивной — это самостоятельная система, которая не подчиняется сознанию и относится к сфере бессознательного, поэтому и эмоции непознаваемы, они существуют как данность, одинаковые у каждого человека, независимо от его принадлежности к тому или иному этносу.

Однако невозможно отрицать, что есть сложные эмоциональные выражения, культурно специфицированные, объединяющие разные эмоции, и они оказываются не так хорошо изучены, как фундаментальные [16: 185]. Ученые, утверждающие универсальность эмоций, считают, что в подобных случаях происходит некое «взаимодействие аффекта и когниции» (affect-cognition interaction).

Универсалисты настаивают также и на единой врожденной природе концепта личности (ego / person / self), принимая за основу западную модель с рядом принципиальных дихотомий, таких, как внутреннее / внешнее, мысль / чувство, общество / индивид, социальное / личное, тело / дух и т.д. Такой подход, с принятием в качестве базы научного аппарата западной (по сути — частной, одной из многих возможных) модели членения мира, ведет к общетеоретическим неточностям и заблуждениям, искаженному представлению о других культурах и неверной интерпретации различных явлений действительности, в частности эмоций¹.

Вместе с тем изучение незападных культур показывает возможность другого видения мира, другой когнитивной категоризации, отличной от того, что мы находим в нашей европейской традиции. Бесспорно существование систем, где эмоции так же, как и концепт личности как таковой, строятся по другим моделям, имеют другие принципы организации, функции и цели.

В изучении этого вопроса исследователи часто оказывались в известном смысле *blind to linguistic and cultural variation*, полагаясь на

---

¹ «... Many of the ethnopsychological categories and dichotomies with which Western cultures have been concerned are reflected directly in current academic discourse — psychological, anthropological and otherwise. The dichotomies include especially the sharp opposition of the individual to the social which is reflected in the existence of the separate disciplines of psychology and anthropology; the concern with a subjective versus objective reality evident in the distinction between ethnopsychology and psychology; the analytic separation of thought and action evident in the distinction between «competence» and «performance»...; the separation of the rational and cognitive from the irrational and emotional...; and, finally, the dimension that runs from the private to the public...» [20: 38]. А также см. [15: 22: 28 и далее].

английскую (русскую или немецкую) народную таксономию эмоциональных состояний как на объективный образец [15].

Академическая психология принимала в качестве составляющих объективного, универсального аппарата научного исследования (образца, модели) европейские термины, например английские обозначения эмоций (такие, как *fear, love, anger, disgust*), отражающие англо-американские этнопсихологические концепты². При наличии такой узкой культурной базы сложно предположить, что эти конкретные эмоции именно в том виде, как они определены, концептуализированы и переживаются в американском обществе, могут выступить в качестве универсалий. Однако именно так и стоял вопрос: различные исследования подтверждали или отвергали возможность сходного с западным чувства (например, *вины*) у представителей других культур, однако никогда не возникал вопрос о том, в какой степени, например, американец может испытывать полинезийскую эмоцию *popokl* («outrage over the failure of others to recognize one's claims») [20].

Сторонники другого подхода к освещению эмоций (свойственного представителям когнитивной антропологии) утверждают, что при наличии определенного числа фундаментальных эмоций, которые являются универсалиями, выделяется особый пласт культурных явлений — этно-специфицированные эмоции, которые являются культурными образованиями, они различны у разных народов, формируются внутри определенного социума, а не наследуются [15; 23: 160].

Другими словами, современный подход к эмоциям не отменяет полностью биологию как фактор формирования эмоций, универсальность эмоций (в понимании Дарвина) [16: 206 и далее]. Признается существование двух типов явлений, составляющих эмоцию, — чувство (*affect, feeling, passion*) и связанное с ним явление, которое обычно обозначается термином “сентимент” (*sentiment, emotion*). Чувства (они соотносятся с планом биологии) универсальны, внутренни, прерацио-

---

² Мы не имеем возможности в рамках настоящей статьи отдельно остановиться на вопросе отношения языка к культуре и сознанию, однако представляется необходимым кратко охарактеризовать это межсистемное единство. Культура понимается в настоящей работе как набор когнитивных схем (концептов), мотивирующих поведение членов социума, носителей данной культуры, к пониманию и интерпретации явлений материальной и социальной действительности. Язык является частью культуры и посредником между когнитивной системой и реальным миром: язык допускает действительность в сознание, сознание же, проводя категоризацию внешнего мира, мотивирует языковые формы. Каждая полнозначная лексема на уровне языка как знаковой системы соответствует отдельному концепту на уровне сознания, когнитивной системы.

нальны и иррациональны. Сентименты (или собственно эмоции) (результат внутрикультурного развития) характеризуются признаками специфичности, приобретенности, рациональности и культурной обусловленности. Таким образом, признается ряд прототипических аффектов, на которые как на базу настраиваются культурно определяемые эмоции.

Чувства выступают как основа определенных состояний, однако сентимент — культурная надстройка — реализуется в языке и сознании определенного общества.

Представляется возможным и плодотворным изучать эмоции в качестве культурно определяемых элементов социальной реальности, абстрагировавшись от вопроса об их биологической основе и общечеловеческой сущности аффекта [18]. Отражение в языке именно эмоции, а не чувства и является предметом исследования лингвиста: для филологии представляет интерес определение сложной когнитивной структуры, сложных взаимовлияний и взаимоотношений различных культурных концептов, их лексическая реализация и семантическая мотивированность. Чувства же, как генетически наследуемые реакции организма, инстинкты, лишённые когнитивного компонента, должны изучаться биологией.

Из сказанного выше следует, что эмоция по своей структуре предполагает как внутреннюю часть, исходящую из биологии, так и внешнюю, обусловленную идеологией; и если первая заставляет нас предположить автономность переживания, ограниченного только личностью «его», вторая заставляет нас обращаться к социальному, приходящему извне.

Однако противопоставление внутреннее-внешнее имеет смысл только в культуре, где личность противопоставляется социуму. В культуре же, где сама личность определяется через социум и отношения с ним, такая дихотомия теряет смысл, и эмоциональный концепт имеет структуру принципиально отличную от традиционной западной [17].

Сложность проблемы состоит еще и в том, что сам феномен эмоции подразумевает и субъективность, и объективность. Внутреннее состояние вызывается чем-то «извне», часто другим субъектом, то есть потенциально присутствует интересубъективность как семантическая валентность [17; 18: 16-17].

Таким образом, изучение лексики, отражающей эмоции, особенно исследования на материале неродного языка, представляющего культуру общества, отличную от культуры исследователя, является делом очень

сложным и требующим особой компетенции не только в области языкознания, но и в когнитивной науке, антропологии и даже биологии.

Изучение эмоциональной лексики древних языков сопряжено с рядом дополнительных трудностей, ибо исследователь оказывается не только вне культуры изучаемого языка, он отделен от нее временем, т. е. не может опытным путем проверить правильность своих заключений и вынужден ограничиваться гипотезами на основании изучения мертвых текстов как памятников естественной речи.

Данные этимологии и анализ структуры значения древнего слова позволяют сделать некоторые выводы относительно менталитета древних народов [6: 333; 7: 268-269; 1; 2; 3; 4]. При этом мы обнаруживаем, что значение древней лексики, составлявшей семантическое поле эмоций, отличалось своеобразным семантическим синкретизмом и не знало многих наших дихотомий: одно и то же слово могло одновременно обозначать как 'страх', так и источник страха — 'опасность'; как 'печаль', так и ее источник — 'неблагоприятную ситуацию, состояние'; как 'гнев', так и последующие действия, вызываемые им, — 'месть, вражду'.

Современные европейские языки также сталкиваются с ситуациями, когда одна и та же лексическая форма служит для обозначения нескольких явлений действительности, отражая события как внутреннего, так и внешнего мира. Однако в отличие от современной полисемии, т. е. наличия нескольких обособленных значений, закрепленных за одной формой, для языка древнего периода предполагается возможность объединения в одном значении нескольких компонентов разной природы и комплексного отражения ситуации эмоциональности в социально-физическом контексте, что не наблюдается в современных европейских языках. Ср: др.-англ. *hete*, *nid*, *gewinn* 'ненависть (чувство)' + 'война, борьба (действие)'; однако рус. *несчастье* — всегда ситуация, событие, а *печаль* — всегда чувство, переживание, вместе с тем *горе* — 1) чувство (*От горя вся почернела...*); 2) событие (*Когда с ней случилось это горе...*).

Выводы о структуре значения древнего слова, хотя они могут быть в высшей степени убедительны, всегда базируются на материале дошедших до нас текстов, количество которых, к сожалению, невелико. Кроме того, сохранившийся материал представлен обычно ограниченным числом жанров, что накладывает свой отпечаток на употребление лексем и часто не позволяет исследователю провести объективный анализ естественного функционирования слова в языке.

Изучение особенностей словоупотребления в живых языках, анализ реальных случаев использования слова носителем в естественной речи, возможность практической проверки гипотезы в языковой среде делают выводы исследователя более доказательными. Данные лингвистов и антропологов, изучающих языки и культуры современных бесписьменных народов, предоставляют богатый материал для общей этнографии и типологической лингвистики. Небезынтересным, в частности, может оказаться сопоставление фактов из языков современных аборигенов и древних индоевропейцев. Данные, полученные в результате изучения указанного материала, некоторые типологические особенности, обнаруженные в языке наших современников, могли бы быть использованы историком языка как косвенный, вспомогательный материал для лучшего понимания менталитета и языковой системы человека древнего.

Слово *alofa* 'compassion, empathy, pity, love' из языка Самоа, помимо чувства, обязательно предполагает физическое действие, конкретную помощь, поддержку и концентрирует свое значение не на степени близости между участниками ситуации, интимности их отношений друг с другом, а на культурной норме взаимных обязательств, то есть определяет в первую очередь некие социальные отношения, а не внутренние чувства [14: 145]. Сходная структура значения обнаруживается и у слова *pikaringanyi* из языка аборигенов Западной Пустыни в Австралии [15: 269 и далее]: наряду с компонентом, представляющим чувство гнева, значение содержит также вызываемое этим состоянием желание вступить в бой, готовность к драке, мотивирующую к конкретному действию потребность наказать источник негативной эмоции, другими словами, в значении одной лексемы есть как эмоциональный компонент, так и компонент физического действия, вызванного эмоцией.

Язык Ифалук, на котором говорит малый народ на островах Тихого океана, представляет характерную картину концепта личности, отличную от западной модели [20]. Ифалук не проводит четкого разделения между физическим телом и внутренней, ментально-эмоциональной системой: слово *niferash*, которое может быть переведено как 'наше внутреннее', выступает и как обозначение внутренних органов человека, и как вместилище и источник всех мыслей и чувств индивида — это наиболее общий термин в описании *ego*, используется в контексте как физиологических, так и психических структур и функций. Семантика названного слова включает в себя мысли, чувства, желания, потребности, болезни и физические ощущения. Фраза «*иметь плохой niferash*» может

означать как физиологические чувства, так и эмоциональное состояние (ср. рус. *я так ужасно себя чувствую, мне так нехорошо*, англ. *I feel so bad*). Этот язык не отражает эмоциональность как обособленный концепт — она представлена двумя лексемами, где оказывается в неразделимом единстве с другими проявлениями внутреннего мира. Основа *tip-* — охватывает понятия 'will / emotion / desire', т. е. воля, эмоциональность, желания; за этим словом закрепляется набор психо-физиологических процессов, ограниченных частным внутренним миром, не зависимых напрямую от социума, исходящих из индивидуальной, личностной, неконтролируемой части *niferash*. Основа *nuniwan* покрывает поле 'thought / emotion' — осмысление, эмоциональность — и предполагает социальную зрелость, ответственность перед обществом, соответствие моральным нормам культуры коллектива, к которому принадлежит индивид. Другими словами, деление внутреннего мира проходит не по системе эмоциональное — ментальное — физиологическое, оно социально ориентировано и выделяет как маркирующую характеристику наличие / отсутствие связи процесса с нормами культуры общества.

В целом можно говорить о том, что внутренние процессы получают свое значение через связь с процессами социальными. Психическое явление не отрицается как факт, заменяясь социальным, но и не получает своего значения за пределами социального. Выражение «мыслей / чувств» допускается и поощряется, однако не для реализации «его» и не как самодостаточная манифестация частного «я», а как естественный сопутствующий элемент внешнего события (физического или социального процесса). Подобное определение себя через общество находит отражение и на уровне грамматики: даже сугубо индивидуальные чувства, не говоря уже о физических действиях, обычно выражаются посредством форм 1 лица мн. ч. — в языке Ифалук естественнее будет звучать «*мы обеспокоены*» или «*мы собираемся за водой*», что объясняется желанием избежать выделения, обособления себя от общества, возможного подозрения говорящего в эгоцентризме.

Нужно отметить, что отличия от традиционной западной модели эмоции и личности часто наблюдаются и в народной культуре обществ, не отделенных от современной западной цивилизации географически или во времени. Так, лингвистический анализ сказок этнической общности La Llogona в испаноязычных деревнях Мексики показывает явное сближение по многим аспектам системы эмоций с соответствующими системами примитивных островных культур [21]. Используемое в названных сказках слово *pena* совмещает в своем значении как указание на чувство стыда,

смущения и на обязательную презумпцию конкретных действий со стороны другого лица, которые вызывают эту эмоцию, а также действий субъекта состояния как реакцию на эмоцию — т. е. социальный и физический контекст эмоциональной ситуации выступает как часть значения лексемы, обозначающей эмоцию. Анализ строения сказки как текста показывает отсутствие особого внимания в культуре La Llorona к эмоции как таковой. Слово *pena*, которое предполагает употребление в контексте «социальное событие > внутренняя эмоция > действие как реакция на эмоцию», может опускаться в тексте повествования, что приводит к формальному выражению ситуации «событие > действие», где эмоция *pena* как среднее звено, связанное с событием и мотивирующее действие, выпадает. Лексикон эмоций, представленных в La Llorona, в целом ограничивается всего несколькими словами, несмотря на широкий круг явлений и наличие ряда потенциально эмоциональных ситуаций, описываемых в сказках, что также говорит об определенно сниженном интересе этой культуры к эмоциям.

Изучение лексикона эмоций в культурах разных народов показывает его определенные типологические особенности. Так, некоторые слова эмоций способны полнее выражать первичные врожденные аффекты, чем другие, более культурно обоснованные, т. е. содержат в своем лексическом значении компонент, отражающий прототипический аффект в большей степени, чем другие, при этом дополнительные когнитивно-оценочные маркеры отходят на периферию значения таких лексем. Большинство же лексем, формирующих ЛСП эмоции, закреплены за определенными культурными сценариями, «they arise to express the specific feelings associated with certain narrowly stereotyped events» [14:129]. В тех полях, где прототипом эмоции является некий врожденный биологический аффект, можно ожидать формирование определенной радиальной структуры вокруг скрытого прототипа, при этом наблюдать однотипные для разных культур элементы содержания и даже принципы формирования значений, которые можно признать универсальными [14: 142; 15: 269; 19].

Однако отношения между основным аффектом и его культурно стандартизированным вербальным выражением очень сложны, поскольку любое выражение проходит через социальный процесс определения и уточнения (*definition and refinement*), ни одно из выражений не может напрямую и однозначно обозначать исходный аффект. Напротив, все культурно определенные эмоции в некоем наборе связанных (родственных) концептов должны приблизительно соответствовать друг другу и

совместно формировать исходный психологический образец (модель), который в чистом виде, возможно, никогда не испытывается в реальной жизни и не выражается в языке.

Нужно отметить также, что в конкретной культуре может реализовываться определенный эмоциональный концепт, который не активирует ни один из врожденных образцов [14: 130-143].

Разные культуры могут реализовывать различные элементы содержания в эмоциональных концептах, а также не иметь специальных терминов для тех или иных эмоциональных состояний, даже если индивид, принадлежащий к данному культурному сообществу, в действительности переживает какие-то «внутренние» процессы. Как происходит категоризация мира и какие моменты действительности становятся семантическими ключами в конкретных лексических и грамматических формах, зависит от общей культурной ориентации общества. Например, жители Самоа имеют небогатый самостоятельный лексикон внутреннего мира, и их концентрация на социальном полюсе эмоции может рассматриваться как культурно обусловленное относительное (выборочное) внимание. Очевидно, физиологические ощущения, сопутствующие базовым эмоциям, в равной мере испытываются и отмечаются членами этого общества, однако игнорируются как значимые, тогда как социальные и внешние атрибуты эмоциональности в высшей степени активно разрабатываются в их языке и культуре [14]. Другими словами, можно говорить о «cultural specificity and situatedness of emotion» [17].

Контрастивные исследования эмоций также показали, что разные культуры по-разному относятся к различным эмоциям, наделяя переживания и проявления отдельных эмоций социальной коннотацией, что влияет на воспитание и социализацию, а это, в свою очередь, — на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения эмоциональной лексики [16]. Выражение эмоций в поведении и мимике не является безусловным и универсальным фактом. Здесь самую активную роль играет социальное воспитание, выступающее как общая культурная норма, предписывающая соответствующий культурно приемлемый сценарий. Культура закрепляет систему правил, ориентируясь по которым индивид может испытывать и демонстрировать социально приемлемые эмоции в определенном контексте. Эмоции в культурно детерминированной системе могут иметь ряд коммуникативных функций,

что также отражается в значении терминов и условиях их функционирования.

Другая проблема, возникающая в ходе сравнения эмоциональных концептов разных культур, состоит в том, что один и тот же факт социальной действительности не обязательно ведет к возникновению сходной эмоции у представителей разных этносов, поэтому идентификация раздражителя и контекста не всегда означает идентификацию эмоции [9].

Помимо изучения западных и древних культур как источника информации о типах строения поля эмоций и способах организации значения отдельных лексем, обозначающих эмоции, важные сведения относительно типологии процессов отражения эмоциональности в языке мы можем получить и через изучение средств образной выразительности современных европейских языков, через исследование метафоры и метонимии в языке как принципиальной модели формирования абстрактного значения.

Перенос значения по модели от физического процесса / состояния к внутреннему особенно часто встречается в лексико-семантических группах, обслуживающих поле эмоциональности, что, возможно, связано с физиологическими проявлениями некоторых базовых аффектов, наследуемых человеком на генетическом уровне [13; 16].

Анализ выражений некоторых эмоциональных состояний в различных европейских языках, представляющих разные языковые семьи, демонстрирует ряд устойчивых ассоциативных переносов [19; 5], которые сходным образом реализуют определенные модели формирования значения эмоциональности в естественной речи. Исследуемый материал позволяет вывести формулу общего метонимического переноса — «Физиологические проявления эмоции выступают как обозначение эмоции» (ср. рус. *затрепетать*, *оцепенеть* вместо *бояться*; *вскипеть*, *взбеситься* вместо *разозлиться*; *помрачнеть*, *поникнуть* вместо *опечалиться*; англ. *trembling*, *quaking*, *freezing with terror*; *boiling*, *burning with anger*, *go mad with fury*; *his eyes grew dark*).

Изучение лексики эмоций в диахроническом аспекте также показывает, что обнаруженные на синхронном материале концептуальные метафоры являются мотиватором изменения значения слова в истории языка по принципу «физиологические ощущения → внутреннее состояние», и лексическое значение слов, отражающих эмоции, возникает путем семантического развития от конкретных физических процессов к абстрактным внутренним, при этом двигателем такого процесса служат

физиологические переживания, сопровождающие эмоцию [10: 1084-1197; 5: 45 — 47].

Исследование языка эмоций в разных культурах и анализ способов формирования значения эмоциональности показывает ряд основополагающих особенностей, которые могут быть использованы как ориентиры для комплексного изучения этого материала как в современном языке, так и в истории языка. Принципиальным моментом в исследовании лексики эмоций становится признание культурной обусловленности эмоциональных концептов, которая вытекает из частного характера категоризации действительности, при этом биологическая основа некоторых прототипических аффектов предполагает универсальность моделей формирования определенных концептов через метафорический и метонимический перенос и сходные процессы построения и изменения лексического значения по принципу «физические процессы > внутреннее состояние».

Подводя итог, мы можем констатировать следующие принципиальные характеристики семантического поля эмоций:

- возможность существования лексем, отражающих «сложную» эмоцию, содержащих в своем значении комплекс эмоционально-оценочных компонентов в том наборе и виде, в каком это не встречается в другом языке, и, напротив, возможность отсутствия в языке лексем, отражающих даже базовые аффекты как самостоятельный, обособленный концепт;

- факультативность дихотомизации внутреннее / внешнее, психическое / физическое, разум / чувство, физическое действие / эмоциональное переживание, индивидуальное / социальное и возможность включения социально-физического контекста эмоциональной ситуации как части значения лексемы семантического поля эмоций;

- факультативность социальной (внешней) коннотации, культурно детерминированной оценки, отношения к переживанию и проявлению эмоции, закрепленного в значении лексемы, а также отражение в значении лексемы возможных специфических коммуникативных и социальных функций, риторики и ритуала;

- универсальный принцип формирования языка эмоций через метафору и метонимию, мотивированную физиологическими процессами, сопровождающими состояния базовых эмоций.

Выделенные принципы организации лексикона эмоций подтверждают наблюдения относительно вероятной структуры значения древнего слова, они могут служить также концептуальным аппаратом изучения семантики современного языка и исследований в области этимологии.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Гвоздецкая Н. Ю.* К проблеме многозначности имен чувств в Старшей Эдде // Скандинавский сборник XXXIII. Таллинн, 1990.
- [2] *Гвоздецкая Н. Ю.* Субъективный и объективный компоненты в древнеанглийских наименованиях горя (к проблеме контрастивного изучения многозначности слова в диахронии) // Диахроническая контрастивность германских языков. Тверь, 1991.
- [3] *Гвоздецкая Н. Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии (проблемы поэтической номинации). Иваново, 1995.
- [4] *Дьяконов И. М.* Люди города Ура. М., 1990.
- [5] *Клобуков П. Е.* Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 2.
- [6] *Потебня А. А.* Об изменении значения и заменах существительного // *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
- [7] *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.-Л., 1953.
- [8] *Bloomfield Leonard.* On Recent Work on General Linguistics // *Modern Philology.* V. 25. Chicago, 1927-1928.
- [9] *Boucher Jerry D.* Culture and Emotion // *Perspectives on Cross-Cultural Psychology* / Ed. A. J. Marsella et al. NY — SF — London, 1979.
- [10] *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
- [11] *Casson R. W.* Cognitive anthropology // *Psychological Anthropology* / Ed. Philip K. Bock. Praeger — Westport — Connecticut — London, 1994.
- [12] *Darwin Ch.* The expression of the emotions in man and animals. London, 1872.
- [13] *Davitz Joel R.* The Language of Emotion. NY-London, 1969.
- [14] *Gerber Eleanor Ruth.* Rage and Obligation: Samoan Emotion in Conflict // *Person, Self and Experience* / Ed. Geoffrey M. White and John Kirkpatrick. Berkeley — LA — London, 1985.
- [15] *Goddard Cliff.* Anger in the Western Desert: A Case in the Cross-Cultural Semantics of Emotion // *Man.* V. 26, 1991.
- [16] *Izard Carroll E.* Cross-Cultural Perspectives on Emotion and Emotion Communication // *Handbook of Cross-Cultural Psychology.* V. 3: Basic Processes. Boston — London — Sydney — Toronto, 1980.
- [17] *Jenkins J. H.* The psychocultural study of emotion and mental disorder // *Psychological Anthropology* / Ed. Philip K. Bock. Praeger — Westport — Connecticut — London, 1994.
- [18] *Kirkpatrick J. & White G. M.* Exploring Ethnopsychologies // *Person, Self and Experience* / Ed. Geoffrey M. White and John Kirkpatrick. Berkeley — LA — London, 1985.
- [19] *Lakoff G. & Kovecses Z.* The cognitive model of anger inherent in American English // *Cultural Models in Language and Thought* / Ed. Dorothy Holland and Naomi Quinn. Cambridge — NY — Sydney, 1987
- [20] *Lutz Catherine.* Ethnopsychology Compared to What? Explaining Behavior and Consciousness Among the Ifaluk // *Person, Self and Experience* / Ed. Geoffrey M. White and John Kirkpatrick. Berkeley — LA — London, 1985.
- [21] *Mathews Holly F.* The directive force of morality tales in a Mexican community // *Human Motives and Cultural Models.* Cambridge University Press, 1992.
- [22] *White Geoffrey M.* Ethnopsychology // *New Directions in Psychological Anthropology.* Cambridge, 1992.
- [23] *Wortman Carol M.* Cupid and Psyche. Investigative Syncretism in Biological and Psychological Anthropology // *New Directions in Psychological Anthropology.* Cambridge, 1992.

О семантическом картировании поля побудительности чешским и русским языками

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 1998

Существующие семантические классификации видов побуждения можно условно разделить на две группы: одни исследователи анализируют по степени синонимичности представленные в том или ином (например, в русском) языке глаголы речевой каузации, другие исходят из классификационных критериев, принятых в теории речевых актов. Оба подхода (первый более традиционен, второй в настоящее время несколько популярнее) имеют свои плюсы и минусы. К недостаткам первого можно отнести опасность смешения базовых и маргинальных семантических интерпретаций (что налицо, например, в одной из последних интересных классификаций данного типа в [Панин 1993: 86]) и трудности его применения при сопоставительных исследованиях, к недостаткам второго — необходимость введения дву- или даже многословных определений, при этом «степень субъективизма» исследователя практически ничем не ограничена (так, в материалах ленинградской конференции (1988) мы находим множество подобных интерпретаций: от «мягкой просьбы» до «категорического приказа» или, если угодно, до «мягкого приказа» [так! см. с. 58], ср.: «настоятельное требование», «равнодушное разрешение», «просьба-мольба», «сдержанная, но настойчивая просьба», «резко настоятельная просьба», «неохотное согласие», «равнодушно-презрительное согласие» [все на с. 29]).

Удачное сочетание названных двух подходов мы находим в работах В. С. Храковского, исходящего при структурировании поля побуждения из прагматических критериев, однако отмечающего, что «в принципе в каждом конкретном языке, в том числе и в русском, есть столько семантических интерпретаций повелительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации» [Теория... 1990: 204]. Данный тезис представляется нам методологически важным, так как позволяет нам сопоставлять, допуская неодинаковое картирование поля побуждения различными языками, семантические интерпретации побуждения в современных чешском и русском языках, не подгоняя данные одного языка под данные другого. Дело не только в том, что один язык может располагать особым каузативом там, где другому требуется двусложное сочетание (ср. русск. *мольба* и

чешск. *úpěnlivá prosba*; функциональное противопоставление *prosba ~ úpěnlivá prosba* букв. 'просьба' ~ 'слёзная, жалобная просьба' мы находим, например, в [Flidrová 1980: 215]. Менее заметны, а потому более сложны случаи неполного соответствия каузативов.

Мы считаем однако, что имеет смысл исходить из того, что и в чешском, и в русском языковом пространстве (как, по-видимому, в любом естественном языке) количество вариантов членения поля побудительности существенно превосходит число словарно зафиксированных несинонимических глаголов речевой каузации, так как разные носители языка могут членить это поле по-разному в зависимости от своей языковой компетенции и склада характера: для кого-то существует только *приказ* и *просьба* (все, что не *просьба* — *приказ*, а все, что не *приказ* — *просьба*), в языковой картине мира другого существует еще и *совет*, кто-то третий улавливает (или, вернее, определяет для себя) разницу между *приказом* и *приказанием* и т.д. Более того, мы вполне допускаем, что даже в языковом сознании одного и того же человека подтипы побуждения могут в разное время группироваться неодинаково. При этом очевидно, что некоторые (наиболее социально значимые) семантические интерпретации будут выделяться в принципе всеми носителями языка и всегда, а другие (маргинальные) — не всеми и не всегда. Так, легко представить носителя русского языка, не видящего различий между упомянутыми выше *приказом* и *приказанием*, но вряд ли кто-то в твердом уме и трезвой памяти перепутает *приказ* и *просьбу*. Полевая природа категории побудительности допускает различные варианты своего структурирования, может быть выделено (и реально выделяется разными носителями языка, а иногда одними и теми же носителями языка в различных конкретных актах коммуникации) разное число подтипов побуждения, при этом чем «мельче» будет членение, чем большее количество несинонимичных интерпретаций будет выделяться, тем выше вероятность несовпадения мнений различных носителей языка и, как следствие, тем больше будет отмечаться различий при межъязыковом сооставлении.

Мы склонны исходить из принципиальной соотносительности основных социально значимых семантических интерпретаций побудительных высказываний в современных чешском и русском языках, не закрывая глаза на отсутствие однозначного соответствия вычленимых носителем того или другого языков спектра частных семантических интерпретаций.

Сравнив список наиболее социально значимых семантических интерпретаций побуждения в русском речеупотреблении В. С. Храковского и Л. А. Бирюлина с аналогичным чешским списком М. Грепла и П. Карлика и с основными типами речевых актов, анализируемых А. Вежбицкой, мы склонны рассматривать в качестве функционально соотносительных следующие вычленяемые в чешском и русском речеупотреблениях семантические интерпретации побудительных высказываний: приказ — *rozkaz*, запрет — *zákaz*, инструкция — *instrukce*, разрешение — *dovolení*, просьба — *prosba*, требование — *žádost*, предостережение — *varování*, предложение — *návrh*, совет — *rada*, призыв — *vůzva*, которые могут быть сгруппированы следующим образом:

- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*: русск. приказ, запрет, разрешение, инструкция; чешск. *rozkaz, zákaz, dovolení, instrukce*.
- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*: русск. просьба, требование; чешск. *prosba, žádost*.
- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация полезности для Агенса каузируемого действия / воздерживания от действия*: русск. совет, предостережение; чешск. *rada, varování*.
- Подтипы побуждения, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: русск. предложение, призыв; чешск. *návrh, vůzva*.

Названные семантические интерпретации побудительных высказываний представляют собой абстракции, при более пристальном рассмотрении способные распадаться на ряд более конкретных подтипов побуждения либо вычленять из себя подтип побуждения, маркированный по какому-либо специфическому признаку. Так, русское *приказ* может развернуться в ряд *распоряжение, приказ, приказание, повеление, команда...* чешский *rozkaz* — в ряд *rozkaz, příkaz, příkázání, povel...* (подробнее см. в [Изотов 1998]) и т.д. Исследующая побудительно употребленные полипредикативные высказывания современного русского языка Л. А. Сергиевская говорит об «основных видах повелений» и об их «коннотациях»: *приказ* (коннотации — *распоряжение, требование, запрещение, команда*), *призыв* (коннотация — *лозунг*), *предложение* (коннотации — *приглашение, предписание, пожелание*), *просьба* (коннотации — *мольба, утешение, заявление*), *совет* (коннотации — *наставление, назидание, предостережение, разъяснение*) [Сергиевская

1995: 77-79]. Наша интерпретация соотносительности «основных видов повелений» и их «коннотаций» отличается от интерпретации исследовательницы тем, что мы настаиваем на динамичном, текучем характере каких бы то ни было иерархизаций в рассматриваемой области, недаром рассуждающая о «семи грехах прагматики» Д. Франк предостерегает от соблазна впасть в *gare taxonomique*, подчеркивая, что «расплывчатость [vagueness] оказывается существенным свойством языковых выражений» [Франк 1986: 369]. *Распоряжение, требование, запрещение, команда* только тогда может рассматриваться в качестве «коннотаций» *приказа*, когда под *приказом* понимается разновидность побуждения, маркированная по признаку *декларация высокой степени обязательности каузируемого действия для реципиента*, то есть когда это слово используется в качестве общего понятия. Только тогда *распоряжение (требование, запрещение, команда) = приказ + сумма эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющее на конечный смысл воспринимаемого высказывания* (рабочее определение коннотации, используемое в [Потапова 1997: 6]), в ином случае *приказ* сам является коннотацией. Подчеркиваем, что мы считаем такую точку зрения возможной, но не единственно возможной. Если рассматривать в качестве «родового» признака *приказа* не признак «высокой степени обязательности каузируемого действия», а признак «высокой степени вероятности каузируемого действия», как мы это делаем в настоящем исследовании, то *требование*, характеризующееся высокой степенью обязательности каузируемого действия для реципиента речи и низкой степенью вероятности этого действия (ср., например, [Красных 1998: 189]), не будет объединяться с *распоряжением, запрещением, командой*. Мы склонны полагать, что в то время как для носителя русского языка в *приказе* на первый план выступает признак «высокой степени обязательности», для носителя чешского языка — признак «высокой степени вероятности», именно поэтому для русского *требование* ближе к *приказу*, а для чеха *žádost* ближе к *просьбе*, так что «перед нами типичная ситуация межкультурного конфликта, когда наблюдающие один и тот же объект по-разному делят присущие ему признаки на существенные / несущественные, что приводит к диаметрально противоположным оценкам данного объекта» [Гудков 1997: 75]. Избранные нами принципы семантического членения поля побудительности в сопоставляемых языках позволяют, как нам представляется, разрешить в некоторой степени эту конфликтную ситуацию.

Л и т е р а т у р а

- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251-275.
- Гудков Д. Б.* К вопросу об этнических стереотипах и межкультурных конфликтах (на примере рассказа Н. Н. Лескова «Железная воля») // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 4. С. 67-77.
- Изотов А. И.* Функциональные разновидности «авторитарного» побуждения в чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М., 1998. Вып. 3. С. 52-66.
- Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988.
- Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
- Панин Л. Г.* Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. 1993. № 5-6. С. 82-89.
- Потапова Р. К.* Коннотативная паралингвистика. М., 1997.
- Сергиевская Л. А.* Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1995.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 363-373.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Храковский В. С., Билюлин Л. А. и др.* Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Grepl M., Karlík P.* Skladba spisovné češtiny. Praha, 1986.
- Mluvnice češtiny. Praha, 1987. D. III.
- Příruční mluvnice češtiny. Brno, 1996.
- Fliďrová H.* Reakce na apel v dialogu // Otázky slovanské syntaxe IV / 2. Brno, 1980. S. 213-217.